

БЕСТСЕЛЛЕР *NEW YORK TIMES*

НОЧНОЕ

Р О М А Н

КИНО

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

МАРИША ПЕССЛ

КНИГА ГОДА ПО ВЕРСИИ *BOOKPAGE, KIRKUS REVIEWS, COSMOPOLITAN*

Мариша Пессл

Ночное кино

Серия «Большой роман (Аттикус)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18770100

Ночное кино : роман / Мариша Пессл: Иностранка, Азбука-Аттикус;

Москва; 2016

ISBN 978-5-389-11607-8

Аннотация

Культовый кинорежиссер Станислас Кордова не появлялся на публике больше тридцати лет. Вот уже четверть века его фильмы не выходили в широкий прокат, демонстрируясь лишь на тайных просмотрах, известных как «ночное кино».

Для своих многочисленных фанатов он человек-загадка.

Для журналиста Скотта Макгрэта – враг номер один.

А для юной пианистки-виртуоза Александры – отец.

Дожливой октябрьской ночью тело Александры находят на заброшенном манхэттенском складе. Полицейский вердикт гласит: самоубийство. И это отнюдь не первая смерть в истории семьи Кордовы – династии, на которую будто наложено проклятие.

Макгрэт уверен, что это не просто совпадение. Влекомый жадой мести и ненасытной тягой к истине, он оказывается

втянут в зыбкий, гипнотический мир, где все чего-то боятся и всё не то, чем кажется.

Когда-то Макгрэт уже пытался вывести Кордову на чистую воду – и поплатился за это рухнувшей карьерой, расстроившимся браком. Теперь же он рискует самым рассудком.

Впервые на русском – своего рода римейк культовой «Киномании» Теодора Рошака, будто вышедший из-под коллективного пера Стивена Кинга, Гиллиан Флинн и Стига Ларссона.

Содержание

Пролог	7
Ночное кино	14
Конец ознакомительного фрагмента.	328

Мариша Пессл

Ночное кино

Marisha Pessl

NIGHT FILM

Copyright © 2014 by Wonderline Productions, LLC

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. Грызунова, перевод, примечания, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство Иностранка®

* * *

*Памяти моей бабушки Рут Хант Редингер
(1910–2011)*

*Смертный страх важен не менее любви.
Он пронзает нашу жизнь до глубин нутра –
и так мы понимаем, кто мы есть. Попятишься,
прикроешь глаза? Или тебе хватит сил шагнуть
к обрыву и заглянуть в бездну? Хочешь ты*

знать, что там обитает, или и дальше жить в сумеречном самообмане, где нас заточил этот мир торгашей, где мы заперты, как слепые гусеницы в вечном коконе? Что ты сделаешь – зажмуришься, съезишься и умрешь? Или с боем пробьешься наружу и взлетишь?

Станислас Кордова. «Роллинг Стоун», 29 декабря 1977 г.

Пролог

Нью-Йорк, 02:32

Как ни крути, у каждого из нас – своя история про Кордову.

Скажем, соседка нашла его фильм в коробке на чердаке и больше не заходила в темные комнаты одна. Или чей-то парень похвастался, что в интернете отыскал пиратские «Ночами все птицы черны», посмотрел и теперь не желает об этом говорить, словно это было чудовищное испытание, которое он едва пережил.

Можно относиться к Кордове как угодно – одержимо пересматривать, равнодушно пожимать плечами, – но он живет, чтобы мы были против. Он – разлом, черная дыра, невнятная угроза, беспощадная вспышка неведомого в нашем чересчур обнаженном мире. Скрывается в подполье, незримо шныряет по темным углам. Прячется под железнодорожным мостом в реке, где таятся все потерянные улики и ответы, которым не увидеть света дня.

Миф, монстр, смертный муж.

Но я все-таки верю, что Кордова, когда нужен позарез, умеет выйти навстречу, как загадочный гость, которого замечаешь через всю комнату на многолюдной вечеринке. Глазом не успеешь моргнуть, а он стоит *прямо перед тобой*, у чаши с пуншем, и смотрит, когда ты оборачиваешься и небрежно

интересуешься, который час.

Моя история про Кордову во второй раз началась дождливой октябрьской ночью — я был один из многих, кто носится кругами, со всех ног мчится в никуда. В третьем часу я бегал вокруг водохранилища в Центральном парке — рискованная привычка, завелась у меня в последний год: я был так накручен, что не уснуть, меня по пятам преследовала инерция, и нечем было ее объяснить — разве только смутной догадкой, что лучшие годы жизни позади и улетучились шансы, которые в юности я так естественно предвкушал.

Холодно было, я до нитки промок. Гравийную дорожку изрыли лужи, черную гладь водохранилища окутал туман. Он застревал в прибрежных камышах и стирал окраины парка, словно их нарисовали на бумаге и отодрали кромку. От величественных небоскребов Пятой авеню остались только редкие золотые огоньки, что горели во мраке, отражаясь в воде у берега, точно потускневшие монетки на дне. Под очередным чугунным фонарем моя тень рывком бросалась мимо меня, поспешно бледнела и отклеивалась, — наверное, ей духу не хватало остаться.

Заходя на шестой круг, я миновал Южный гидроузел, глянул через плечо и увидел чью-то фигуру.

Под фонарем стояла девушка — лицо в тени, алое пальто пропитано светом из-за спины, разрезает ночь мазком ярко-красного.

Девушка, здесь, одна? Совсем рехнулась?

Я развернулся, смутно досадуя на девчонкину наивность – или беспечность, или что уж там привело ее сюда. Женщины Манхэттена, конечно, роскошны, но порой забывают, что не *бессмертны*. Развеселыми пятничными вечерами рассыпаются по городу, точно конфетти, думать не думают, в какую *дыру* провалятся к субботе.

Дорожка вела на север, дождь колотил лицо, кривым тоннелем нависали отяжелевшие ветви. По щиколотку забрызгавшись грязью, я обогнул ряды скамеек и дугу мостика.

Девушки как не бывало.

Но затем далеко впереди мелькнуло красное. Я еле рассмотрел – оно опять исчезло, – а вскоре различил темный худой силуэт: она медленно шагала впереди вдоль чугунных перил. Черные сапоги, темные волосы до лопаток. Я поднажал: обгоню ее под фонарем, пригляжусь, все ли с ней хорошо.

Но когда приблизился, отчетливо заподозрил, что хорошо *не все*.

Стук шагов – слишком тяжелы для этой худышки, и шла она одеревенело, словно поджидала меня. Мне вдруг почудилось, что, когда я ее нагоню и она обернется, лицо ее вовсе не будет молодо – лицо будет *старое*. Истраченное лицо старухи вперится в меня запавшими глазами, рот – как рубец топора на древесном стволе.

Осталось всего несколько футов.

Она поднимет руку, сцапает меня за локоть, и хватка ее

будет по-мужски сильна, *ледяна*...

Я пробежал мимо, но она не подняла головы, спряталась за волосами. Когда я снова обернулся, она уже выступила из-под фонаря в темноту – безликий силуэт, вырезанный из мрака, плечи очерчены красным.

Я побежал дальше, срезал по дорожке, что петляла меж густых кустов, и ветки хлестали меня по рукам. В следующий раз, когда нагоню, остановлюсь, скажу что-нибудь – по совету домой идти.

Но я намотал еще круг, а ее не увидел. Оглядел склон холма над конными дорожками.

Ничего.

Я добежал до Северного гидроузла – каменное здание, для фонарей недосигаемое и облитое темнотой. Ничего не разглядишь, только узкие ступени под проржавевшими дверями, на дверях цепь с замком, рядом табличка: «НЕ ВХОДИТЬ! СОБСТВЕННОСТЬ НЬЮ-ЙОРКА».

Приблизившись и задрав голову, я вздрогнул: она была там, стояла на крыльце, сверху вниз смотрела на меня. Или сквозь меня?

Когда мозг переварил эту картину, я уже слепо промчался дальше. Но то, что я рассмотрел в эту долю секунды, снимком со вспышкой плыло перед глазами: спутанные волосы, кроваво-красное пальто во мраке запеклось бурым, лицо поглотила тень, – может, и лица-то никакого нет.

Мне явно *не стоило* пить четвертый скотч.

Было время, и *не очень* давно, когда я так запросто не пугался. «Скотт Макгрэт, журналист, который спустится в ад, лишь бы взять интервью у Люцифера», как однажды написал некий блогер. Я считал это комплиментом. Зэки, та-туировавшие себе лица гуталином и собственной мочой, вооруженные подростки Вигарьо-Жерал на приходе, медельинские тяжеловесы, которые ежегодно мотаются отдохнуть в тюрьму на Рикерс-Айленд, – все это я созерцал не моргнув глазом. Просто декорации, пейзаж.

А теперь психую из-за женщины во тьме.

Наверняка пьяная. Или транков перебрала. Или, может, больные на голову отроки взяли ее на слабо, хулиганка с Верхнего Ист-Сайда надоумила. Если все это, конечно, не расчетливая подстава, а где-нибудь тут не притаился ее парень и вот-вот не напрыгнет, крысеныш помойный.

Если все задумано *так*, их ждет разочарование. Ничего ценного у меня с собой нет – только ключи, выкидной ножик и карточка на метро, где осталось баксов восемь.

Ладно, допустим, у меня черная полоса, невезуха – назовите как хотите. Не приходилось махать... ну, *строго* говоря, с конца девяностых. Но не забудешь ведь, как драться за свою жизнь. И никогда не поздно вспомнить, если еще жив.

Ночь была неестественно тиха, *мертва*. И туман этот над водой – растекся, заполз меж деревьев, пожрал дорожку, как болезнь, метастазы, выхлоп здешнего воздуха.

Еще минута – и я снова подбегал к Северному гидроузлу. Просвистел мимо, думал, увижу ее на крыльце.

На крыльце пусто. Ее нигде нет.

Но чем дольше я бегал, чем дальше разворачивалась перед мною дорожка – подземный ход в новое сумеречное измерение, – тем яснее понимал, что встреча наша оборвалась преждевременно, будто песню вырубили на окрыленной ноте, кинопроектор зафырчал и застыл, пары секунд не дожив до кульминационной сцены погони, и экран побелел. Никак не удавалось стряхнуть навязчивое подозрение, что девушка очень и очень *здесь*, прячется где-то, наблюдает за мной.

В сырой канве ароматов, меж запахов грязи и дождя, я, честное слово, уловил дуновение духов. Сощурившись, взгляделся в тени под холмом, ожидая вот-вот разглядеть ярко-красную рану, ее пальто. Может, сидит на скамейке, стоит на мостике. А вдруг она пришла наложить на себя руки? Вдруг она взобралась на перила, подождала, безысходно обратив ко мне лицо, и шагнула, кулем камней упала вниз, на далекую дорогу?

Может, я выпил пятый скотч и сам не заметил. Или этот клятый город все-таки меня *доконал*. Я спустился по ступеням, по Ист-драйв вышел на Пятую авеню, свернул на Восточную Восемьдесят шестую, и тут дождь обернулся ливнем. Я пробежал три квартала, мимо ресторанов за рольставнями, мимо ослепительных вестибюлей, откуда порой выглядывали скучающие швейцары.

У входа на станцию «Лексингтон» я расслышал рокот надвигающегося поезда. Припустил по лестнице, махнул карточкой, миновал турникет. На платформе малоллюдно – пара юнцов да пожилая тетя с коричневым пакетом из «Блумингдейлз».

Поезд влетел на станцию, со скрежетом затормозил, и я вошел в пустой вагон.

«Экспресс номер четыре следует в Бруклин. Следующая остановка – „Пятьдесят девятая улица“».

Страхивая воду, я выглянул на опустевшие скамьи, на размазанную граффити афишу фантастического кино. Бегущего человека на афише ослепили, черным маркером выцарапали ему глаза.

Двери упруго затворились. Заскрипели тормоза, поезд двинулся прочь от платформы.

И тогда я заметил, как поодаль на платформу спускаются блестящие черные сапоги и что-то красное – красное пальто. Ниже, ниже, промокшие черные волосы чернилами обливают плечи – она, девушка с водохранилища, призрак, ну или кто она есть? Но не успел я сообразить, сколь это невозможно, не успел мой рассудок заорать: «Она идет за мной!» – поезд нырнул в тоннель, окна почернели, и в стекле мне осталось только мое отражение.

Ночное кино

Александра Кордова найдена мертвой

<http://www.nytimes.com/2011/10/14/alexandra-cordova-naydena-mertrvoy>

НА ГЛАВНУЮ | СЕГОДНЯШНИЙ ВЫПУСК | ВИДЕО | САМОЕ ПОПУЛЯРНОЕ

Войти | Зарегистрироваться | Помощь

Нью-Йорк Таймс

Нью-Йорк / Штат

Поиск по NYTimes.com

Искать

МИР | США | **НЬЮ-ЙОРК / ШТАТ** | БИЗНЕС | ТЕХНОЛОГИИ | НАУКА | ЗДОРОВЬЕ | СПОРТ | ОСОБОЕ МНЕНИЕ | ИСКУССТВО | СТИЛЬ

Александра Кордова найдена мертвой

Александра Кордова найдена мертвой
Опубл.: Чарльз Данбар, 14 октября 2011

Фото: «K&M Рекординг»

Городской отдел судмедэкспертизы сообщил о результатах опознания тела, найденного в четверг в пустом пакгаузе в Чайнатауне. Тело принадлежит Александре Кордове, дочери лауреата премии Американской академии кинематографических искусств и наук режиссера Станисласа Кордовы. Мисс Кордове было 24 года.

Причина смерти пока не установлена, однако полиция рассматривает версию о том, что мисс Кордова, по имеющимся данным давно страдавшая депрессией, покончила с собой, прыгнув в шахту неработающего лифта, говорит официальный представитель городской судмедэкспертизы Эктор Х. Маркос.

Мисс Кордова была классической пианисткой и некогда вундеркиндом. В 12 лет она дебютировала в Карнеги-холле, где с Московским филармоническим оркестром сыграла Концерт для фортепиано соль мажор Равеля. Мисс Кордова оставила музыку в 14 лет, отказавшись от дальнейших концертов, гастролей и появлений на публике.

Она росла среди холмов Адирондака, в обширном отцовском поместье «Гребень»,

¹ «Днесь очевидное вчера только мнилось». Уильям Блейк. – Цитата из книги английского поэта-романтика Уильяма Блейка «Бракосочетание Рая и Ада» (*The Marriage of Heaven and Hell*, 1790–1793), глава «Пословицы Ада», перев. С. Степанова.

Дочь Кордовы найдена мертвой

Александра Кордова, 24-летняя дочь культового повелителя теней Станисласа Кордовы, была найдена мертвой в центре Нью-Йорка — подозревают самоубийство. Тем самым в биографию человека, изобретательно создавшего и отвергнувшего свою темную легенду, вписана новая черная глава. И напрашивается самоочевидный вопрос: это лишь печальное совпадение? Или весь род жестоко проклят? Мы будем держать читателей в курсе событий. [«Нью-Йорк таймс»]

ЕЩЕ: КИНО, СТАНИСЛАС КОРДОВА, АЛЕКСАНДРА КОРДОВА, КУЛЬТ

809 комментариев [КОММЕНТИРОВАТЬ](#)

[НОВЫЕ](#)

[СТАРЫЕ](#)

[ИЗБРАННЫЕ](#)

[ПОПУЛЯРНЫЕ](#)

☒ Показать ветки

АНОНИМ

Весьма печально

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:23

дайтемнекофеину

R.I.P., Сандра К.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:26

Кэти

Он же социопат. Ему нельзя кино снимать.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:31

Билл — Рослый Лепрекон

Кэти, КОНЕЧНО! Не дай бог ненароком увидеть мрак и уродство, не дай бог что-то подорвет твой торгашеский корпоративный взгляд на мир.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:33

Фанат Кордовы

«Днесь очевидное вчера только мнилось». Уильям Блейк.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:36

САМОВОЛ

Неудивительно. «Изолятор 3» мог снять только псих. Мозги совсем наперекосяк.

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:41

Джесс

А где ты его видел?

Пятница, 14 октября 2011 @ 23:43

САМОВОЛ

Фото ТАЙМ

КУЛЬТУРА

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

1 из 18

Станислас Кордова, Нью-Йорк, декабрь 1977 г. Последняя известная фотография легендарного кинорежиссера

Александра Кордова (24 года), дочь кинорежиссера Станисласа Кордовы, была найдена мертвой вчера в заброшенном здании пакгауза на Нижнем Манхэттене.

В современном мире твитов, инфоперегрузки и всеобщей прозрачности Станислас Кордова — исключение. Дав интервью «Роллинг Стоуну» в 1977 году, он перестал появляться на публике и беседовать с журналистами. Те, кто с ним работает, соблюдают строжайший кодекс молчания. 15 фильмов Кордовы — душераздирающие странствия в обиталищах зла — по сей день считаются культовыми и стоят в ряду самых страшных фильмов в истории кинематографа. Равно загадочен и сам режиссер, чья карьера и личная жизнь полны спорных подробностей.

ТАЙМ публикует краткий иллюстрированный обзор пути Кордовы, непостижимого человека, который, даже пребывая в тени и храня молчание, по-прежнему вызывает бурю.

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)

2 из 18

Истоки

Кордова рос в Южном Бронксе, единственным ребенком матери-одиночки; касательно прочих обстоятельств его воспитания достоверно известно немного. Когда поиск личных фотографий режиссера-затворника превратился в культовую забаву его поклонников, вышедшая на пенсию преподавательница начальной школы № 12 выступила с заявлением, что на этом снимке запечатлен Кордова (слева на заднем плане). По изучении списков учащихся выяснилось, что в 1948 году в ее класс поступил мальчик по имени Стэн Кордова. Ему ставили низкие оценки за «угрюмость».

Нравится

27

Твитнуть

48

g+1

9

[Поделиться](#)

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

3 из 18

Босс

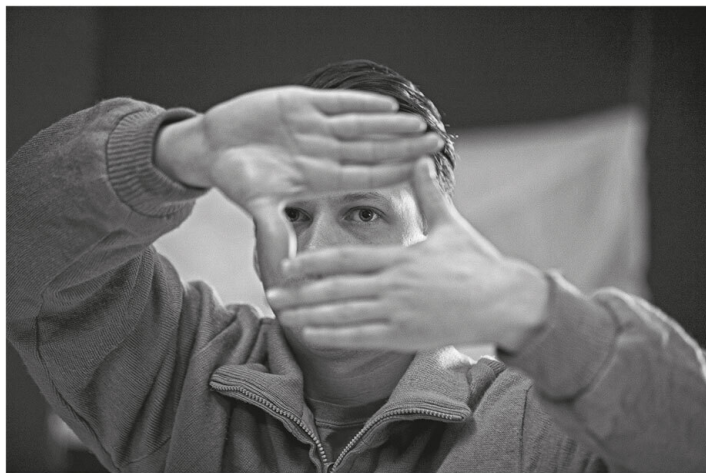
Бывшая официантка кафе «Чё?» Джессика Рамирес утверждает, что была подружкой Кордовы в период с 1960 по 1962 год. По ее словам, Станислас бросил школу в старших классах и промышлял мелкими правонарушениями. Украв «форд-тандербёрд», он стал зарабатывать шофером — нарядившись в ливрею, возил проституток в порочной нью-йоркской ночи 1960-х, — а днем писал сценарий, впоследствии ставший его леденящим кинодебютом «Силуэты, омытые светом» (1964). «Глаза у него были инопланетные, — говорит Рамирес. — Взгляд словно преодолевал многие световые годы — и выворачивал тебя наизнанку». У нее осталась лишь одна фотография, где она (слева) изображена вместе с Кордовой (в центре).

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

4 из 18

Темный гений

Киноккомпания «Уорнер Бразерс» обнародовала этот фотопортрет Кордовы, сделанный на съемочной площадке его второго фильма «Наследие» (1966). Фильм, пугающая история о десятилетнем мальчике, который решает убить злого окружного шерифа, впервые поднимал темы, которые Кордова станет исследовать в своем творчестве постоянно: жуткая изнанка красоты и нормальности; раздробленная природа человеческой личности, тающей невысказанные страхи, жажду насилия и аморальные сексуальные позывы, и само по себе «ночное кино» как колдовское, эмоционально мучительное переживание. Когда Кордова скрылся от публики, возникли сомнения в том, что на фотографии действительно изображен он.

67

12

30

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

5 из 18

Правая рука

Со второго полнометражного фильма самым доверенным соратником Кордовы стала Инес Галло. Галло была якобы мексиканской домохозяйкой (*см. свадебное фото*) и в августе 1965 года познакомилась с Кордовой в метро, на маршруте Q в сторону Бруклина. Спустя несколько дней она среди ночи уехала, бросив семью, и следующие 30 лет всплывала лишь как «ассистентка мистера Кордовы» в титрах его 15 фильмов. На публике мисс Галло появилась всего раз, на церемонии вручения премии Американской киноакадемии в 1980 году: выйдя на сцену в ботинках военного образца, она от имени Кордовы, награжденного за фильм «Тиски для пальцев» (1979), приняла «Оскара» за лучшую режиссуру. Ее благодарственная речь состояла из одной фразы: мисс Галло призывала людей «вырваться из [их] клеток, подлинных либо воображаемых». Выступление породило слухи о том, что в действительности своими фильмами Кордова обязан ее безвестному гению. Ролик на «Ю-Тьюбе»

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

6 из 18

Наследница

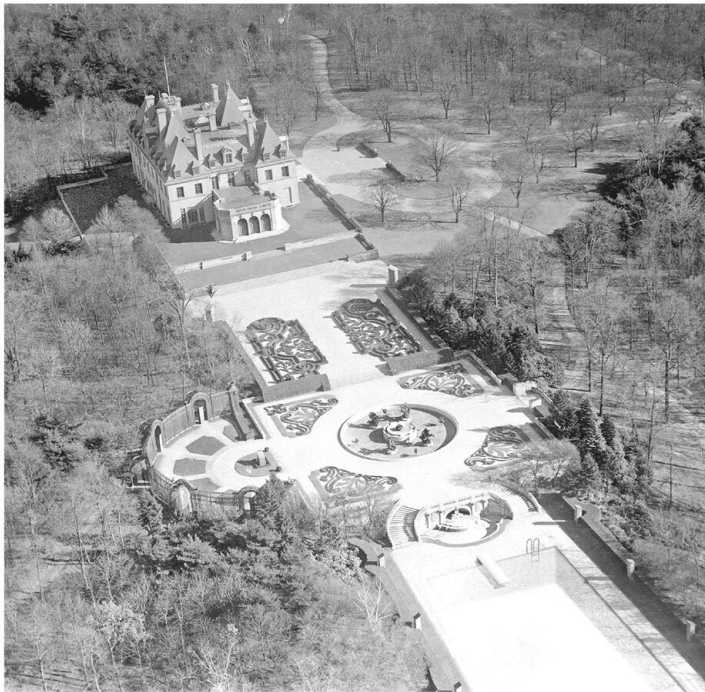
В июне 1975 года Кордова женился на Джиневре Кастаньелло, итальянской фотомодели и наследнице банковского состояния. Спустя год они купили обширное поместье «Гребень» в горах Адирондак, бывший летний дом Рокфеллеров. Вскоре после рождения сына Теодора Джиневру нашли мертвой — она случайно утонула в озере на территории поместья. Ее смерть считается истоком растущей самоизоляции Кордовы и темы зла как красугольного камня его работ.

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

7 из 18

«Гребень»

С 1976 года Кордова жил и снимал на 300 акрах поместья на севере штата Нью-Йорк, в глухих лесах к северу от озера Лоуз. Удаленность поместья (ближайший город — Каргаторп-Фоллз, население 829 чел.) и тот широко задокументированный факт, что оно обнесено 20-футовой оградой военного образца, породили немало спекуляций и слухов о том, что происходит на его территории.

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

8 из 18

Муза

Актриса и легендарная красавица Марлоу Хьюз стала второй женой Кордовы в период съемок его фильма «Дитя любви» (1985), однако брак был аннулирован спустя каких-то три месяца. Мисс Хьюз отказалась публично комментировать как бывшего супруга, так и их союз, хотя роль — беспощадное изображение жены политика, которая выслеживает шантажиста, угрожающего растрюбить о том, что в прошлом она была несовершеннолетней проституткой, — принесла мисс Хьюз восторженные отзывы критиков, лучшие за всю ее карьеру. «Дитя любви» получило рейтинг X и стало последним фильмом Кордовы, выпущенным в широкий прокат.

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

9 из 18

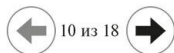

Фиаско или ловкий маркетинг?

Десятый фильм Кордовы «Ночами все птицы черны» (1987) — о девочке-подростке, которая готова на страшные поступки, чтобы отыскать пропавшего отца, — был заклеен Американской ассоциацией киноиндустрии и спровоцировал пикеты негодующих защитников христианской морали (см. фото). Когда на пробном показе у одной молодой женщины случился нервный срыв, «Уорнер Бразерс» отказались выпускать фильм в прокат. Через несколько месяцев поползли слухи о нелегальных показах в Городе Света, в необъятном подземном лабиринте Парижа.

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

Тиблые глубины города

Тайные просмотры фильмов Кордовы, известные как «заповедные киносеансы», начались в парижских катакомбах, построенных в XII столетии; стены катакомб весьма сообразно сложены из человеческих костей. Подпольные киносеансы вскоре распространились по Европе, Америке и Японии. Так Кордова ступил на новый путь — подрывного колдуна из сумеречного страшного мира, свободного от коммерческих пут мейнстримного общества.

Нравится

21

Твитнуть

14

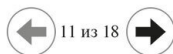
+1

3

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

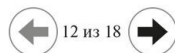
Символ самовластия

В пресловутом интервью «Роллинг Стоуну» в 1977 году — последнем своем публичном выступлении — Кордова отметил, что его любимый собственный кадр — крупный план глаза убийцы в «Силуэтах, омытых светом», и таинственно охарактеризовал этот образ как «самовластный, смертоносный, совершенный». Далее он сознался, что в действительности снимал свой глаз, а при внимательном рассмотрении в радужке глаза различима кричащая женщина. Когда Кордова удалился от публики, поклонники — называющие себя кордовитами — сделали эти слова своим девизом, а стилизованное изображение кадра — символом, который использовали при организации нелегальных показов.

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

Последний поворот на Кордову

Берлин, станция метро, 1 октября 1989 года, 02:14 — молодая женщина читает расплывчатые инструкции о том, как попасть на показ *La douleur* (1989).

Нравится 90

Твитнуть 76

+1 51

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

13 из 18

Прелюдия к преисподней

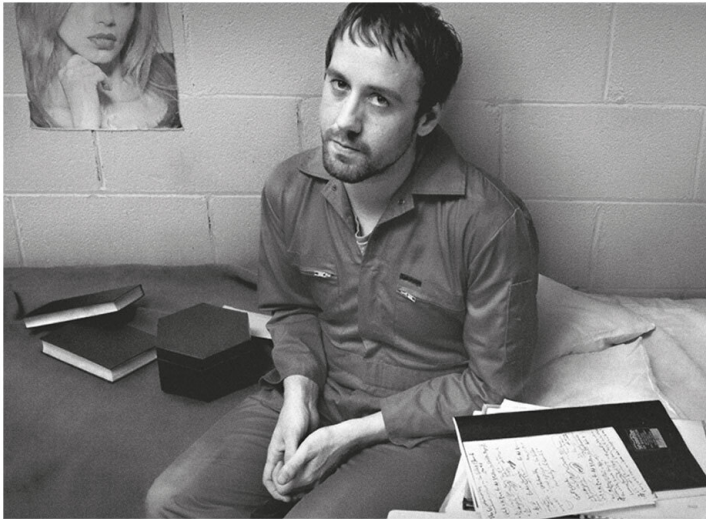
Посетители заповедных киносеансов редко говорят о том, что там происходит. Одни утверждают, будто сеансы — в кромешной тьме, в зданиях под снос или подземных тоннелях, куда никому ходу нет, — настолько чудовищны, что зрители от страха нередко падают в обморок. Другие заявляют, будто сеансы переходят в оргиастические рейвы, которые длятся не одни сутки. На иллюстрации выше неизвестный уличный актер в Детройте танцует, предвкушая показ «Подожди меня здесь» (1993), первого полноценного фильма ужасов Кордовы о серии неразгаданных убийств, ужаснувших заштатный городишко Южной Каролины. Впоследствии артист утверждал, что просмотр фильма был «все равно что покинуть прежнего себя, пройти через преисподнюю и возродиться».

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

14 из 18

Эпигон

В феврале 2000 года на заброшенной бумажной фабрике в Каламазу, Мичиган, было найдено изуродованное тело восьмилетней Эми Эндрюс. На теле полиция обнаружила повреждения, от каких пострадала малолетняя жертва Элис Райнхарт в «Подожди меня здесь» (1993). В квартире у задержанного по подозрению в убийстве 22-летнего Хью Тислтона нашли пиратские DVD с «черными фильмами» Кордовы — его последними пятью картинами. Семья Эндрюс создала организацию «Свет Эми», которая скупает и уничтожает все контрабандные копии работ Кордовы, анонимно продаваемые через интернет.

Нравится

54

Твитнуть

12

+1

8

Поделиться

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

← 15 из 18 →

Клевета

12 мая 2006 года журналист Скотт Макгрэт, лауреат ряда премий, объявил в эфире «Найтлайн», что объектом его следующего расследования станет Кордова. Макгрэт утверждал, что Кордова — «хищник, из того же теста, что [Чарльз] Мэнсон, Джим Джонс, полковник Курц», имея в виду варвара и убийцу из «Апокалипсиса сегодня». Далее Макгрэт отметил, что «Кордову кто-то должен попросту убрать». Спустя два дня после эфира адвокаты (см. иллюстрацию), представляющие интересы семьи Кордова, подали на Макгрэта в суд за клевету, требуя миллиона долларов в возмещение морального ущерба. Стороны достигли внесудебного соглашения, однако позже выяснилось, что «источник» журналиста — бывший шофер Кордовы — выдуман от начала и до конца, и Макгрэт был уволен из журнала «Инсайдер».

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

16 из 18

Прекрасное дитя

В 1986 году Кордова, по слухам, сочетался браком со своей третьей женой, французским модельером Астрид Гонкур. Их дочь Александра в 8 лет сыграла в последнем известном фильме Кордовы «Дышать с королями» (1996). Впоследствии под именем Сандра Деруин она снискала славу как пианистка-вундеркинд и в 12 лет дебютировала в Карнеги-холле. 13 октября 2011 года ее тело обнаружили в заброшенном пакгаузе в Чайнатауне. Ей было 24 года.

50

49

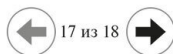

7

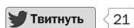
Последняя загадка

14 октября 2011 г. | Комментировать

Ожидание

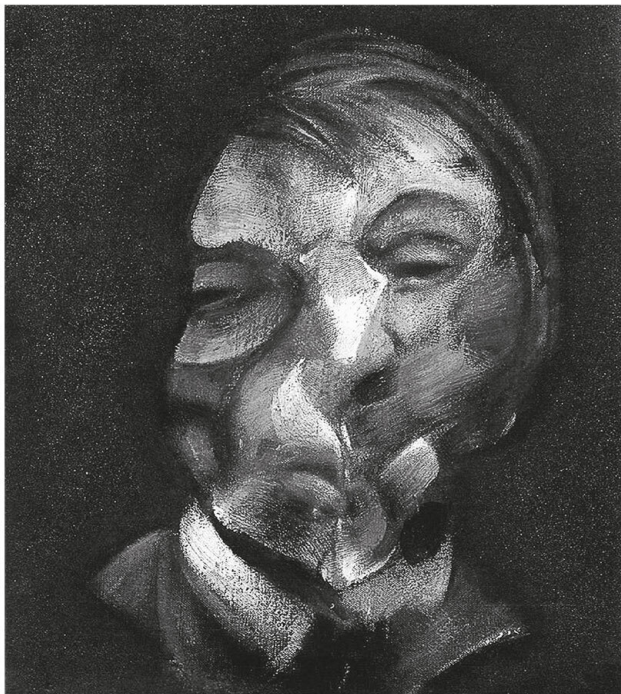
С 1977 года Кордова не сделал ни одного публичного заявления. В 2003 году появились сообщения о том, что он работает над новым фильмом под предварительным названием «Матильда», однако никаких доказательств этому не поступало. Взывая к режиссеру с мольбой снять новое кино, кордовиты используют изображение красной птицы, мелькающей во всех 15 его фильмах, — символа строгой красоты, стремления человека к свободе и возможности рывка за грань постижимого пред лицом невообразимого ужаса.

Последняя загадка

14 октября 2011 г. | [Комментировать](#)

← 18 из 18 →

Последний шепот

Слухи о Кордове препарируются и анализируются на закрытом веб-сайте его поклонников «Черная доска». Поступают сообщения о том, что режиссер страдает от душевного недуга, или изуродован болезнью физически, или даже мертв; крошечный намек на его местонахождение просочился 2 июня 2008 года, когда анонимный сотрудник международного лондонского аукционного дома «Кристис» после аукциона произведений современного искусства слил в прессу копию чека. Из документа следует, что «Автопортрет» (1971) Фрэнсиса Бэкона за неназванную

Большая люстра окатывала толпу золотым светом, а я разглядывал собрание в бронзовом зеркале над камином. Вздрыгнул, заметив человека, которого едва узнал: себя. Синяя рубашка, спортивный пиджак, третий или четвертый стакан – я уже сбился; стену подпирает. Как будто не на коктейли пришел, а в аэропорт, ждет взлета своей жизни.

Рейс отложен навечно.

Всякий раз на этих благотворительных вечерах, осколках потерянного брака, я не понимаю, зачем снова и снова прихожу.

Может, люблю смотреть в лица расстрельному взводу.

– Скотт Макгрэт, рад вас видеть!

«Увы, не могу ответить тем же, – подумал я.

– Над чем нынче работаете? Клевое что-нибудь?

Пресс качаю.

– Журналистику в Новой школе еще преподаете?

Порекомендовали взять академический отпуск. Иными словами? Сокращения.

– Я и не знал, что вы еще в городе.

Вот на это я отвечать не умею. А они что думали? Что меня сошлют на Святую Елену, как Наполеона после Ватерлоо?

Сюда меня привела подруга бывшей жены Синтии, некто Пташка. Забавно и лестно, что спустя много лет после то-

го, как жена развелась со мной и уплыла в моря поголубее, ее подружки плотным косяком носятся вокруг меня, словно я занимательные останки кораблекрушения, ищут, какой бы обломок стащить домой. Пташка – блондинка, за сорок – добрых два часа не отходила от меня ни на шаг. Изредка пожимала мне локоть – сигнализировала, что муж ее, какой-то инвестор (*инвентарный транзистор*), уехал из города, а троих детей пытается няня в Гуантанамо. Лишь призывы хозяйки, желавшей показать Пташке недавно отремонтированную кухню, отодрали от меня эту женщину.

– Никуда не уходи, – велела она.

Я поступил ровно *наоборот*. Эти останки всплывать не желают.

Я допил скотч и снова направился было к бару, но тут завибрировал «блэкберри».

Позади меня дверь – я выскользнул на площадку второго этажа. Прилетело СМС от моего старого адвоката Стю Лотона. С полгода не проявлялся.

Дочь Кордовы найдена мертвой. Позвони мне.

Я закрыл сообщение, погуглил «Кордову», полистал результаты.

И правда. И, черт бы его побрал, в статьях то и дело встречалось *мое* имя.

«Опозорившийся журналист Скотт Макгрэт...»

Едва этот свежачок облетит собрание, я окажусь в пере-

крестье прицелов, меня засыплют вопросами.

Я внезапно протрезвел. Скользнул через толпу, вниз по спиральной мраморной лестнице. Никто ни слова не сказал, когда я схватил куртку, миновал бронзовый бюст хозяйки (художник бесстыдно злоупотребил свободой творчества, изобразив ее копией Элизабет Тейлор), из парадных дверей, с крыльца таунхауса, на Восточную Девяносто четвертую улицу. Зашагал к Пятой авеню, вдыхая октябрьскую сырость. Кликнул такси, забрался внутрь.

– Перекресток Западной Четвертой и Перри.

Когда отъезжали, я опустил окно, и в животе все сжалось от осознания этой реальности: дочь Кордовы найдена мертвой. Что это я такое выдал бездумно в эфире общенационального телеканала?

«Кордова – хищник, из того же теста, что Мэнсон, Джим Джонс, полковник Курц. У меня есть источник – он годами работал на семью режиссера. Кордову кто-то должен попросту убрать».

Сие вдохновенное излияние стоило мне карьеры, репутации – не говоря уж о четверти миллиона долларов, – но от того не было менее правдиво. Хотя, пожалуй, после Чарльза Мэнсона стоило замолчать.

Потеха, право слово: я тут как беглец – даже скорее, пожалуй, как радикал в розыске. Но нельзя не признать: самое это имя в прессе – Кордова – электризовало меня, как и шанс, что, может быть – ну ведь может быть? – снова настала пора

бежать со всех ног.

2

Через полчаса я вошел в свою квартиру в доме 30 по Перри-стрит.

– Я же говорила, что мне надо уйти в девять, – возвестил голос за моей спиной, едва я закрыл дверь. – Второй час ночи на дворе. Вы о чем думали?

Звали ее Джинни, но ни один мужчина в здравом рассудке грезить о ней бы не стал.²

Дважды в месяц по выходным я официально виделся с пятилетней дочерью Самантой, а моя бывшая постановила, что я обязан опекать и няню: «Купи одну, получи вторую бесплатно» – распродажа до Самантиного восемнадцатилетия. К двадцати четырем годам Джинни окончила Йель и изучала педагогику в Коламбии; всякий раз, когда Сэм попадала под мою ненадежную опеку, няня откровенно наслаждалась властью телохранительницы, личного сопровождающего и спецназовца-наемника. В этом раскладе я был нестабильным государством третьего мира, с коррум-

² Звали ее Джинни, но ни один мужчина в здравом рассудке грезить о ней бы не стал. – Имеется в виду американский ситком «Я грежу о Джинни» (*I Dream of Jeannie*, 1965–1970) Сидни Шелдона и Клаудио Гусмана, история американского астронавта, который на далеком острове в Тихом океане случайно выпускает из бутылки джинна по имени Джинни, которая влюбляется в него с первого взгляда.

пированным правительством, некондиционной инфраструктурой, восстаниями мятежников и экономикой в свободном падении.

– Извини, – сказал я, бросив куртку на стул. – Не уследил за временем. А Сэм где?

– Спит.

– Ты нашла ее облачную пижаму?

– Нет. Мне надо было на семинар четыре часа назад!

– Я тебе заплачу вдвойне, наймешь репетитора.

Я вынул бумажник, вручил Джинни долларов пятьсот, которые она быстренько запихала в рюкзак, затем тщательно ее обогнул и зашагал по коридору.

– Ой, мистер Макгрэт. Синтия спрашивала, нельзя ли ей поменяться с вами на следующие выходные.

Я остановился у закрытой двери в конце коридора, обернулся:

– Зачем?

– Они с Брюсом едут в Санта-Барбару.

– Нет.

– Нет?

– У меня свои планы. Мы блюдем *расписание*.

– Но они уже обо всем договорились.

– Ничего, отменят.

Джинни собралась было возразить, но захлопнула рот, почувствовав (и вполне справедливо), что ступать на территорию между двумя людьми, некогда родными душами, но те-

перь даже не родней, – все равно что гулять по диким районам Пакистана.

– Синтия вам позвонит, – тихо отметила она.

– Спокойной ночи, Джинни.

Неопределенно вздохнув, она удалилась. Я вошел в кабинет, включил лампу на столе, толкнул дверь.

Санта-Барбара. Еще не хватало.

3

Кабинет мой – тесный, запущенный, стены зеленые, сплошь картотеки, фотографии, журналы и груды книг.

На столе в рамочке – фотография Саманты, снято в день, когда она родилась, лицо древнее, эльфийское. На стене – киношный постер с учтивым, но утомленным Аленом Делоном в «Самурае»³. Подарок моего прежнего редактора в «Инсайдере». Сказал мне, что я ему напоминаю главного героя – одинокого французского киллера-экзистенциалиста, – и это был отнюдь не комплимент. У дальней стены, сувениром братства «Фи-Пси» Мичиганского университета, – бурый, продавленный кожаный диван (где я потерял невин-

³ ...постер с учтивым, но утомленным Аленом Делоном в «Самурае». – «Самурай» (*Le Samourai*, 1967) – криминальная драма французского режиссера Жан-Пьера Мьевилля по роману Джоан Маклеод «Ронин»; французский актер Ален Фабьен Морис Марсель Делон (р. 1935) сыграл в нем наемного убийцу Жефа Костелло.

ность, а также набил на клавиатуре все свои лучшие статьи). Над диваном в рамках – обложки моих книг: «Государство МастерКард», «В погоне за капитаном Куком: пираты открытых морей», «Сырец: грязные тайны нефтяной индустрии», «Кокаиновые карнавалы». Поблекшие суперобложки – типичнейший конец девяностых. И копии самых знаменитых моих статей в «Эсквайре», «Тайме» и «Инсайдере»: «В поисках Эльдорадо», «Черноснежный ад», «Выжить в сибирской тюрьме». Два гигантских окна против двери выходили на Перри-стрит и покоцанный тополь, хотя сейчас было темно и не видно.

Я подошел к книжному шкафу в углу – рядом мой портрет, кадр из прошлой жизни: я в Манаусе, в обнимку с *hecatao*, капитаном сухогруза. Бесит, до чего я счастливый и загорелый. Я налил себе скотча.

В 2007 году, в трехнедельной поездке по Шотландии, я купил шесть ящиков «Макаллана». В поездку я отправился, вняв вдохновенному совету психотерапевта доктора Уивера, когда Синтия оповестила меня, что вместе с моей девятилетней дочерью уходит к Брюсу – венчурному инвестору, герою ее внезапного романа.

После пощечины, которую закатил мне Кордова своим иском о клевете, прошли считанные месяцы. Казалось бы, Синтия могла милосердно *дозировать* дурные вести: сказала бы мне сначала, что я слишком часто в отъезде, потом – что она мне изменяла, потом – что она по уши влюбилась и нако-

нец – что оба они разводятся, потому что хотят быть вместе. Но нет, все произошло в один день: будто на тихий приморский городок, уже истерзанный голодом, обрушились цунами, сель, метеоритный дождь, а в довершение ко всему – небольшое нашествие инопланетян.

Впрочем, может, оно и к лучшему: уже в начале цепи катастроф нечего стало уничтожать.

В Шотландию я поехал, дабы перевернуть страницу, начать с чистого листа, познать свое наследие и тем самым *себя*, посетив места, где рождались и процветали четыре поколения Макгрэтов, крошечный городишко в Морее под названием Фогуотт. Уже по названию я должен был догадаться, что это вам не Бригадун.⁴ Спасибо, доктор Уивер, – с тем же успехом я мог выяснить, что предки мои произошли из палаты психопатов в Белвью. Фогуотт оказался стайкой белых домишек, что цеплялись за серый холм, точно редкие зубы за дряхлые десны. По улицам брели женщины с такими окаменелыми лицами, словно пережили чуму. Городские бары обросли молчаливыми краснорожими толстяками, точно волдырями. Я решил было, что жизнь налаживается, когда очутился в постели с симпатичной барменшей Мэйзи, но потом сообразил, что она, вполне вероятно, приходится мне

⁴ ...это вам не Бригадун. – «Бригадун» (*Brigadoon*, 1947) – мюзикл Алана Джея Лернера на музыку Фредерика Лоу; в мюзикле фигурирует идиллическая шотландская деревня Бригадун, которая появляется раз в сто лет, и жителям нельзя отсюда уходить, чтобы деревня не исчезла навсегда. В 1954 г. мюзикл экранизировал Винсент Минелли.

дальней родней. Только подумаешь, что достиг дна, — ан нет, стоишь на очередном люке в подпол.

Я осушил стакан — и тотчас слегка ожил, — налил еще и направился к кладовке позади стола.

Дверь заклинило, и я насилу ее открыл, распахивая старые кроссовки и чертежи пляжного дома в Эмагэнсете, который я подумывал купить Синтии в запоздалой попытке «наладить отношения». Брачный пластырь за миллион долларов — немудро, как ни посмотри. Я выудил то, что застряло в двери, — фото в рамке, я и Синтия, снимались, когда колесили по Бразилии на «дукати», искали нелегальные золотые рудники и были влюблены по уши — мысли не возникало, что в один прекрасный день это закончится. Блин, как же она была роскошна. Я отбросил фотографию, отпихнул груды «Нэшнл джиогрэфик» и узрел искомое — картонную коробку.

Выволок ее, взгромоздил на стол и сел в кресло созерцать. Клейкая лента на коробке отставала.

Кордова.

Заняться им я решил случайно пять лет назад. Только вернулся после изнурительных полутора месяцев во Фритауне, в трущобах Сьерра-Леоне. Часа три ночи, сна ни в одном глазу, джетлаг, и тут я открываю статью про «Свет Эми» — некоммерческую контору, которая очищает интернет от «черных фильмов» Кордовы — скупает их и уничтожает. Основала контору мать девочки, жестоко убитой подражате-

лем. Как и убийца из «Подожди меня здесь», Хью Тислтон похитил Эми на перекрестке, где та ждала, пока брат вернется из «7-Одиннадцать», отвез на заброшенную фабрику и пропустил через бумажный пресс.

«Цель организации – оградить наше юношество от Кордовы», – гласил их веб-сайт. Задача трогательна за решительной неосуществимостью: очищать интернет от Кордовы – все равно что морить насекомых на Амазонке. Однако я их порыва не разделял. Я журналист, свобода слова и выражения – краеугольные камни, принципы, до того глубоко укорененные в самом фундаменте Америки, что сдай назад хоть на дюйм – и страна обрушится. И я жестко выступал против цензуры: повесить на Кордову ответственность за страшную смерть Эми Эндрюс – все равно что обвинить производителей говядины в гибели американцев от инфаркта. Душевного покоя ради кое-кто убеждает себя, что зло является в мир по ясным причинам, однако правда отнюдь не так проста.

До той ночи я думать не думал про Кордову, разве что с удовольствием смотрел (пугаясь) кое-какие ранние его фильмы. Размышления о мотивации режиссера-отшельника не входили в сферу моих профессиональных интересов и задач. Я выбирал сюжеты, где ставки высоки, где речь о жизни и смерти. В поисках нового предмета расследования сердце мое обращалось к наиболее надежным из безнадёжных случаев.

В ту ночь, неизвестно в какой момент и неизвестно каким

образом, сердце мое устремилось к этому сюжету.

Может, потому, что за несколько месяцев до того родилась Сэм и я, внезапно оказавшись отцом, стал восприимчивее к идее защитить этот прекрасный чистый лист – любого ребенка защитить – от подрывных ужасов, кои воплощал Кордова. В общем, чем дальше я листал сотни записей в блогах про Кордову, фан-сайты и анонимные форумы, где немало постов писали дети каких-то лет девяти-десяти, тем отчетливее чуял: с Кордовой *что-то не так*.

Задним числом все это напоминает мне историю одного южноафриканского репортера-алкоголика, с которым я в 2003 году пересекся в «Хилтоне» в Найроби, когда работал над статьей о торговле слоновой костью. Он собирался в далекую деревню на юго-западе, у танзанийской границы, где вымирало племя таита; племя считалось *валаани* – проклятым, – поскольку ни одно дитя у них не выживало дольше одиннадцати дней. Мы встретились в отельном баре, пожаловались друг другу на то, что у обоих угнали тачки (чем и было удостоверено прозвище города *Найробин-гуд*), а потом он сказал, что подумывает пропустить утренний автобус и вообще плюнуть на статью, потому что с предыдущими тремя журналистами в деревне случилось много чего. Один свихнулся, бродил по улицам и бормотал какую-то чушь. Другой слинял и спустя неделю повесился в гостиничном номере в Момбасе. Третий просто испарился, бросил семью и должность в итальянской газете «Коррьере делла Сера».

– Она заразная, – бубнил этот мужик. – История. Бывает такое.

Я усмехнулся, списав драматизм на побочные эффекты «Чивас Ригал», который мы всю ночь хлестали. Но он не унимался.

– Как *lintwurm*. – Он сощурился мне в лицо, налитые кровью глаза искали понимания. – Ленточный червь, пожирает собственный хвост. Убивать бесполезно. У него нет конца. Обернется вокруг сердца, выжмет всю кровь. – Он поднял кулак. – *Dit suig jou droog*.⁵ Бывают такие истории, что лучше бежать, пока ноги есть.

Я так и не выяснил, доехал ли он до деревни.

«Дочь Кордовы найдена мертвой». Эта мысль вернула меня в настоящее; я открыл коробку, вынул пачку бумаг, приступил.

Сначала машинописный перечень всех актеров, работавших с Кордовой. Затем список мест, где проводились натурные съемки первого фильма, «Силуэты, омытые светом». Рецензия Полин Кейл⁶ на «Искажение»: «Деконструкция невинности». Марлоу Хьюз в постели – «Дитя любви», последний кадр. Машинописные расшифровки моих заметок из Каргаторп-Фоллз. Фотография ограды «Гребня», поместья Кордовы, – снимал я. Конспекты Вольфганга Бекма-

⁵ *Dit suig jou droog*. – Всю кровь высасывает (*афр.*).

⁶ Полин Кейл (1919–2001) – американский кинокритик, считается одним из столпов жанра, регулярно писала для журнала *The New Yorker* в 1968–1991 гг.

на – несколько лет назад он на кинофакультете Коламбии вел спецкурс по Кордове, но после трех лекций вынужден был прекратить: возмутились родители. («Некоторые аспекты Кордовы: сумеречно-живой и бесконечно страшный» – так лукаво назвал он свой курс.) DVD с документальным фильмом Пи-би-эс 2003 года о Кордове, «Темный страж». И наконец, расшифровка анонимного телефонного звонка. «Джон». Таинственный абонент, моя погибель.

Я отложил в сторону три листа.

Всякий раз, перечитывая эту расшифровку, записанную сразу после разговора, я искал и не мог найти тот момент, когда потерял голову. Что побудило меня плюнуть на двадцать лет опыта и, не прошло и двадцати четырех часов, *кувырнуться под уклон* в прямом телеэфире?

Расшифровка телефонного разговора — аноним, «Джон»

С. Макгрэт, 11 мая 2006 г., 11:06—11:11

СМ: Добрый день.

Аноним: Это Скотт Макгрэт? Журналист?

СМ: Да. С кем я говорю?

Прямо не отвечает. Голос пожилой [за шестьдесят, за семьдесят.]

Аноним: Говорят, вы расследуете Кордову.

СМ: Кто говорит?

Аноним: Ходят слухи.

СМ: Вы его друг?

Нет ответа. Похоже, нервничает.

Аноним: Я не хочу, чтобы звонок записывался.

СМ: Он не записывается. Как вас зовут?

Аноним: Джон.

Имя вымышленное. Велик соблазн включить диктофон в телефоне — необходимая предосторожность, — но когда вставляешь джек TP-7, слышен щелчок. Не хотелось бы отпугнуть.

СМ: Какое отношение вы имеете к Кордове?

Аноним: Я его возил. → ~~_____~~

СМ: Вы были его шофером?

Аноним: Можно и так сказать.

СМ: Где?

Аноним: На севере.

На севере штата Нью-Йорк. «Джон» странно дышит — жалеет, что позвонил.

СМ: Вы тут?

Аноним: Извините. Уже не знаю, стоило ли затеваться.

СМ: Не торопитесь. Как вы поступили к нему на работу?

Тридцатисекундная пауза.

Аноним: Обычно я возил в город женщину, мексиканку, которая у него работает. А раз вечером он позвонил и спросил, не отвезу ли я его.

СМ: Вы живете поблизости от его поместья? В Каргаторп-Фоллз?

Аноним: Я не хочу это говорить. ?

Я кое-что записываю.

Аноним: Попросил забрать его среди ночи. В 3 часа. Велел медленно подъехать к дому, фары не включать. Мне показалось, он не хочет никого будить. Я приехал, он ждал на крыльце.

СМ: Один?

Аноним: Да. Сел в машину. Назад.

Пауза.

СМ: Куда вы его отвезли?

Аноним: В начальную школу.

СМ: В начальную школу.

Аноним: Да.

СМ: Какую?

Аноним: Без подробностей.

СМ: Ладно. Я слушаю.

Аноним: Он попросил завезти его на стоянку, выключить мотор и ждать. Я видел, как он по газону пошел на детскую площадку. Постоял там, совсем не шевелился. Потом обошел веревочные качели. Толкнул их, и они закачались — пустые. Обошел другие качели, доска такая горизонтальная, их толкнул, они закачались вверх-вниз. Потом пошел и сел в песочнице.

СМ: Сел в песочнице?

Аноним: Я не видел, что он там делает. Но странное что-то, понимаете?

СМ: А что он делал?

СМ: Что он прятал?

Аноним: Я не видел. Отвез его домой.

СМ: Он сказал что-нибудь?

Аноним: Нет. Но через несколько недель опять позвонил, попросил то же самое.

СМ: Отвезти его в начальную школу?

Аноним: Только в другую уже. Пошел через стадион. Залез на трибуны, поискал там. Когда вернулся, под пальто опять что-то прятал. Я его привез домой, он стал вылезать из машины, и я увидел.

СМ: Что это было?

Долгая пауза.

?

Аноним: Детская спортивная форма. Желтая маечка. Синие шортики. Мне аж дурно сделалось. Спросил, зачем ему. А он только посмотрел на меня из-за очков этих своих, взглядом как будто просверлил. И вылез из машины. Назавтра позвонила мексиканка. Мои услуги больше не требуются. Но я точно знаю, что он кого-то нанял по ночам его возить. Молодого парня. Платил ему кучу денег. Годами.

СМ: Почему?

Аноним: Он что-то делает с детьми. ✱

СМ: Что?

Пауза.

СМ: Как? Бьет, убивает?

Нет ответа.

СМ: Кто еще об этом знает?

Нет ответа. Он ускользает от меня.

СМ: Что-нибудь еще можете рассказать? Джон?

«Он что-то делает с детьми».

По сей день слышу этот перепуганный стариковский голос в трубке.

О своем интервью в «Найтлайн» я помню немного – помню, что говорил в основном сам. На эфир пришел обсудить тюремную реформу. К немалому восторгу ведущего, *сильно* удалился от темы, упомянул Кордову. Когда закруглились, я, не подозревая, какая буря дерьма вот-вот разразится, был доволен – так бывает, лишь когда наконец удастся все сказать как есть.

Затем начались звонки: сначала мой агент поинтересовался, что я курил, затем мой адвокат сообщил, что ему позволила крупная шишка из Эй-би-си.

– Ты заказал Станисласа Кордову.

– Что? Да *нет* же...

– Мне только что пришел факс с расшифровкой. Вот я читаю: ты перебил Мартина Башира⁷ и объявил, что Кордову надо «попросту убрать».

– Я *иронизировал*.

⁷ *Мартин Башир* (р. 1963) – британский журналист пакистанского происхождения, ставший известным благодаря своим интервью с принцессой Дианой; совместно с Синтией Макфадден и Терри Морганом вел на ABC ночную программу *Nightline* в 2005–2010 гг.

– Телевидение не знает такого слова, Скотт.

Надо ли говорить, что «Джон» мне больше не звонил. Исчез.

Адвокаты Кордовы заявили, что я не просто поставил под угрозу жизнь их клиента и его семьи – я к тому же сам сфабриковал анонимный телефонный звонок: пошел к таксофону в квартале от своего дома и позвонил *сам себе*, чтобы о липовом звонке осталась запись.

Над этим абсурдным обвинением я ржал – а потом подавился своим смехом, сообразив, что доказать обратное не в состоянии. Даже мой адвокат не говорил прямо, верит он мне или нет. Выдвинул гипотезу, что «Джон» был настоящий, но его отпугнула моя «выходка».

Выбора не было, пришлось договариваться, признать вину не в «настоящем злом умысле», но в «пренебрежении истиной по неосторожности». За ущерб я уплатил представителям Кордовы 250 000 долларов – добрую долю того, что откладывал с гонораров за книги и статьи, строя карьеру на бескомпромиссной честности, от которой ныне остались одни клочки. Меня уволили из «Инсайдера», мою колонку в «Тайме» закрыли. Я предварительно говорил с Си-эн-эн – планировал вести еженедельную программу новостных расследований. Теперь одна мысль об этом была смехотворна.

«Макгрэт – как прославленный спортивный рекордсмен, пойманный на допинге, – провозгласил Вулф Блитцер. – Теперь мы вынуждены ставить под вопрос каждое слово, что он

написал и произнес».

– Тебе стоит подумать о другом занятии, – проинформировал меня мой агент. – Преподавание, коучинг. В журналистике ты сейчас неприкасаемый.

Сей час затянулся. «Опозоренный журналист», как «бывший заключенный», прочно приклеилось к моему имени. Я стал «симптомом небрежности американской журналистики». Кто-то смонтировал и выложил на «Ю-Тьюбе» ролик, где я тридцать девять раз (голос пропущен через «Авто-Тьюн») повторяю «попросту убрать».

Расследование я бросил. В ту ночь, когда я принял это решение и запихнул подальше коробку с заметками, на меня свалился иск о клевете. Синтия и Сэм уехали, оставив по себе гробовую тишину; впечатление было такое, будто меня, не спросив разрешения, прооперировали. Я был жив, но смутно подозревал, что нечто внутри необратимо *перекосилось*. И не достанешь, не поправишь: перекрутили некий важный нерв, некий орган нечаянно вшили вверх тормашками. Я лишь ярился на Кордову – изящно прятавшегося за спинами адвокатов, – и ярость моя была еще тлетворнее оттого, что на самом деле я злился на себя, на свою самонадеянность и глупость.

Потому что я понимал: падение мое – не случайность. Кордова переиграл меня, явив ум и прозорливость, каких я от него не ожидал. Я рухнул в нокауте, бой завершился, победитель объявлен – а я ведь даже толком на ринг не высту-

пил.

Меня искусно подставили. «Джон» был наживкой. Кордова, узнав, что я на него охочусь, смастерил капкан, подослал анонима, с проницательностью почти сверхъестественной понимая, что анонимов неотвязный намек – «он что-то делает с детьми» – меня заденет, а потом сел поудобнее и стал смотреть, как я рою себе могилу.

И однако, если Кордова так занервничал из-за моего расследования, если он столько сил приложил, дабы от меня избавиться, – что же он в действительности прячет? Оно что, еще взрывоопаснее? Я решил забыть об этом, отмахнуться, постараться вернуть себе хоть какое-то подобие *жизни*.

А теперь опять двадцать пять. Я допил скотч, взял новую пачку бумаг и вскоре выкопал то, что искал.

Тонкий манильский конверт. И на нем от руки: «Александра».

Расстегнул конверт, выудил содержимое: листок и компакт-диск.

⁸ ...«Гаспар из тьмы, или Дьявол в ночи»... <...> ...три стихотворения Бертра-на... – Алоизиус Бертран (Луи Жак Наполеон Бертран, 1807–1841) – французский поэт-романтик, предтеча символистов. «Гаспар из тьмы. Фантазии в манере Рембрандта и Калло» (*Gaspard de la nuit. Fantaisies a la manière de Rembrandt et de Callot*, 1845) – его посмертно опубликованная книга стилизованных под средневековую литературу стихотворений в прозе – литературной формы, одним из родоначальников которой он стал.

Александра Кордова (2009) репетирует в Музыкальном центре Армзов

БЛЕСТЯЩЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ (продолж.)

планирует вернуться в Данию, сдав экзамены по своим основным специализациям «биохимия» и «вычислительная техника».

Александра Кордова (курс 2009) — еще одна талантливая первокурсница с севера штата Нью-Йорк. Так вышло, что ее отец — о котором она говорит мало — легендарный кинематографист Станислас Кордова. «Наша семья не любит публичности», — объясняет Александра. Впрочем, она и сама добилась очень многого.

Под сценическим псевдонимом Сандра Деруин (Деруин — фамилия родственников по линии матери-француженки) в одиннадцать лет она заняла первое место на Московском международном конкурсе им. Чайковского, где сыграла его фортепианное трио ля минор и обошла выпускников Джулианно не только лет ее старше,

или Дьявол в ночи“ Мориса Равеля», заслужив похвалы критиков за творческую и эмоциональную интерпретацию этого произведения, одного из сложнейших сочинений для фортепиано в истории музыки.

Александра больше не играет профессионально, однако не рассталась с фортепиано и возвращается к нему ежедневно. «Это так прекрасно — затеряться в музыке. На время забыть, как тебя зовут».

«Гаспар» остается ее любимой пьесой, и не только за техническую сложность — орнаментику, каденции, ртутные хроматические пассажи, исполняемые одной рукой, — но и за источник вдохновения Равеля: три стихотворения Бертрана, в которых фигурируют ундина, соблазняющая человека поселиться с нею под водой, повешенный и злобная тварь, что пляшет в ночи, переворачивая жизнь человека вверх дном.

«Это так прекрасно — затеряться в музыке. На время забыть, как тебя зовут».

«Играть это — настоящий подарок, — говорит Александра. — Равель был очень скромн. Никогда не называл себя композитором — говорил только, что старается и пьеса закончена, когда она больше не может стараться. Играя сонаты, переносясь в мир великой жестокости, однако там живет и тоска по любви, и грусть, и страх не смерти, но впустую потраченной жизни. В его музыке все это есть».

Невзирая на свою виртуозность, в Амхёрсте Александра планирует расширить рамки, заняться антропологией или историей. А когда окончит колледж? «Может, поселюсь за границей. Буду путешествовать. Отыщу край земли. Стану жить за пределами музыки». Слова дочери истинного мастера.

Люси Поук (курс 2009) тоже добива-

Несколько лет назад, сосредоточившись на Кордове, я этой статейки о выдающейся первокурснице почти и не заметил. Даже диск не собрался послушать.

Сейчас содрал полиэтилен, сунул диск в стерео, на-

жал «вкл.».

Долгая пауза, а затем – фортепиано.

Первые такты были пронзительны, настойчивы, стремительны и уверенны – непостижимо, что пианистке всего четырнадцать лет. Ноты рябили, на миг смягчались, яростно всплескивали пулеметным огнем.

Я слушал, текли минуты, и тут из-за двери донеслись тихие шаги по половицам.

Сэм. В последнее время она завела привычку просыпаться среди ночи. Повернулась дверная ручка, и на пороге возникла моя полусонная дочь в розовой ночнушке.

– Привет, зайка.

Протирая глаза, она лишь молча прошлепала ко мне. Сэм унаследовала красоту Синтии, в том числе и блондинистые локоны, от которых занимается дыхание, – явно позаимствованные у ангелочка из Сикстинской капеллы.

– Ты что тут делаешь? – спросила она тихо и серьезно.

– Работаю.

Она облокотилась на стол и принялась как-то странно брыкаться одной ногой. В этом состоянии она всегда гнулась, сплетала руки, заводилась, будто беспрестанно играла в «твистер». Вгляделась в статью.

– Это кто?

– Александра.

– Кто это – Александра?

– Такая девушка, она в беде.

Сэм встревожилась:

– Она сделала плохое?

– Нет, зайка, не в такой беде. В загадочной.

– А какая загадка?

– Пока не знаю.

Так мы и общались. Сэм запускала вопросы в воздух, а я кидался за ними, пытался отвечать. Из-за железобетонного опекунского расписания Синтии и Сэмовой занятой жизни – походы в гости и на балет – я, к несчастью, виделся с нею мало. Последний раз – три с лишним недели назад, мы ходили в Бронкский зоопарк, где выяснилось, что любой равнинной горилле в «Лесах Конго» (включая четырехсотфунтового самца) она доверяет в сто раз больше, чем мне. И не без причин.

– Пошли. – Я поднялся. – Давай-ка в кровать.

Я протянул руку, но Сэм лишь нахмурилась – во взгляде безошибочно читалось сомнение. Похоже, она уже вычислила то, на что мне потребовалось сорок три года: взрослые, конечно, *большие*, но их знания, в том числе о себе самих, невелики. Игрушки кончились, когда Сэм было года три. И, точно невинно осужденная, попросту очутившаяся не в том месте не в то время, она смирилась и решила стойчески отсиживать свой срок (детство) под надзором бестолковых надзирателей (моим и Синтии) и дожидаться УДО.

– Пойдем-ка наверх, поищем твою облачную пижаму, годится? – спросил я.

Она энергично закивала и не сопротивлялась, когда я повел ее по коридору, а затем наверх, где она терпеливо усе-лась на кровать, пока я рылся в шкафу. Облачная пижама – из синей фланели, вся в кучевых облаках – мой единственный верный поступок. Я купил ее в модном детском магази-не в СоХо⁹, Сэм полюбила пижаму без памяти и порой пла-кала, если нельзя было в ней спать. Синтии и Ко. для обес-печения сна Сэм по их сторону фронта пришлось раздобыть вторую и даже третью культовую пижаму, что я полагал мел-кой, но значимой личной победой.

Я перерыл весь шкаф и наконец отыскал пижаму на даль-ней полке. Театрально развернул – Сэм любит, когда я перед ней играю немое кино а-ля Рудольф Валентино¹⁰. Мы надели пижаму, и я уложил Сэм в постель.

– Подоткни, – распорядилась она.

Я подоткнул.

– Оставить свет? – спросил я.

Она потрясла головой. Единственный ребенок на земле, который не боится темноты.

– Спокойной ночи, лап.

– Спокойной ночи, Скотт.

⁹ СоХо – район Манхэттена. Сокращение СоHo означает «South of Houston Street» («к югу от Хьюстон-стрит»).

¹⁰ ...любит, когда я перед ней играю немое кино а-ля Рудольф Валенти-но. – Рудольф Валентино (Родольфо Пьетро Филиберто Рафаелло Гульельми, 1895–1926) – американский актер итальянского происхождения, знаменитый ге-рой-любовник кинематографа 1920-х гг.

Она всегда звала меня Скотт — никаких «пап». Никак не вспомню, когда это началось, — истоки непостижимы, как с курицей и яйцом.

— Я тебя люблю больше... *как* там было? — спросил я.

— Солнца плюс Луны. — Она закрыла глаза и волшебным образом мгновенно заснула.

Я вернулся в кабинет. Диск все играл — спонтанная, дикая музыка. Я сел за стол, перечитал статью из Амхёрста.

«На время забыть, как тебя зовут», — сказала Александра. В смысле «Кордова». Наверняка.

«Он что-то делает с детьми». Что он сделал с собственной дочерью? Как она умудрилась погибнуть в двадцать четыре года — видимо, покончить с собой?

Я чувствовал, как оно просыпается вновь — темное подводное течение, что вновь тащит меня к Кордове. Черт с ней, с моей злостью на него, хоть она еще и кипела, — это ведь к тому же мой шанс оправдаться. Если я опять выйду на охоту и докажу, что Кордова в самом деле хищник — а в душе я в этом не сомневался, — быть может, все потерянное вернется ко мне. Синтия, допустим, вряд ли, на это надеяться нельзя — зато карьера, репутация, *жизнь*.

И за пять лет кое-что изменилось, у меня есть зацепка. Александра.

Раздирает нутро самая мысль о том, что эта незнакомка, эта необузданная музыкальная волшебница ушла из нашего мира. Потеряна, *утихомирена* — очередная мертвая ветвь

на корявом древе Кордовы.

Быть может, она и есть его неверная стезя.

Такова тактика скрытого нападения, описанная в «Искусстве войны» Сунь-цзы. Противник ожидает лобового удара. Готовится к нему, яростно его отбивает, и в результате потери тяжелы, растрата жизненных ресурсов огромна – и ты побежден. Однако порой есть и другой подход, «неверная стезя». Противник не ждет, что ты избереешь ее, ибо путь этот извилист, коварен, зачастую противник и сам о нем не подозревает. Но если твоему войску удастся пройти этим путем, ты не просто окажешься у противника в тылу – ты пробежишься в самое сердце его, в святая святых.

«Ленточный червь пожирает собственный хвост, – предостерегал меня старый репортер. – Убивать бесполезно... Обернется вокруг сердца, выжмет всю кровь».

Да, я не выяснил, что с ним случилось, – но я знал и так. Наутро он, сколько ни ворчал, с неизбежностью восхода солнца выполз из постели, упаковал манатки и сел в автобус до проклятой деревни.

Он бы не смог отвернуться от истории.

Вот и я не могу.

6

Миновало чуть больше недели, и в три часа ночи я вошел в автобус M102 до Гарлема (№ 5378, как велела Шерон

Фальконе) и уединился на заднем сиденье.

Уж в этом-то автобусе в три часа ночи беседы шепотом и подозрительные перегляды никого не волнуют. Все пассажиры, какие есть, скорее всего, вымотаны до смерти, на приходе либо сами промышляют чем-нибудь сомнительным и тоже пылко оберегают свое инкогнито. Я так и не понял, как это Шерон так устроила, но, честное слово, шофер был тот же, что и на последнем нашем свидании лет девять назад.

С детективом Шерон Фальконе я познакомился в 1989 году: я был газетным салагой в «Нью-Йорк пост», а она – полицейской салагой на подхвате в деле бегуни из Центрального парка.¹¹ Даже теперь, спустя двадцать с лишним лет, я знал о Шерон разве что обрывочные детали, хотя они окрашивали картину ярко, как кейджунские специи. Сорок шесть лет, живет в Куинсе одна, держит немецкую овчарку Харли. Последние десять лет работала в отделе убийств Северного Манхэттена – подразделении, которое помогало другим участкам с расследованием убийств, случившихся севернее Пятьдесят девятой улицы, – и усопшим жертвам служила

¹¹ ...в деле бегуни из Центрального парка. – В 1989 г. в Центральном парке было совершено нападение на 28-летнюю Тришу Мейли во время ее пробежки, а также на нескольких других; Мейли была избита, изнасилована и почти две недели провела в коме. В нападениях признали виновными пятерых несовершеннолетних (четырех негров и латиноамериканца), которые отбыли тюремные сроки от 6 до 13 лет. В 2002 г. в нападении на Мейли сознался Матиас Рейес, уже отбывавший пожизненное заключение за серийные изнасилования, приговор пятерым осужденным отменили, и минимум до 2014 г. они с переменным успехом судились со штатом Нью-Йорк, требуя компенсации ущерба.

верно, по-старомодному истово и самоотверженно.

Автобус свернул на запад, на Восточную Сто шестнадцатую, мимо заброшенных муниципальных домов, пустырей, ветхих церквей – СПАСЕНИЕ И ИЗБАВЛЕНИЕ, значилось на вывеске – и людей, околачивающихся на перекрестках.

Видимо, что-то не так. В прошлый раз Шерон к этому часу уже появилась. Я проверил телефон, но не было ни пропущенных звонков, ни сообщений. Наш разговор накануне особых надежд не внушал, и помощи Шерон, честно говоря, не обещала. Обронила:

– Завтра вечером. Там же, тогда же, – и повесила трубку.

Автобус свернул на проспект Малькольма Икс, я уже заподозрил, что Шерон меня надула, но тут мы резко затормозили у ветхого особняка, и я увидел одинокую фигуру на тротуаре. Двери открылись, и вот уже детектив Шерон Фальконе спешит ко мне – будто заранее знала, где я сижу.

Она не изменилась: те же 5 футов 3 дюйма, угрюма, губы тонки и не улыбочивы, нос кнопкой, кончик вздернут завитком древесной стружки. Не то чтобы непривлекательная. Однако *странная*. Смахивает на бледную монашку с портрета пятнадцатого столетия во фламандском зале Метрополитен-музея. Одна беда: художник *не вполне* освоил человеческую анатомию, а потому наградил Шерон длинной шеей, асимметричными плечами и слишком маленькими ладошками.

Она скользнула на сиденье рядом со мной, оглядела дру-

гих пассажиров, уронила под ноги черную сумку.

– Из всех эм-сто-вторых во всех городах мира ты заходишь в мой,¹² – отметил я.

Она не улыбнулась.

– У меня мало времени.

Она расстегнула сумку и вручила мне белый конверт 8 × 10. Я извлек оттуда тоненькую пачку бумаг: первая страница – фотокопия досье.

«Дело № 21-24-7232».

– Как продвигается расследование? – спросил я, спрятав бумаги в конверт, а конверт в карман.

– Расследует пятый участок. Им по сто человек на дню звонят. Анонимы, но по делу ни слова. На той неделе Александру видели в «Макдональдсе» в Чикаго. Три днями раньше – в ночном клубе в Майами. Уже два признания в убийстве набралось.

– А это убийство?

Шерон покачала головой:

– Нет. Она прыгнула.

– Ты уверена?

Она кивнула:

– Никаких следов борьбы. Ногти чистые. Сняла ботинки

¹² Из всех эм-сто-вторых во всех городах мира ты заходишь в мой... – Аллюзия на реплику Рика Блейна (Хамфри Богарт), главного героя драмы Майкла Кёртиса «Касабланка» (*Casablanca*, 1942), который комментирует внезапное появление потерянной возлюбленной словами: «Из всех кабаков во всех городах всего мира она заходит в мой».

и носки, поставила на край. Методично готовилась – очень похоже на суицид. Вскрытия не было. Даже не знаю, будет ли.

– А почему не будет?

– Семейный адвокат отбивается зубами и когтями. Религиозные запреты, все такое. Для еврея осквернение тела – кошунство. – Она нахмурилась. – Я заметила, в деле не хватает пары снимков. Торс, спереди и сзади. Я так думаю, хранят отдельно, чтоб какой урод не слил «Дымящемся пистолету»¹³.

– Причина смерти?

– Как у всех прыгунов. Обильное кровотечение. Перелом шеи, рваные раны сердца, множественные переломы ребер и перелом черепа. Пролежала мертвая несколько дней. С месяц назад поступила в какую-то пафосную частную клинику на севере. Оттуда сообщили о ее исчезновении. За десять дней до прыжка.

Я вытаращился:

– Почему? Она сбежала?

Шерон кивнула:

– Медсестра подтвердила, что в одиннадцать вечера Александра была в палате, свет не горел. А в восемь утра ее уже

¹³ ...слил «Дымящемся пистолету». – «Дымящийся пистолет» (*The Smoking Gun*, с 1997) – основанный бывшими репортерами *The Village Voice* Уильямом Бэстоном и Дэниэлом Грином и графическим дизайнером Барбарой Глаубер веб-сайт, главным образом публикующий разоблачительные материалы, касающиеся исторической и современной преступности.

не было. И зафиксирована всего одной камерой слежения – какой-то бред, клиника напичкана камерами, как Пентагон. Лица не видно. Просто девушка в белой пижаме бежит по газону. И с ней мужчина.

– Кто?

– Неизвестно.

– Почему она легла в клинику? Наркотики?

– По-моему, никто так и не знает, что с ней было.

Там в конверте медицинское освидетельствование.

– Когда клиника заявила о пропаже?

– Тридцатого сентября. В рапорте есть.

– А прыгнула она?..

– Поздно вечером десятого октября. Одиннадцать вечера, полночь.

– И где она шлялась эти полторы недели?

– Никто не в курсе.

– А на кредитках ее шевелилось что-нибудь?

Шерон помотала головой:

– И мобильный тоже был отключен. Догадалась не включать. Видимо, не хотела, чтоб ее нашли. За все десять дней ее точно видели всего раз. Когда обнаружили тело, она была в джинсах и футболке. В кармане пластиковый номерок. Сзади дерево выгравировано. Выяснили, откуда взялся, – из ресторана «Времена года». Знаешь, заведеньице на Парк-авеню?

Я кивнул. «Времена года» – один из самых дорогих ресто-

ранов города, говоря точнее – заповедник редкой дикой фауны. Платишь непомерный входной взнос (\$45 за крабовые тефтели), дабы понаблюдать – но ни в коем случае не *потребовать* – процесс питания и боевые ритуалы нью-йоркских привилегированных и властительных кругов, демонстрирующих узнаваемые признаки своей видовой принадлежности: закаменевшие лица, ширящиеся плечи, стального оттенка костюмы.

– Девчонка-гардеробщица ее опознала, – пояснила Шерон. – Александра пришла около десяти, но спустя несколько минут убежала *без* пальто и уже не вернулась. А через пару часов прыгнула.

– Наверное, встречалась с кем-то.

– Неизвестно.

– Но следствие пошурует?

– Нет. Тут же нет преступления. – Шерон пронзила меня взглядом. – Чтобы добраться до шахты лифта, ей надо было войти в заброшенный дом, а там известный сквот, «Висячие сады». С крыши она пролезла в потолочный люк – а он шириною в фут. Мало таких субтильных, кто туда протиснется, и тем более невозможно, если держать кого-то, а тот отбивается. Всё прочесали на предмет следов. Никаких признаков того, что Александра была не одна.

Шерон не сводила с меня изучающего – нет, пожалуй, *следовательского* – взгляда: ее карие глаза методично ползали по моему лицу – вероятно, по таким же квадратам, какие она

применяла в работе поисковых партий.

— А теперь настал момент спросить, зачем тебе эта информация, — сказала она.

— Кое-какие неоконченные дела. Ты не парься.

Шерон сощурилась:

— Знаешь, что говорил Конфуций?

— Напомни.

— «Перед тем как мстить, вырой две могилы».

— Мне всегда казалось, что мудрость древних китайцев сильно переоценена.

Я вручил Шерон конверт. Три тысячи долларов. Она сунула конверт в сумку, застегнула молнию.

— Как твой пес? — спросил я.

— Умер три месяца назад.

— Как жалко.

Она отбросила шипастую челку со лба, смерила взглядом старика, только что севшего в автобус.

— Все хорошее кончается, — сказала она. — Ну, все на этом?

Я кивнул. Она накинула ремень сумки на плечо, собралась уже встать, но тут меня запоздало осенило, и я схватил ее за запястье.

— А предсмертная записка? — спросил я.

— Не нашли.

— Кто опознал Александру в морге?

— Адвокат. От родных ни слова. Говорят, их нет в стране. Путешествуют.

Скривившись – с сожалением, но без особого удивления, – она встала и направилась к передней двери. Шофер тотчас затормозил. Несколько секунд – и Шерон уже шагала по тротуару, не столько шла, сколько *перла*: плечи ссутулены, взгляд уставлен под ноги. Автобус рыгнул, покатиł дальше, и Шерон обернулась смутной тенью, что скользит мимо запертых магазинов и закрытых витрин; резкий поворот – и она пропала.

**ТОЛЬКО ДЛЯ
МЕДИЦИНСКОГО
ПЕРСОНАЛА**

БХ
Брайарвуд-холл

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имя пациента	Александра Бретт Кордова	Дата рождения	30.12.86
Адрес	1014 Кантри-роуд, 112	Индекс	12847
Город	Каргаторп-Фоллз	Штат	Нью-Йорк
Лечащий врач	Со слов пациентки, семейного врача нет.	Тел. лечащего врача	—
Врач «Брайарвуд»	доктор медицины Анника Энгли		
Дата заключения	5/09/11	Даты осмотров	31/08, 1/09, 2/09, 3/09

Анамнез заболевания

Пациентка замкнута и не отвечает на вопросы. Периодически агрессивна и высказывает параноидальные идеи, особенно в отношении незнакомых людей. Отмечаются вспышки гнева, когда пациентка остается одна и/или в темноте (впервые отмечено 31/08). Не проявляет интереса к окружающим или к общению, отсутствует мотивация к повседневным занятиям. Поведение изменилось, когда пациентке было разрешено во время общего часа играть на фортепиано. В это время играла по 2 ч. без перерыва — исключить маниакальные тенденции.

Рекомендовано дальнейшее наблюдение и 3 ч. ежедневной терапии, групповой и индивидуальной.

Анамнез жизни	Наследственность в отношении психиатрических заболеваний
Со слов пациентки, никогда не лечилась.	Нет данных.

Социальный анамнез (в т. ч. злоупотребление п/а веществами), в т. ч. семейные отношения, работа

Бывший вундеркинд, музыкант. Текущий служебный и семейный статус не известен.

Текущие назначения	Заболевания / обследования / аллергии
Нет	Нет

Оценка психического состояния (отметьте существенные детали)

Внешний вид:	неряшливая, бледная, симптомы анемии	Сон:	хороший, но требует включать свет в палате
Мышление:	ясное	Настроение:	гнев, паранойя, агрессия
Восприятие:	хорошее	Аффект:	уплощенный
Ангедония:	нет	Аппетит:	низкий
Внимание / концентрация:	хорошие	Мотивация / энергия:	низкие
Память:	хорошая	Суждение / понимание:	может высказывать паранойю
Координация:	хорошая	Речь:	четкая

Оценка рисков (если ответ «да» в графах «планы», «тенденции» или «опасность», обратитесь к группе «Серебряный код», ГКС, 9211 3911)

Мысли о самоубийстве:	Да ☒ Нет ☐	Суицидальные тенденции:	Да ☒ Нет ☐
Текущие планы:	Да ☐ Нет ☒	Опасность для окружающих:	Да ☒ Нет ☐

Предварительный диагноз, МКБ-10	Пациенту рекомендовано
---------------------------------	------------------------

F1 Расстройства, связанные с употреблением п/а веществ	☐	Группа «Депрессия»	☒
--	--------------------------	--------------------	-------------------------------------

СООБЩЕНИЕ О НЕСЧАСТНОМ СЛУЧАЕ / ПРЕСТУПЛЕНИИ

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

ДЕЛО № 21-24-7232	ВЕДУЩИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ Детектив Майк Ву НЙДП, участок 5	Дата и время сообщения 14:02	ВРЕМЯ 14:02 ДАТА 14.10.11
СМЕЖНЫЕ ДЕЛА / СЛУЧАИ	ПРЕСТУПЛЕНИЕ / НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ Расследование смерти Сообщение о пропаже без вести, полиц. департ. Шандакена, округ Ольстер, Нью-Йорк 12-388		
ТАКЖЕ ПРИСУТСТВОВАЛИ	сержант Фрэнк Брайант; полицейский Джозеф Андерсон; Фил Ларок, фотограф отдела главного судмедэксперта; д-р Санья Инратис, помощник судмедэксперта; следователь на месте преступления Ричард Дэвис; д-р Лиса Беннетт, младший судмедэксперт		
МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ	Мотт-стрит, 9		

ИМЯ ПОКОЙНОГО _____

СВИДЕТЕЛИ

ИМЯ	РАСА	ПОЛ
Свидетели не установлены		

ОПИСАНИЕ

ПЕРВИЧНАЯ КАРТИНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Около 15:22 13 октября 2011 г. генеральный подрядчик Энтони Пеллмен прибыл в д. 9 по Мотт-стрит с целью инспектирования здания. По причине договорных разногласий работы по капитальному ремонту были приостановлены на 7 дней, и Пеллмен прибыл осмотреть место проведения работ перед их возобновлением 14 октября. Войдя, Пеллмен почувствовал неприятный запах, провел поиски и в заброшенной шахте грузового лифта обнаружил тело, похожее на женское. Пеллмен позвонил в службу спасения и оповестил правоохранительные органы.

Покойная, обнаруженная полицейским Джозефом Андерсоном, первым прибывшим на место, была одета, худощава, с темными волосами и лежала на левом боку, в направлении приблиз. с юго-востока на северо-восток. При поверхностном осмотре отмечены следы массивного кровотечения. Серьезная травма черепа с левой стороны. Слева возможен вывих челюсти и плеча. Под областью головы и шеи следы обильного кровотечения. Пятно сухое, красно-коричневое, ок. 22 × 18 дюймов. По результатам осмотра, покойная упала с большой высоты и истекла кровью на месте, где была обнаружена. На лицевой области слева отмечается кровоподтек. Судя по имеющимся признакам, смерть наступила минимум за 48 ч. до обнаружения тела. На лице первые признаки разложения. Ладони открыты, характерные повреждения, полученные в процессе самообороны, отсутствуют.

Покойная была одета в темно-синие джинсы и черную футболку с изображением ангела на груди. Ноги босые, на подъеме правой стопы видна татуировка. Украшения отсутствуют. Оружие не обнаружено.

На верхнем этаже д. 9 по Мотт-стрит, семью этажами выше расположения тела, обнаружена пара черных ботинок и черные носки, оставшиеся

СООБЩЕНИЕ О ПРОПАЖЕ БЕЗ ВЕСТИ / НЕОПЗНАННОМ ЛИЦЕ

П. О. 336-151 (Ред. 2-94)

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ЗАПОЛНЯЕТСЯ
ПОСЛЕ ОТРЫВАВремя
и дата наст.
сообщения

ТИП ДЕЛА

☒ ПРОПАЖА БЕЗ ВЕСТИ☐ НЕОПЗНАННОЕ ЛИЦОЮРИСДИКЦИЯ /
ОТВЕТСТВ. ОРГ-ЦИЯ

Шандакен

ВРЕМЯ

22:04

ДАТА

30.09.11

ДЕЛО №

12-388

ДЕЖУРНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

ХЕЛМС

ТЕЛЕФОН

845-555-9022

ФАМИЛИЯ

КОРДОВА

ИМЯ

АЛЕКСАНДРА

ДРУГОЕ

БРЕТТ

ВОЗРАСТ

24

Время и дата
пропажи без вести

ВРЕМЯ

08:12

ДАТА

30.09.11

ПОЛ
ЖРАСА
ЕВРОПЕЙСКАЯРОСТ
5 ф.
9 д.ВЕС
117 фунт.ЦВЕТ ГЛАЗ
СЕРЫЙЦВЕТ/ДЛИНА ВОЛОС
ТЕМНО-КОРИЧН.,
ДЛИННЫЕГРУППА КРОВИ
НЕТ ДАННЫХПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛИ
29.02.11, 23:10,НОМЕР МХ-314,
КЛИНИКА «БРАЙАРВУД»ВОЗМОЖНОЕ МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ
НЕИЗВЕСТНОИСПОЛЗУЮТСЯ
ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА☐ Да
☒ Нет

Если Да: НЕТ ДАННЫХ

СОЦ. СТРАХ. № 238-38-2219

ВОД. УДОСТ. № 270-294-791

УДОСТОВЕРЕНИЕ №

МОДЕЛЬ / ЦВЕТ

ГОД

КЛАСС ОТПЕЧАТКОВ ПАЛЬЦЕВ

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ (ШРАМЫ, ТАТУИРОВКИ И ДР.) Цветная татуировка на правой ступне
и шиколотке, существо, похожее на лошадь/козу, видны голова и передние ноги.
Задняя половина отсутствует. Рубец от ожога на тыльной стороне левой кисти.

СТОМАТОЛОГИЧЕСКИЕ МАНИПУЛЯЦИИ Нет

ОЧКИ / КОНТАКТНЫЕ ЛИНЗЫ

☐ Да
☒ Нет

Если Да:

ТИП ОПРАВЫ

РЕЦЕПТ

ОДЕЖДА Объект в последний раз видели одетым в белую хлопчатобумажную пижамуОБЪЕМ ТАЛИИ 20 дюймовРАЗМЕР ОБУВИ 8УКРАШЕНИЯ НетПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА / ПРЕСТУПЛЕНИЕ Неизвестно

– Это кыто?

Царапучий женский голос в домофоне – нечленораздельный, с густым русским акцентом.

– Скотт Макгрэт, – повторил я, склонившись к крошечной черной видеокамере над дверными звонками. – Я друг Вольфганга. Он меня ждет.

Что вранье. Утром, от корки до корки прочтя досье Александры Кордовы, я три часа с собаками искал Вольфганга Бекмана – киноведа, профессора, бешеного кордовита, автора шести книг о кино, в том числе популярной работы «Американская маска» – о фильмах ужасов.

Я сунулся в Коламбию, в кабинет Бекмана в Додж-холле, узнал его расписание, из которого, впрочем, следовало, что в этом семестре у него всего один курс, «Темы ужаса в американском кинематографе», по вторникам в семь вечера. Я позвонил ему на работу и на мобильный, но включилась голосовая почта, а с учетом нашей последней встречи больше года назад – когда Бекман не просто пожелал мне сгнить в аду, но вдобавок, расхрабрившись от водки, дважды пьяно на меня *замахнулся* – я понимал, что он скорее перезвонит папе римскому. (Бекман истово ненавидел две вещи в этой жизни: сидеть в первых трех рядах в кинотеатре и католическую церковь.) Последний шанс – явиться сюда, в вет-

хий дом на углу Риверсайд-драйв и Западной Восемьдесят третьей, где я провел немало вечеров в кротовьей норе, заменившей Бекману квартиру, слушая его лекции в обществе стаи кошек и толпы студентов, которые впитывали каждое его слово, точно котята, лакающие сметану.

К моему удивлению, раздался скрежет, громко зажуужало – и меня впустили.

На мой стук дверь с потускневшими цифрами «506» открыла крохотная женщина. Черная стрижка сидела у нее на голове, как колпачок на авторучке. Очередная домработница Бекмана. С тех пор как много лет назад его возлюбленная жена Вера умерла от рака, Бекман, решительно неспособный сам о себе позаботиться, нанимал для этой цели многочисленных русских дюймовочек.

Все они были равно низкорослы, суровы и немолоды; голубые глаза, обветренные руки, крашенные волосы оттенка ненатуральной карамели, душа сочится большевистским «даше не думай». Два года назад была Мила в потертых джинсах и футболках со стразами – она неумолчно повествовала о сыне, оставшемся в Беларуси. (Все прочие ее речи, не касавшиеся Сергея, в основном сводились к единственному слову «ньет».)

У этой наблюдался ястребиный нос, розовые хозяйственные перчатки и черный резиновый фартук, в каких щеголяют сварщики на сталелитейных заводах. Похоже, она так нарядилась, дабы вымыть пол у Бекмана в кухне.

– Он шидет вас-с? – Она смерила меня взглядом. – Он у сытоматолога.

– Он просил зайти и подождать.

Она недоверчиво сощурилась, но толкнула дверь.

– Хотите тчай? – спросила она.

– Благодарю вас.

Напоследок одарив меня неодобрительным взглядом, она исчезла в кухне, а я направился в гостиную.

Гостиная не изменилась. По-прежнему темная и угрюмая, пахнет грязными носками, сырой гнилью и кошками. По-блекшие ирисы на обоях, потолок прогибается, как диванное дно, – в квартире Бекмана неотступно чудилось, что из-под половиц вот-вот проступит вода. Я в жизни не бывал в настолько *отдраенной* квартире (Бекмановы домработницы всегда вооружены шваброй и ведром, банками лизола, салфетками с хлороксом), так отчетливо смахивающей на болото в глуши Эверглейдс.

По краю каминной полки выстроились фотографии. Они тоже не изменились. Цветной портрет Веры в день свадьбы – счастливая, вся светится. Рядом портрет Марлоу Хьюз с автографом – легендарная красотка, вторая жена Кордовы, блистала в «Дитяти любви». Дальше – сын Бекмана, Марвин, в день выпуска с юридического факультета; удивительно, до чего нормальный на вид юнец. Затем кадр из «Тисков для пальцев» – Эмили Джексон разглядывает таинственный дипломат мужа; и наконец, индоподобный Бек-

ман на троне – довольный будда на ступеньках библиотеки Лоу в Коламбии, окруженный полусотней восхищенных студентов.

Постер справа от камина – морщинистый и мятый кордовитский глаз крупным планом – висел здесь, сколько я знал Бекмана. Тот содрал постер со стены на станции «Пигаль» в 1987 году, возвращаясь с заповедного киносеанса в парижских катакомбах, где показывали «Ночами все птицы черны», – одно из первых мероприятий такого рода. Внизу от руки нацарапано место встречи: «Самовластный смертоносный совершенный $48^{\circ}48'21,8594''$ с. ш. $2^{\circ}18'33,3888''$ в. д. 1111870300».

В углу стоял деревянный стол, а на нем Бекманов старый «мак». И он гудел, то есть был *включен*.

– Ваш тчай.

За моей спиной возникла домработница. Толкнула поднос по кофейному столику, прожгла меня взглядом, отпихнула черную китайскую шкатулку и грудку газет, а затем вновь отбыла.

Я подождал, пока она вернется к уборке, и ткнул в клавиатуру. Не то чтобы я, сунувшись в компьютер невинного человека, собою *гордился*, но в любви и на войне все средства хороши.

Я открыл «Файрфокс», заглянул в «Показать весь журнал».

Челюстно-лицевая хирургия осложнения – Поиск

«Гугл»

Удаление зуба какие возможны проблемы – Поиск

«Гугл»

Побочное действие новокаина – Поиск «Гугл»

«Нью рипаблик» онлайн

«Нью-Йорк пост»

Бесплатные знакомства для людей со всего мира
soulmates.ru

Русский разговорник

Александра Кордова – Поиск «Гугл»

«Александра Кордова найдена мертвой» –
nytimes.com

А дальше просто: *blackboards.onion*.

Я кликнул. Сайт загрузился не сразу, на заглавной странице туманный лес – я узнал первый кадр из «Подожди меня здесь». Адрес длинный, но в череде символов и знаков пунктуации прятались три ключевых слова: «самовластный смертоносный совершенный».

«Черная доска», веб-сайт поклонников Кордовы в глубокой паутине. Вход жестко охраняется, только для авторизованных кордовитов. Секретный адрес, анонимный интернет, зайти можно только «Тором», «Гугл» не найдет, обычный браузер не доберется. Несколько лет назад, когда мы только познакомились, я пытался выцыганить у Бекмана адрес, но успеха не достиг. Он говорил, что это «последний укромный уголок», черная дыра, где поклонники могут не только вдоволь толковать о Кордове, но, не боясь осуждения, выра-

жать любые сумеречные порывы и мечты.

Зазвенели ключи, грохнула входная дверь. На пол упала швабра. Надо думать, госпожа Толстая уведомляет Бекмана, что к нему явился визитер.

Я быстренько сфотографировал адрес на «блэкберри», закрыл браузер и попятился к каминной полке, как раз когда по половицам застучали торопливые шаги.

– Мудак! – взревели у меня за спиной.

В дверях стоял Бекман. На нем был туго затянутый поясом тренч, в котором друг мой походил на картошину в вощенке.

– Вон.

– Погоди...

– Я же ясно сказал в прошлый раз: ты для меня умер. Ольга! Звони в полицию, скажи, что к нам вломился опасный человек.

– Я хочу мириться.

– Какой мир, если дружба взорвана к чертям собачьим?

– Ну что за глупости?

Он прожег меня взглядом:

– Предательство – не глупости. От него империи рушатся.

Он расстегнул пояс, швырнул тренч на кресло – получилось драматично, будто испанский матадор отбрасывает красный плащ, – и направился ко мне. Спасибо небесам, не заметил, что в углу светится включенный монитор.

Бекман, конечно, кипел, но физическое устрашение ему

не по зубам. На нем были серые костюмные брюки (штанины короткие) и круглые очки в золотой оправе, за которыми моргали добрые глазки, – ни дать ни взять бурундук. И волосы чрезмерно возбудимые: им прямо не терпелось *начать*, и начинались они в двух дюймах над бровями. Правая щека мощно распухла, словно туда напихали ватных шариков.

– Я хочу поговорить про Александру, – сказал я.

От этого имени он вздрогнул, словно от удара оголенным электрическим проводом. Что-то буркнул, отошел, плюхнулся в кресло, и оно вяло изобразило подушку-пукалку. Бекман снял туфли, забросил ноги – в ярко-желтых носках в ромбик – на кожаную тахту.

– Сандра Кордова, – произнес он, растирая обвислую на новокаиленную щеку. Затем рывкнул через плечо: – Ольга!

Она выросла на пороге с телефоном – очевидно, беседовала с полицией.

– Ну что такое, Ольга, что ты... повесь трубку сейчас же. Господи боже. Это мой дорогой друг Макгрэт. Не могла бы ты принести ему что-нибудь помимо чая? Что проку от этого чая? – Он посмотрел на меня. – При свете дня еще квасишь?

– А то.

– Рад, что ты не растерял лучших своих качеств. Принеси хорошей водки, будь добра?

Ольга исчезла, а я сел на диван. Светящегося монитора Бекман так и не заметил – его отвлекли три кошки, явившиеся из тайного своего убежища. В квартире их жило восемь,

в том числе ужасно экзотические восточные породы: голу-боглазые, чернолицые, мех как длинноворсовый ковер, ка-призный нрав – как у Греты Гарбо, и до публики они снис-ходили *только* в присутствии Бекмана.

Он нагнулся погладить кота, тершегося о тахту.

– Это который? – спросил я с напускным интересом: бла-годушие Бекмана прямо пропорционально зависело от инте-реса гостя к кошкам.

– Макгрэт, ты его видел миллион раз. Это Одноглазый Понтиак. Какового не следует путать с Любопытным Томом и Борисом, Бандитским Сыном. – Бекман изогнул бровь. – У меня тут новый котенок завелся. Нашел еще одну фирмен-ную фишку. Неловко, что раньше не заметил.

– Девять кошек? Да тебя посадят.

Он поправил очки на носу.

– Я его назвал Мурад, как сигареты.

– Впервые слышу.

– Устаревшая турецкая марка, была популярна годах в де-сятых-двадцатых. «Мурад» по-арабски значит «желанный». Единственный сигаретный бренд в фильмах Кордовы. Ни од-ного «Мальборо», «Кэмела» или «Вирджинии Слим». И бо-лее того. Если камера фокусируется на сигарете «Мурад», следующий же персонаж, который появляется на экране, об-речен и под прицелом. Иными словами, боги нарисовали у него на спине громадный крест и повесили невидимую таб-личку «ТЕБЕ ТРЫНДЕЦ». Отныне его жизнь необратимо

изменится.

«Мурад». Всех своих кошек Бекман нарек в честь каких-нибудь подробностей из фильмов Кордовы – фирменных знаков, безмолвных автографов. От секундных эпизодических ролей (вроде хичкоковских cameo) до крохотных деталей реквизита в мизансцене, символизирующих грядущее разрушение (как предвещал смерть апельсин в «Крестных отцах»). В основном неочевидные, до крайности загадочные мелочи вроде Одноглазого «Понтиака» и Бориса, Бандитского Сына.

Я подался к столику глотнуть чаю и опять скосил глаза на компьютер – тот все еще светился. Бекман поддернул рукава, нахмурился и, кажется, едва не перехватил мой взгляд.

– Что знаешь про Александру? – спросил я.

Он помрачнел.

– Трагедия. – Он глубоко вздохнул, устроился в кресле поудобнее. – Как ты помнишь, мы с Верой ходили ее слушать много лет назад. В зал Вайля. Потрясающе. Концерт в восемь. Все собрались, ждут. Восемь, восемь десять, восемь двадцать. На сцену выходит бородач, нервно так объявляет: концерт скоро начнется, пожалуйста, потерпите. Минуты идут. Восемь тридцать, сорок. Она вообще собирается прийти? Зрители уже злятся. Зачем мы за билеты платили? Я, само собой, озираюсь, смотрю, не явится ли ее отец. Одинокая фигура в заднем ряду, в камуфляже, седой, гримаса всевидца, темные, как обычно, очки, глаза – как две мертвые

черные монеты.

Бекман даже вытаращился в пустой дверной проем, будто надеялся, что там стоит Кордова. Потом снова повернулся ко мне и вздохнул:

– Он не пришел. И вдруг из-за кулис выпархивает такое дитяtko в черных колготках, в алом тафтяном платье. Мы решили, она сейчас объявит, что концерт отменяется. А она бежит к «Стейнвею», садится, на нас – ноль внимания. Проводит руками по клавишам, точно шеф-повар крошки с разделочной доски смахивает. И давай играть – не дождалась даже, пока в зале замолчат. Равеля, *Jeux d'eau*.¹⁴

Ольга суежилась над кофейным столиком, разливала водку из черной бутылки с грубо намалеванными русскими буквами. Мы с Бекманом чокнулись и выпили. Отличная водка, редкий случай: бодрящая и легкая, в горле словно танцевала.

– Она не играла ноты, – продолжал Бекман. – Она их *лила* из греческой амфоры. В зале ни следа возмущения – шок, затем ошеломленный восторг. Никому не верилось, что этот ребенок способен так играть. В какие темные глубины ей пришлось сойти... одной.

– Полиция считает, это суицид, – сообщил я.

Он поразмыслил.

– Не исключено. Она так играла... будто познала пре-

¹⁴ *Равеля, Jeux d'eau*. – «Игра воды» (фр.), произведение Мориса Равеля для фортепиано (1901), вдохновленное плеском воды и другими шумами фонтанов и ручьев.

дельную тьму. — Он насупился. — Но это ведь нередко бывает? В личной жизни гениев зачастую кроется разрушение, словно там ядерная бомба взорвалась. Искореженные браки. Брошенные умирать жены. Дети, которые растут изуродованными военнопленными, — и все с бомбовыми воронками вместо сердец, не знают, куда приткнуться, не понимают, за кого воюют. Кордова женился на огромном состоянии — от таких штук масштаб и объем последствий только крупнее. Может, с Сандрой так и случилось.

— С Сандрой?

— Ее так звали в музыкальных кругах. Сандра Деруин. *Cendre DeRouin*, пепел руин. Ей было тринадцать. А играла так, будто шесть жизней прожила. Шесть рождений. Шесть смертей. И ухватила всю грусть, всю любовь и тоску. Ухватила и потеряла. — Он свел к переносице нервные густые брови. — Вот такой уровень мастерства и чувства, плюс я, бесспорно, в жизни не видел ребенка красивее. Когда уходили из зала, Вера, утирая слезы, сказала: не может быть, что Александра — человеческое дитя. И не преувеличила.

— А что-нибудь о ее детстве ты знаешь? — спросил я, подливая нам обоим водки. — Какая она была? Ты же помнишь моего анонима.

Он уставился на меня скептически:

— Этот загадочный «Джон», что ли?

Я кивнул.

— Знаешь, я никогда не верил в Джона. Тебя разыграли,

ты повелся. Кто-то над тобой похихикал. На черта Кордове сдалась детская одежда? Но с другой стороны... Девочка, чье детство составляли ромашки, шетландские пони и любящие родители Джоани и Фил, вот так играть музыку не смогла бы. Над этим семейством висит некая черная туча, тут я с тобой не спорю. Но что сокрыто в туче и густа ли она – просто смог, или пятибалльный ураган, или черная дыра без единого проблеска света, – этого я не скажу.

– Ты когда-нибудь слышал, что у Александры проблемы по психиатрии? Она в конце августа легла в клинику на севере. «Брайарвуд».

– Нет, – удивился он.

– Сбежала оттуда с неопознанным мужчиной и погибла в пакгаузе спустя десять дней. На «Черной доске» слухов не мелькало?

– Боже мой, Макгрэт, на какой еще «Черной доске»? – Усмехнувшись, он опрокинул в себя водку, хлопнул стаканом по столу. – Я уж сколько лет туда не заглядывал. Староват я для мелодрам.

Ну конечно, фальшиво отнекивается – иного я и не ожидал. Расспрашивать Бекмана – все равно что танец дождя у костра выплясывать: требует тонкости подхода и трех-четырех пузырей вот этой водки, которая даст фору опиуму и, несомненно, порождена неким самогонным аппаратом в Сибири.

– Где сейчас Кордова, как думаешь? – спросил я.

Он задрал бровь:

– Только не говори, что опять в одиночку на моторке прешься по Амазонке против течения. Что на сей раз? Месть за то, что из-за него порушил себе карьеру, или просто любопытство гложет?

– По чуть-чуть того и этого. Правды хочу.

– Ах пра-авды. – Глаза Бекмана скользнули по черной шестиугольной шкатулке на кофейном столике. Он открыл было рот, но затем развернулся и в упор уставился на компьютер. Монитор все горел, а один из Бекмановых клятых ков – Одноглазый Понтиак, или как там кличут эту тварь – терся об ножку стола.

Бекман в испуге подскочил.

– Ольга! – взревел он. – Принеси этих испанских сардин, будь добра. У Бориса низкий сахар. – И поморгал на меня из-под очков. – Я тут, кстати, недавно слыхал кое-что, – может, тебе пригодится. Пег Мартин.

– Пег Мартин?

– У нее была маленькая роль на первых двадцати минутах в «Изоляторе-три». Играет одну из дежурных в манхэттенской юридической фирме. Неуклюжая девица, рука в гипсе. Рыжие кудряшки. Плоский нос. Уходит вниз по лестнице и больше не возвращается. В середине девяностых дала интервью журналу «Проныра», говорила о Кордове.

Я вспомнил. Пять лет назад, исследуя тему, откопал эту статью.

– У одной моей нынешней студентки терьер. Водит его в группу дрессировки в Вашингтон-Сквер-парке. Под конец часового семинара рассказала мне, что на собачью площадку приходит курчавая рыжая женщина с дряхлым черным лабрадором и они сидят плечом к плечу на скамье, смотрят, как остальные возятся, носятся, играют и смеются. – Бекман сдвинулся на краешек кресла – играл роль Пег Мартин. – Не говорит... ни с кем. Не смотрит... ни на кого. И собака тоже. Короче. Студентка утверждает, что это и есть Пег Мартин.

– Ну и?

– Ну и сходи к ней. Поговори. Вдруг она что-нибудь знает про семейку? Пятнадцать лет на веществе, – может, в отличие от прочих, отмалчиваться не будет? – Он опять нахмурился. – И я бы на твоём месте ещё раз прошерстил это интервью в «Роллинг Стоуне». Последнее интервью Кордовы перед уходом в подполье. Говорят, там есть бомба. Я смотрел – ничего не нашёл. Может, тебе повезет.

– А Кордова? Он где?

Бекман осушил стакан.

– Прячется, небось. Я так думаю, сердце его разбито. Что занимательно, если учесть ужасы его фильмов. Но я всегда подозревал, что тьма в них сгущается, дабы воссиял свет. Он видел душевные терзания людей и надеялся, что его фильмы даруют убежище. Персонажи измучены, повержены. Странствуют по преисподним, выходят обгорелыми го-

любями. В наше время люди ничему не учатся, они слабы, мелочны, равнодушны к дивному дару жизни, будто это реклама пепси какая, – я его не упрекаю за то, что ушел в подполье. Ты вообще видишь, во что нынче превратился мир, Макгрэт? Жестокость, разобщенность? Художник поневоле задумывается, для чего это все. Мы живем дольше, общаемся в соцсетях наедине с экраном, а глубина чувства мельчает. Скоро останется жалкая приливная лужица, потом воды с наперсток, потом микрокапелька. Говорят, в ближайшие двадцать лет мы вживим себе компьютерные чипы, вылечим старость и станем бессмертными. Кому охота вечность прожить машиной? Неудивительно, что Кордова прячется. – Он осекся и как-то обмяк в кресле.

Монитор наконец-то уснул. Я глянул на запястье. Седьмой час. Пора двигаться.

– Спасибо за водку, – сказал я. – И я хотел официально извиниться.

Бекман не ответил, отвлекшись на некую мрачную мысль, но затем его горящие глаза вновь скользнули по черной китайской шкатулке. Он пальцем пощупал крышку – она, естественно, не открылась.

– Странно, что ты не пытался ее взломать, пока меня не было, – буркнул он.

– Какая-то совесть у меня все же *осталась*.

Он насмешливо изогнул бровь.

Чтобы его ублажить, я взял шестиугольную шкатулку –

довольно тяжелая. Я потряс ее и расслышал знакомый – знаменитый – «сухой стук» внутри. Я не знал, что там, – никто не знал, кроме неизвестного, который этот стук туда запер.

Бекман купил шкатулку на черном рынке у торговца коллекционными сувенирами. Якобы это реквизит, украденный со съемочной площадки «Подожди меня здесь». В фильме шкатулка – личное имущество серийного убийцы Бойда Райнхарта. Зрителю так и не сообщают, что внутри, но предположительно – предмет, который и заставил Бойда Райнхарта убивать, сломал ему психику в детстве. Однако, по словам сувенирного торговца, в документацию, подтверждающую подлинность объекта, вкралась ошибка, и не исключено, что шкатулку украли вовсе не со съемочной площадки, а из собрания улик по делу Хью Тислтона, убийцы-подражателя, который копировал Бойда Райнхарта во всем, от способа убийства до броского гардероба.

Бекман обожал показывать эту шкатулку всем подряд, смотреть, как ее передают из рук в руки.

– Вот оно, – благоговейно вещал Бекман. – Шкатулка – таинственный порог, отделяющий реальность от вымысла. Чья она? Райнхарта? Тислтона? А может, твоя? Все мы поголовно храним свои шкатулки – темные покои, где под замком прячется то, что копьем пронзило нам сердце. Там скрывается ответ на вопрос «зачем?» – то, к чему стремишься, во имя чего ранишь все вокруг. И если ее открыть, наступит ли свобода? Нет. Ибо неприступная тюрьма с неуязви-

мым замком — твоя собственная голова.

В последний мой визит Бекман удалился в кухню за очередной бутылкой водки, а меня — сильно нажравшегося и подстрекаемого одной его симпатичной студенткой — посетила блестящая идея вскрыть замок перочинным ножиком, дабы раз и навсегда выяснить, что внутри.

Потускневший латунный замок не поддался.

Бекман застал меня на месте преступления. Вышвырнул за дверь, крича: «Предатель!» и «Филистер!». А напоследок, прежде чем захлопнуть дверь у меня перед носом, сказал: «Ты даже не понял, где она открывается».

Пришла Ольга с горами сардин на двух тарелках — хватило бы прокормить всю экспозицию выдр в «Морском мире». Поставила тарелки на ковер, и коты сбегались нюхать.

— Знаешь, в чем твоя беда, Макгрэт? — сказал Бекман, разливая остатки водки по стаканам. — Ты не уважаешь морок. По-черному необъяснимое. Уму-не-постижимое. Вы, журналисты, сквозь мистерии жизни ломитесь бульдозерами, сами не понимаете, что беспощадно отрыли, не догадываетесь, что откапываете нечто могущественное и оно, — Бекман откинулся на спинку кресла, и его темные глаза вперились в мои, — не желает, чтобы его нашли. И найдено не будет.

Это он про Кордову.

— И вообще, — тихо прибавил он, — адская тень не равна человеку.

Я кивнул и отсалютовал стаканом:

– За морок.

Чокнулись, выпили. Я встал, низко поклонился Бекману – у него такая слабость, любит выставляться королем – и обогнул его кресло. Он молчал, беспомощно обмякнув под лавиной размышлений.

В лифте я не только угрызался за наглое ковыряние в его компьютере, но жалел о том, как повернулся разговор. Из-за этой водки я немножко чересчур разоткровенничался. Бекман теперь не усомнится, что я вновь взял след Кордовы, и неизвестно, как он поступит с этими сведениями.

Я глянул на снимок монитора и сам не поверил своей удаче. Картинка получилась размытая, но запутанный адрес я все же разбирал. За годы знакомства с Бекманом то был самый полезный ошметок данных, что мне удалось из него выудить.

Я закрыл фотографию и сделал пометку в календаре.

«Пег Мартин. Вашингтон-Сквер-парк. Воскресенье, 18:00».

8

Гардеробщица во «Временах года» горстями ела разноцветные желейные конфеты и читала тоненькую книжку, пожелтевшую и потрепанную.

В свидетельских показаниях полицейского досье Александры я прочел, что гардеробщицу зовут Нора Халлидей

и ей девятнадцать лет.

Всякий раз, когда прибывала очередная группа трапезников – туристы со Среднего Запада, какие-то финансисты, престарелая пара (до того престарелая, что ходьба их напоминала тайцзицюань), – Нора сдергивала очки в черной оправе, прятала книжку и с бодрым «добрый вечер!» забирала у них одежду. Едва трапезники отбывали наверх, она снова нацепляла очки, вынимала книжку и продолжала чтение, сторбившись над стойкой.

Я наблюдал из кресла у дальней стены. Решил, что безопаснее подождать здесь, поскольку оказался слегка пьянее, чем думал, – спасибо реактивному водочному топливу Бекмана. Разок Нора с любопытством на меня глянула. Решив, несомненно, что я кого-то жду, улыбнулась и вновь углубилась в книжку.

В полицейском рапорте говорилось, что она работает здесь всего несколько недель. Где-то 5 футов 7 дюймов, тощая, смахивает на вопросительный знак, очень светлые волосы, прическа «ракушка», и локоны обнимают лицо копной люцерны. Коричневая юбка, коричневая блуза ей велики – ресторанная униформа; под тканью на худых Нориных плечах неровно проступали подкладные.

Наконец я встал и подошел. Она закрыла книжку, положила обложкой на стойку, однако разглядеть название я успел. «Гедда Габлер» Генрика Ибсена.

Трагическая пьеса, героиня, по общему мнению, – самый

невротичный женский персонаж во всей западной литературе.

Добыча прямо в руки просится.

– Добрый вечер, сэр, – бодро сказала Нора и сняла очки.

Большие голубые глаза, тонкие черты – лет четырехста назад она была бы девчонкой высшей пробы. Однако у нас тут эпоха рыбьих надутых губок и моментального загара, так что Нора, конечно, хорошенькая, но старомодная – эдакая Твигги рубежа веков. Ярко-розовую помаду она, видимо, накладывала в полутьме и вряд ли вблизи от зеркала.

Но на вид дружелюбная. Разговорить ее, пожалуй, будет нетрудно.

Она схватила серебристую вешалку со штанги и потянулась за моей курткой.

– Я не буду раздеваться, – сказал я. – Вы, наверное, Нора Халлидей?

– Да.

– Очень приятно. Скотт Макгрэт. – Я вынул из бумажника визитку, вручил ей. – Я надеялся, мы сможем поболтать, когда вам удобно.

– О чем поболтать? – Она воззрилась на визитку.

– Об Александре Кордове. Насколько я понял, вы последняя, кто видел ее в живых.

Она вновь перевела взгляд на меня:

– Вы из полиции?

– Нет. Я веду журналистское расследование.

– И что же вы расследуете?

– Раньше – укрывательства, международные наркокартели. Сейчас собираю данные об Александре. Мне интересна ваша точка зрения. Александра вам что-нибудь говорила?

Прикусив губу, Нора отложила мою визитку на дверцу стойки и аккуратно высыпала на ладонь разноцветные желейные конфеты – в пакете их было килограмма четыре. Забросила горсть в рот, пожевала, плотно стиснув губы.

– Можно строго между нами, – прибавил я.

Она ладонью прикрыла рот.

– Вы пили? – осведомилась она.

– Нет.

Тут она, похоже, возмутилась, звучно проглотила свои конфеты.

– Вы у нас сегодня ужинаете, сэр?

– Нет.

– Вы встречаетесь с кем-то в баре?

– Вероятнее всего, нет.

– Тогда я вынуждена попросить вас уйти.

Я вытаращился. Она явно не из Нью-Йорка. У нее прямо-таки на лбу написано «недавняя выпускница Университета Огайо, диплом по театральному искусству». Небось, играла одну из «Розовых леди» в отвратительной постановке «Бриолина»¹⁵, а на вопрос, кто она, отвечает: «Я актриса» –

¹⁵ ...одну из «Розовых леди» в отвратительной постановке «Бриолина» ... – «Бриолин» (*Grease*, 1971) – мюзикл Джима Джейкобса и Уоррена Кейси, исто-

с придыханием, как на собраниях АА объявляют: «Я алкоголик». Такие девушки едут сюда вагонами в надежде, что их откроют, что они встретят Большую Шишку, но чаще всего оказываются в барах Мёрри-Хилла, в черных платьях из «Банановой республики» и с мозольными пластырями на пятках. Напор типа «Я покорю Манхэттен» вскоре сходит на нет, и они покоряются. Сколько-нибудь продолжительная жизнь в этом городе требует мазохизма, моральной гибкости, носорожьей кожи и сопротивляемости чокнутого чертика из табакерки – а все вышеперечисленное даже в первом приближении непостижимо для этих якобы самоуверенных девиц двадцати с малюсеньким хвостиком лет. Еще годков пять – и она ринется домой к родителям, к парню по имени Уэйн, будет преподавать ритмику в своей бывшей школе.

– Если не уйдете, я позову менеджера. Карл с радостью выслушает любые жалобы или пожелания.

Я глубоко вздохнул.

– Мисс Халлидей, – промолвил я, делая шагжок к ней; стало видно, где ее розовая помада съехала с верхней губы. – Молодая женщина найдена мертвой. Вы – последняя, кто видел ее в живых. Это известно семье Кордовы. Это известно

рия о любви старшеклассников, преодолевающей классовые и прочие препоны в США конца 1950-х; «Розовые леди» – стайка подруг «гризеров», девичья фракция группы школьных бунтарей. Мюзикл был экранизирован Рэндалом Клайзером в 1978 г. (с Джоном Траволтой и Оливией Ньютон-Джон в главных ролях) и по сей день остается популярным материалом для театральных, в том числе и школьных, постановок.

куче народу. Нью-йоркская полиция ваше имя в тайне не сохранила. Люди хотят знать, что вы сделали, что вы сказали ей такого, отчего она спустя несколько часов погибла. Я не тороплюсь с выводами. Я просто хочу выслушать вашу версию.

Она посмотрела на меня, сняла со стены в глубине гардероба телефонную трубку и набрала три цифры.

– Это Нора. Вы не могли бы спуститься? Тут какой-то человек, и он... – Она откровенно смерила меня взглядом. – Ему за пятьдесят.

Я надеялся на иную реакцию. И поспешно покинул вестибюль. Снаружи под навесом обернулся. Маленькая мисс Мерил Стрип снова нацепила очки и наблюдала за мной, склонившись над гардеробной дверцей.

По лестнице сбежал мужчина в синем костюме – надо думать, Карл спешит на помощь, – а потому я направился назад к Парк-авеню.

Дела не задались. Я заржавел.

Я глянул на часы. Девятый час вечера, холодно, ночное небо исполосовали облака, что белели и рассеивались, как дыхание на стекле.

Я, конечно, не то чтобы *в ударе*, но домой не пойду.

Еще не пора.

9

Спустя пятнадцать минут я в такси колесил по Чайна-

тауну, меж убогих пятиэтажек и ресторанов, грязных вывесок «МАССАЖ СТОП СПИНЫ», а также «НАРОДНАЯ АПТЕКА» и навесов, отяжелевших от китайского пополам с английским. Мимо витрин, заплесканных смертоносной подсветкой – малиновый сироп от кашля, зеленый абсент, желтушная желтизна, и все это, перемешиваясь, протекает на кривые улочки, – торопились мужчины в темных пиджаках. Вроде бы процветающий, однако пустующий район – как будто здесь только что объявили карантин.

Мы миновали кирпичную церковь – «ЦЕРКОВЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ», сообщила вывеска.

– Вот прямо здесь, – сказал я таксисту.

Уплатил, выбрался наружу, задрал голову. Семиэтажная заброшенная развалюха – облупленная белая краска, строительные леса, все окна заколочены. Пакгауз, где нашли тело Александры Кордовы. У центрального входа – горы цветов и самодельных открыток.

Букеты роз, гвоздик и лилий, свечи, картинки с Девой Марией. «Покойся с миром, Сандра. Господь с тобой. ТВОЯ МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ. Ты теперь в раю». Меня всегда удивляло, с каким жаром публика оплакивает прекрасных незнакомцев – особенно из знаменитых семей. В эту пустую изложницу они заливают свои сожаления и горе, избавляются от них и несколько дней, помня о своей удаче, летают как на крыльях, утешаясь мыслью «зато не я».

Я аккуратно отодвинул цветы и подошел к стальной

двери. Два висячих замка, таблички «ОСТОРОЖНО» и «ОПАСНО». Лента «ПОЛИЦЕЙСКОЕ ОГРАЖДЕНИЕ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» нетронута.

Позади меня, тарахтя глушителем, проехал бордовый седан – темный силуэт скорчился над рулем. Я попятился в тень лесов; седан добрался до конца Мотт, свернул влево, и на улице вновь воцарилась тишина.

И однако я безошибочно чувал, что здесь есть кто-то еще – или только что был.

Я застегнул молнию на куртке и, оглядев тротуар – пустынный, если не считать мальчишки-азиата, нырнувшего в магазин «Китайский базар», – направился к перекрестку Мотт и Уорт. Там свернул направо, миновал красный навес, помеченный «КОСМЕТИЧЕСКАЯ СТОМАТОЛОГИЯ», и просевшую сетку-рабицу, обнимавшую темный пустырь. Добравшись до следующего здания, запущенной малоэтажки, а затем и до следующего, дома 197 по Уорт, я понял, что промахнулся.

Вернулся, разглядел, что возле стоматологии в сетке дыра. Приблизился, присел на корточки. На забор привязали черную тряпочку – явно пометили вход. Узкая тропинка петляла через пустырь, убегая вдаль, к заброшенному зданию.

Видимо, здесь. «Висячие сады», сказала Фальконе, – известный сквот и место проживания крэк-кокаинистов, как утверждалось в сообщении о несчастном случае из дела Александры. Полиция заключила, что Александра во-

шла отсюда, через дом 203 по Уорт, поднялась по лестнице на крышу и через световой люк проникла в соседний дом 9 по Мотт-стрит. Полицейский обход окрестностей не выявил ни свидетелей, ни личных вещей Александры, но это ничего не значит. Детективы оборачиваются отъявленными лентяями, если сразу же решают, что речь идет о самоубийстве, – и зачастую упускают ключевые детали, из которых складывается совсем иная история.

Вот зачем сюда пришел я.

Я нырнул в дыру и зашагал по тропинке; в ноздри билась тошнотворная мусорная вонь, в траве разбегались невидимые зверьки. Наверняка там шныряет живой талисман Нью-Йорка – крыса размером с кошку. Когда глаза привыкли к темноте, я различил крошащийся кирпичный фасад и дверь слева. Шагнул к ней, споткнувшись о ветхий велосипед и какие-то пластиковые бутылки, и дернул за ручку.

Нутро большого пакгауза освещал тусклый свет неизвестно откуда; стены покрыты граффити, не поддающимися расшифровке. Все прогнило, везде отбросы: газеты и банки, гипсокартон и изоляция, фуфайки и коробки, кастрюли и сковороды. Сквоттеры явно жили здесь, но, похоже, разбежались – вероятно, от недавнего нашествия полиции. Я вошел, и тяжелая дверь со скрипом затворилась сама по себе.

Убийственная водка Бекмана уже выветрилась, и теперь я сознавал, сколь немудро было явиться сюда, не прихватив и перочинного ножика, который я брал на пробежки в Цен-

тральном парке. Даже фонарик взять не сообразил. Я глубоко вздохнул (игнорируя голос в голове, напоминавший: «Мы ведь поняли уже, что ты не в ударе?») и направился вглубь искать лестницу.

Лестница проржавела. Я подергал перила, попытался отодрать их от стены, но болты держались на удивление крепко.

Я зашагал вверх, и металлическое эхо шагов драло мне уши. То и дело я останавливался и озирался, проверял, нет ли здесь еще кого, кое-что фотографировал на «блэкбери». С каждым шагом дряхлый дом ворчал и кашлял, негодуя на пришельца, что карабкался по его проржавевшему хребту. Здесь поднималась Александра. Если она хотела покончить с собой – а что бы ни говорила Фальконе, это отнюдь не бесспорно, – зачем она пришла в этот заброшенный дом?

С шестого этажа я по самому крутому маршу взобрался на тесный чердак, где на полу валялся изгвазданный футон. Там, где косой потолок упирался в стену, обнаружился квадратный люк. Я налег плечом, дверь, ахнув, распахнулась, и я выбрался наружу.

Пустынная крыша, в дальнем углу покалеченный диван. Вид орнаментировала небоскрежная щетина Нижнего Манхэттена: колоды дешевых многоэтажек, жирные валуны муниципальных зданий, чертополоховые бутоны водокачек, и все это сражалось за свой кусок ночного неба.

К дому примыкала задняя стена номера 9 по Мотт-стрит – разделял их какой-то фут, однако щель прорезала темноту

до самой улицы. Я залез на низкий парапет и, совершенно напрасно *посмотрев вниз* – если упаду, помру, застряв укропом меж кирпичных зубов, – перепрыгнул на соседнюю крышу.

Я обогнул массивную водонапорную башню – а вот и световой люк. Прямоугольная пирамида, почти все стекла высажены. Я подошел, присел на корточки, заглянул в пробитый переплет.

Футах в двенадцати под люком темнел пол. Если чуть левее, можно заглянуть прямо в шахту грузового лифта, видно на семь этажей вниз, на дне бетон залит ярким светом. Точно смотришь в чью-то глотку – в переход меж двумя измерениями. Она пролетела с сотню футов. Даже с крыши я различал на бетонном полу ржавые пятна. Кровь Александры.

Она якобы пролезла через этот люк, сняла ботинки и носки, подошла к краю. Надо думать, все произошло стремительно – ветер в ушах, темные волосы возмущенно хлещут по лицу, – а дальше ничто.

Фальконе абсолютно права. Помятый металлический переплет люка узок – трудно было бы запихнуть туда Александру против ее воли. Трудно – да. Невозможно – нет.

Я встал, осмотрел крышу. Улик не обнаружил – ни окурков, ни обрывков, никакого мусора. Я уже собрался уходить, направился было к «Висячим садам», но далеко внизу, на дне шахты что-то вдруг шевельнулось.

Тень скользнула по полу.

Я подождал, глядя в эту освещенную пустоту, – может, померещилось?

Но затем в шахте вновь медленно проступил силуэт.

Кто-то замер у входа, отбрасывая тень на бетон. Постоял – и шагнул внутрь.

Я разглядел русые волосы, серое пальто. Наверняка детектив, вернулся осмотреть место преступления. Он нагнулся – надо думать, рассматривал пятна крови. Затем, к моему удивлению, сел в углу, локтями упершись в колени.

И некоторое время не шевелился.

Вглядываясь, я подался ближе к люку и задел осколок стекла – он упал и разбился на площадке прямо подо мной.

Человек в шахте вздрогнул, задрал голову и метнулся прочь.

Я вскочил и помчался через крышу.

Никакой это не детектив. Ни один знакомый мне детектив – за исключением Шерон Фальконе – так носиться не умеет.

10

Я бегом свернул назад к номеру 9 по Мотт-стрит, уверенный, что вход теперь открыт.

Но полицейская лента осталась в неприкосновенности, а на двери по-прежнему висели замки.

Как он забрался внутрь? И кто он вообще такой? Кордо-

вит? Зевака, ненасытный до чужой гибели? Я проверил окна – все как одно заколочены. Оставался только узкий проход, заваленный горами мусора. Я слегка распахнул этот мусор, стараясь не вдыхать. Ну точно – в самой глубине на стену лился свет из открытого окна.

Неизвестный отодрал старые доски фомкой – вот она, валяется на земле; в окне дыра – только-только пролезть.

Я заглянул внутрь.

Ярко освещенная стройка – на бетонном потолке болтаются голые неоновые лампочки, у входа грудой свалены пластмассовые канистры и брезент. По всему пространству – ряды каркасных стоек. Справа в глубине вход в шахту опоясывала желтая полицейская лента.

Никого не видеть.

– Эй? – окликнул я.

Тишина. Только комары зудят вокруг лампочек. Я подхватил фомку – на всякий пожарный, – протиснулся внутрь и грохнулся на гору цементных мешков.

Вокруг раскинулась огромная пустота. Вдоль задней стены – только металлические балки, бочки для цемента, кусок полиэтилена, а под ним *ничто*.

Я опасливо приблизился и сдернул полиэтилен.

Под ним стояла тачка.

– Есть тут кто? – крикнул я, озираясь.

Ни звука, ни шевеления.

Видимо, испугался мужик.

Я шагнул к полицейской ленте, собрался было поднырнуть под нее, и тут чья-то рука вцепилась мне в плечо, а что-то тяжелое заехало в висок. Я развернулся, но меня толкнули на пол, а фомку я уронил.

В глазах побелело, я почти ослеп, но все же разглядел человека, который смотрел на меня сверху вниз. И вдавил ногу мне в грудь.

– А ты, сука, еще кто? – заорал он.

Голос молодой, язык заплетается от ярости. Снова нагнувшись, он, кажется, вознамерился сдавить мне горло, но я вывернулся, толкнул его, схватил фомку и засандалил ему по плечу.

Мохаммед Али вряд ли бы мною гордился, однако приемчик помог. Незнакомец пошарил в поисках опоры, промахнулся и грохнулся навзничь.

Я подковылял к нему. Был он, оказывается, так пьян, что не мог встать. Воняет алкоголем и сигаретами и попросту *никто* – лет двадцати пяти, припанкованный, косматый, грязные белые «конверсы», выцветшая зеленая футболка с надписью «ВСЕ ПОЗАДИ». Глаза водянистые, красные, и сфокусироваться на мне им никак не удавалось.

– Моя очередь, – сказал я. – А ты, сука, кто?

Он закрыл глаза и, кажется, отрубился.

Хотелось без лишних проволочек его придушить. На виске я нащупал кровь. Парень не полицейский – выходит, либо случайный бродяга, либо кордовит. Или знакомец Алексан-

дры.

Я выволок из-под него серое твидовое пальто и обыскал карманы. Нашлась пачка «Мальборо» – осталось три сигареты, – зажигалка, ключи от дома. Все это я сложил назад. Из другого кармана вытащил айфон – экран треснул, включение запаролено, фоном – полуголая блондинка.

Во внутреннем кармане пусто. Но я нащупал что-то еще и обнаружил потайной карман, вшитый в драную подкладку.

Оттуда я извлек два «зиплока». В обоих таблетки – набор желтых, набор зеленых, на них буквочки и циферки: «ОК 40» и «ОК 80». Оксикодон.

Значит, у нас тут барыга – и мелочь пузатая, судя по тому, что дрыхнет во время личного досмотра. Я вернул таблетки в потайной карман и встал.

– Эй, Лицо со Шрамом? Слышишь меня?

Нет ответа.

– Руки вверх. Это ФБР!

Ноль эмоций.

Как можно нежнее – непонятно, зачем старался, он бы и апокалипсис прокемарил – я перекатил его на бок и из заднего кармана вытащил бумажник. Ни водительских прав, ни кредитных карт – только наличные, семьсот сорок баксов, в основном двадцатками.

Бумажник с деньгами я вернул, но вот айфон сунул к себе в карман. Затем обошел этого соню и осмотрел шахту лифта. Там не было ничего, только темные лужи засохшей кро-

ви – несколько щупалец просочились в бетонные трещины.

Я сделал пару снимков, вернулся к пацану, проверил, как он там дышит. Похоже, просто перепил – больше ничем не передознулся. Я подпихнул его, чтоб устойчивее лежал на боку и не задохнулся, если стошнит, через окно выбрался наружу и перебежал по проходу на Мотт-стрит.

Надо полагать, до завтра, когда он обнаружит, что лишился телефона, я ничего нового о нем не узнаю. Однако и в такси, и спустя несколько часов, когда я уже принял душ и проглотил два тайленола (с учетом зверской боли, последствия Бекмановой водки и удара в висок, пожалуй, надо было оксикодона сожрать), айфон пацана бомбардировали сообщениями.

Ты где?

Это от Хлои. Через шесть минут опять:

2 ч. тебя жду чё такое?

Затем появилась Райнкинг (*эту* я невольно вообразил: нордическая, ноги как пешни):

Джон ушел приходи

Через две минуты:

Хочу тебя

Через двенадцать минут:

Вся горю иди скорей. Ты уже внизу?

Потом она, кажется, прислала *секст*, но открыть картинку мне не удалось. Затем:

Что? Ничего??

На хер пошел.

После этого прилетело сообщение от Арден:

В городе? Приходи к джимми.

А в промежутках одиннадцать раз звонила весьма настырная девица по имени Джессика. Ее я предоставил голосовой почте.

Потом опять Арден:

Хоппер ты блин где?

Видимо, так его зовут. Хоппер.

Мелкий барыга в линялом пальто сидит в углу шахты грузового лифта – кто бы он ни был, ему наверняка найдется что поведать мне про Александру.

11

– Алло? – ответил я. Где-то в трубке звякали тарелки.

– Эй. Вы нашли мой телефон.

– Это правда. – Я отхлебнул кофе.

– Круто! Где?

– На заднем сиденье такси. Я в Вест-Виллидж. Заезжайте забирайте?

Через двадцать минут позвонили в дверь. Я раздернул шторы в гостиной – из окна прекрасный вид на парадное крыльцо. А вот и Хоппер: в том же пальто, в тех же потертых джинсах и «конверсах». Нахохлившись на ветру, он курил

сигарету.

Открыв ему дверь, в суровом свете дня я разглядел, что, хотя волосы у него сальные, а глаза запали с перепоя, перетраха и невесть чего еще, пацан симпатичный. Непонятно, как мне удалось не заметить сразу. Это было очевидно, как серебристый элеватор, пронзивший небеса на кукурузном горизонте. Пять футов десять дюймов или около того, чуть ниже меня, тощий, с захудалой бородашкой и резкими прекрасными чертами байронического актера пятидесятых, из тех, что плачут, напиваясь, и умирают молодыми.

– Эй, – улыбнулся он. – Я за телефоном.

Ясно, что он вообще не помнил, как провел вечер накануне; рассматривал меня, будто никогда в жизни не видел.

– Я понял.

Я попятился, пропуская его; смерив меня взглядом и, надо думать, решив, что с ножом я не наброшусь, он сунул руки в карманы пальто и вошел. Я закрыл дверь, направился в гостиную, ткнул пальцем в телефон на кофейном столике.

– Спасибо, мужик.

– Не стоит. Итак. Что ты делал в пакгаузе?

Он вздрогнул.

– В Чайнатауне. Ты же Хоппер, да?

Он открыл было рот, но смолчал и стрельнул глазами на дверь у меня за плечом.

– Я журналист, расследую смерть Александры Кордовы. – Я указал на книжный шкаф. – Вон прошлые мои работы,

если интересно.

С сомнением во взоре он приблизился к шкафу, выудил «Кокаиновые карнавалы» и зачитал:

– «Увлекательное, мастерское расследование многомиллиардного наркобизнеса и миллионов жизней, пожранных и искалеченных его смертоносной машинерией». – Покосился на меня. – Эпичненько.

В голосе сарказм.

– Стараюсь.

– А теперь будешь писать про Александру.

– Зависит от того, что выясню. Что ты знаешь?

– Ничего.

– Как ты с ней связан?

– Никак не связан.

– А зачем влез в пакгауз, где она умерла?

Он не ответил, молча поставил книгу на полку. Перебрав еще несколько книжек, обернулся, снова сунул руки в карманы.

– И на какой журнал ты работаешь? – спросил он.

– На себя. Все, что ты скажешь, может остаться между нами.

– Как адвокатское неразглашение?

– Один в один.

Он скептически усмехнулся, но затем лицо его вытянулось. Я не впервые видел такую гримасу. Ему до смерти хотелось поговорить, но он размышлял, можно ли мне доверять.

– Часок свободный найдется? – тихо спросил он, потирая нос.

12

Следом за Хоппером я поднялся по лестнице в квартиру № 3Б грязной малоэтажки на Ладлоу-стрит. Бросив серое пальто на шезлонг, Хоппер удалился в заднюю спальню – где, похоже, не было *ничего*, только матрас на полу, – а меня оставил у двери.

Крошечную квартирку пропитал затхлый кумар ночлежки.

Продавленный зеленый диван у дальней стены покрывало синее ватное одеяло – кто-то там недавно рухнул и, быть может, буквально. В блюде на кофейном столике – извержение окурков; рядом папиросные бумажки, пачка табака «Золотая Вирджиния», открытый пакет шоколадного печенья «Чипсы эгей!», помятый журнал «Интервью»¹⁶ с какой-то истощенной старлеткой на обложке. Вчерашняя футболка «ВСЕ ПО-ЗАДИ» валялась на полу вместе с белой фуфайкой и еще какими-то шмотками. (Словно стараясь избежать этой свалки, за спинку второго шезлонга из последних сил цеплялась пара черных женских колготок.) Стену поцеловали девичьи

¹⁶ «Интервью» (*Interview*, с 1969) – журнал, основанный американским поп-художником Энди Уорхолом и британским журналистом Джоном Уилкоком, публикует яркие интервью крупных фигур современной культуры.

губы в черной же губной помаде. Акустическая гитара при-
тулилась в углу возле старого туристского рюкзака – поблек-
ший красный нейлон покрыт каракулями.

Я подошел и прочел: «Если потерян, верните вместе с со-
держимым Хопперу К. Коулу, 57555, Южная Дакота, Мис-
сия, Тодд-стрит, 90».

Хоппер Коул из Южной Дакоты. Далеко от дома забрался
пацан.

Выше, рядом с лос-анджелесским телефоном некой
Джейд и от руки нарисованным глазом Гора, было написа-
но: «Но ливень вот-вот, и с ним боль придет, и мне от них
не спастись. Я порой устаю, но знаю, что мне остается одно.
Идти дальше».

Поклонник «Лед Зеппелин», значит.¹⁷

Хоппер вернулся из спальни с коричневым конвертом.
Опасливо протянул его мне.

Адресовано ХОППЕРУ КОУЛУ, ЛАДЛОУ-СТРИТ, 165,
3Б – нацарапано сплошь заглавными, черным маркером.
Простемпелевали и отправили из Нью-Йорка, штат Нью-
Йорк, 10 октября текущего года. В этот день гардеробщица
«Времен года» последней видела Александру Кордову. В об-
ратном адресе имя не значится – только «МОТТ-СТРИТ, 9»,

¹⁷ «Но ливень вот-вот, и с ним боль придет, и мне от них не спастись.
Я порой устаю, но знаю, что мне остается одно. Идти дальше». Поклонник
«Лед Зеппелин», значит. – Цитируется песня Джимми Пейджа и Роберта Планта
«Идти дальше» («Ramble On») со второго альбома английской рок-группы *Led
Zeppelin* – «Led Zeppelin II» (1969).

адрес пакгауза, где нашли тело.

Я удивленно посмотрел на Хоппера, но тот ничего не сказал, лишь пристально разглядывал меня, словно это проверка и я должен ее пройти.

Я вытащил то, что лежало в конверте. Плюшевая обезьяна, старая, свалявшийся бурый мех, из глаз повылезали нитки, лишь половина красного фетрового рта, шея обмякшая, – наверное, некое дитя ее душило. Обезьяна вся была в засохшей красной грязи.

– Это что? – спросил я.

– Раньше не видел? – спросил он.

– Нет. Это чье?

– Без понятия. – Он отошел, отбросил синее одеяло и сел на диван.

– А кто прислал?

– Она.

– Александра.

Он кивнул, подался вперед, сцапал упаковку папиросных бумажек, вытащил одну.

– Зачем? – спросил я.

– Пошутила неудачно.

– То есть вы все-таки дружили.

– Да не то чтобы, – сказал он, потянулся через стол и нашарил «Мальборо» в кармане серого пальто. – Не дружили. Скорее были знакомы. И даже это перебор.

– Где вы познакомились?

Он откинулся на спинку дивана, выбил себе сигарету из пачки.

– В лагере.

– В лагере?

– Ага.

– В каком еще лагере?

– В лагере терапии дикой природой «Шесть серебряных озер» в Юте. – Он глянул на меня, смахнул челку с глаз, принялся потрошить сигарету, отодрал фильтр. – Наверняка же слышал об этом первокласснейшем заведении?

– Нет.

– Многое пропустил. Если есть дети, очень рекомендую. Особенно если хочешь вырастить из ребенка великого американского маньяка.

Я даже не пытался скрыть удивления:

– И ты познакомился с Александрой там?

Он кивнул.

– Когда?

– Мне было семнадцать. А ей типа шестнадцать. Лето две тысячи третьего.

То есть Хопперу и впрямь двадцать пять.

– Подростковая терапевтическая байда и надувалово, – продолжал он, рассыпая по бумажке «Золотую Вирджинию». – Обещают помочь вашему беспокойному подростку – на звезды будет глазеть, спиричуэлы у костра распевать. На самом деле стая бородатых дебилов командует психану-

тыми малолетками – и я таких психанутых в жизни не видал. Булимички, нимфоманки, кто-то тырит пластиковые ножики с обеда и вены себе пилит. Что там творилось – не поверишь. – Он потряс головой. – Большинству родители так прокомпостировали мозги, что там тремя месяцами «дикой природы» не обойдешься. Их только реинкарнация спасет. Помереть и вернуться кузнечиком или хоть сорняком. Что угодно лучше, чем эта мука, которая им досталась просто за то, что родились.

Говорил он со злым вызовом – не о товарищах по несчастью, надо думать, а о себе. Я обогнул белую фуфайку на полу, подошел к шезлонгу, по которому отчаянно вползали колготки, и сел.

– Хрен его знает, где они нашли этих вожатых, – сказал Хоппер, всунув фильтр в самокрутку, и наклонился лизнуть бумажку. – Небось, в одиночках Рикерс-Айленда. Там был один такой жирный азиатский пацанчик, Орlando. Так они его натурально пытали. Он был из этих, рьяных баптистов, вечно у него Иисус то, Иисус се. Они его голодом морили. Парень за всю жизнь десяти минут не провел без «Твинки» во рту. Не поспевал за остальными, заработал солнечный удар. А они все равно велели ему искать силу в душе, просить Господа о помощи. А Господь занят был. Помочь ничем не смог. Какой-то «Повелитель мух» на стероидах. У меня до сих пор кошмары.

– А ты как там оказался? – спросил я.

Он раскинулся на диване, усмехнулся. Сунул самокрутку в угол рта, поджег. Вдохнул, поморщился, выдул длинную дымовую струю.

– Дядька мой, – пояснил он, вытянув ноги. – Я мотался с маманей по Южной Америке, она тогда на одной миссионерской секте крышей поехала. Я слинял. Дядька живет в Нью-Мексико. Нанял какого-то бугая, чтоб меня нашли. Я вписывался у друга в Атланте. Как-то утром сижу хлопья ем. Подкатывает такой бурый фургон. Если б Смерть на тачке разъезжала, она бы вот эту себе купила. Окон нет, только два маленьких в задней двери, и вот сразу видно, что там какого-то невинного ребенка похитили и типа обезглавили. Раз-два – и я уже в фургоне с медбратом. – Он тряхнул головой. – Если *этот* чувак – медбрат с дипломом, я тогда, сука, в конгрессе заседаю.

Он помолчал, затягиваясь.

– Отвезли меня на базу в Спрингдейле. Национальный парк «Сион». Две недели тренируешься с другими такими же чеканутыми, индейские ловцы снов плетешь, слюной сортиры оттираешь – жизненно важные, знаешь ли, навыки. Потом отряд идет на десять недель в поход по глуши, с остановками на шести озерах. С каждым озером ты типа все ближе к Господу и самоуважению, но это херня, на самом деле ты все ближе к психопатии, потому что мозг тебе компостируют мощно.

– И Александра тоже ходила в поход, – сказал я.

Он кивнул.

– А она почему там оказалась?

– Без понятия. Большая была загадка. Явилась, когда уже в поход отправлялись. Вечером накануне вожатые сказали, мол, так и так, к нам еще кое-кто присоединится. Все озверели, потому что этот кое-кто, значит, отвертелся от курса молодого бойца, а по сравнению с этим «Цельнометаллическая оболочка» – просто «Улица Сезам». – Он помолчал, покачал головой, а потом, глядя на меня, скупно улыбнулся. – Но мы как увидели ее – все, вопросов больше не было.

– Почему?

Он перевел взгляд на стол:

– Она была потрясная.

Кажется, хотел продолжить, но смолчал, подался вперед, стряхнул пепел.

– Кто ее привез? – спросил я.

Он поднял голову:

– Не знаю. Утро, завтрак, она сидит за столом. Одна, за деревянным столом, в углу, кукурузный хлеб жует. Упаковалась, оделась, бандану красную нацепила. Мы-то все были раздолбаи. Кругами бегали, как куры безголовые, – такие вот сборы. Потом пошли наконец.

– И ты с ней познакомился, – подсказал я.

Он потряс головой, постучал сигаретой о блюдце.

– Не-а. Она отдельно держалась. Все, само собой, знали, кто у нее папаша и что она – та малявка из «Дышать с ко-

ролями», и все ее осаждали. А она в ответ обдавала холодом, только «да» и «нет», ни слова больше. – Он пожал плечами. – Не то чтобы дулась. Просто ей не катило дружить. Скоро все на нее окрысились, особенно девчонки, потому что вожатые ее не дергали, все спускали с рук. Каждый вечер полагалось у костра заливаться про все говно, из-за которого мы там оказались. Кражи. Попытки самоубийства. Вещества. У некоторых полицейские досье подлиннее «Войны и мира». А Сандра не говорила ничего. Ее всегда пропускали, без объяснений. Одна была улика – эластичный бинт на запястье, она с ним приехала. Через пару недель в походе сняла, а под бинтом тяжелый ожог. Откуда взялся, не говорила.

Надо же. Этот самый ожог, вместе с татуировкой на ступне, упоминался в сообщении о пропаже без вести – единственные ее особые приметы.

– На второй день в походе мы поспорили, – продолжал Хоппер. – Кто первый проговорит с Сандрой дольше пятнадцати минут, получит две дозы экстази, которые один лос-анджелесский чувак, Джошуа, прятал в наконечниках на шнурках треккинггов. – Он запрокинул голову, выдохнул дым к потолку. – Я решил обождать, настропалиться, а эти пускай там пока сами со своим джихадом. Ну они и давай. Сандра обломала всех. Одного за другим.

– А тебя нет, – сказал я.

Легко вообразить: два подростка, красавцы, нашли друг

друга посреди дикой природы юности, расцвели в пустыне двумя орхидеями.

– Вообще-то, как раз наоборот, – сказал он. – Меня она обломала тоже.

Я вытаращился:

– Гонишь.

Он покачал головой:

– Я сделал ход где-то через неделю после того, как всем крылышки пообрывало. Сандра всегда шла последней, ну и я тоже. Спросил, откуда она. Сказала, что из Нью-Йорка. А потом отвечала односложно и один раз кивнула. Ну и я в ауте.

Он затушил сигарету на кофейном столике и бросил к остальным бычкам, сдвинулся поглубже на диване.

– Александра ничего никому не говорила *десять недель?* – спросил я.

– Да нет, она говорила. Обглоданный такой костяк разговора. Все рано или поздно ломались, у всех случались пятнадцать минут побега из Шоушенка, все выли в небеса. Поход, вожатые эти, вуайеристы хреновы – всякое прошлое говно из тебя по-любому вытекало. Ломались все. Где-то правду говорили, где-то – только чтоб отстали. Все по очереди претендовали на «Оскара» – рыдали про родителей, про то, как просто хотят быть любимы. Кроме Сандры. Никогда не плакала, никогда не жаловалась. Ни разу.

– А о родных упоминала?

– Нет.

– А об отце?

– Ничего. Прямо сфинкс какой-то. Мы ее так и звали.

– И что – всё? – спросил я.

Он потряс головой, откашлялся.

– Три недели в походе. Орландо, жирный азиат, дошел до ручки. На солнце обгорел так, что вся рожа в волдырях, а вожатые ему только пузырек с каламином сунули. Засохшая розовая корка по всему лицу, рыдает не умолкая, как прокаженный какой. Ну и ночью Джошуа сует ему таблетку Е, в подарок типа. Взбодрить слегка. Орландо, видимо, закинулся с утра, когда мы дальше пошли, потому что в девять он внезапно офонарел – давай с обнимашками лезть, рассказывать всем, какие они красивые, а у самого шары на полвосьмого, и брыкается, как Джон Траволта на конкурсе твиста. Один раз мы его потеряли, пришлось возвращаться – а он носится по полянке и в небеса лыбится. Ястребиное Перо, старший вожатый, прямо озверел.

– Ястребиное Перо? – переспросил я.

Хоппер ухмыльнулся:

– Вожатые велели, чтоб мы друг друга звали по-индейски, хотя почти все там были белые и в контакте с природой примерно как бигмак. Ястребиное Перо – а он такой сильно завернутый христианский мудака – хватает Орландо за шкуру, отводит в сторону, спрашивает, что Орландо сожрал и где взял. А Орландо так заторчал, что хохочет себе и твердит без остановки: «Это просто немножко тайленола. Это просто

тайленол».

Я невольно рассмеялся. Хоппер тоже улыбнулся, но веселье его мигом испарилось.

– Вечером все сильно пересрали, – продолжал он, смахнув челку с глаз. – Даже думать не хотелось, что Ястребиное Перо учинит Орландо и всем нам, лишь бы узнать, кто прихлопнет Е. И он такой объявляет: если ему никто не стукнет, откуда экстази, мы пожалеем, что на свет родились. Все перетрусил. Никто ни слова не сказал. Но я понимал, что рано или поздно это случится: кто-нибудь Джошуа сдаст. И вдруг тихий голос произносит: «Это я». Мы все оборачиваемся и глазам не верим.

Он замолчал, по-прежнему во власти давнего изумления.

– Александра, – сказал я, поскольку пауза затянулась.

Он серьезно глянул на меня:

– Ага. Сначала Ястребиное Перо тоже не поверил. С нее же пылинки сдували. Но потом она предъявила вторую таблетку, которую как-то умудрилась спереть у Джошуа из ботинка. Сказала, что примет любое наказание, какое Ястребиное Перо сочтет нужным. – Хоппер покачал головой. – Тот с катушек слетел. Схватил ее, уволок из лагеря. Отвел куда-то в глушь неизвестно где и велел ночевать там – в одном спальнике, в полном одиночестве. И утром не разрешил возвращаться в лагерь, пока сам за ней не придет.

– И никто его не осадил? – спросил я. – А другие вожатые?

Он пожал плечами:

– Боялись его. Мы же вдали от цивилизации. Как будто никаких законов не осталось.

Он взял пачку «Мальборо» со стола, выбил себе еще сигарету.

– Плюс Сандре полагалось ставить все палатки и собирать хворост. Нам запретили ей помогать. Если она притормаживала, Ястребиное Перо орал. А она только молча на него смотрела – лицо такое, как будто ее вообще не колышет, как будто она в сто раз сильнее его, и от этого он только больше бесился. В конце концов сдался. Кто-то из вожатых ему сказал, что, мол, он перегибает палку. Семь ночей она спала в одиночестве, потом ее пустили назад в лагерь.

Он улыбнулся – глаза непроницаемые. Тряхнул головой, закурил, выдохнул.

– Как только ее пустили назад, мы все просыпаемся в три часа ночи, потому что Ястребиное Перо так визжит, будто его ножом пырнули. Выбегает из палатки в одних трусах, жирный мудака, лепечет как маленький, кричит, что у него в спальнике гремучая змея. Все сначала решили, что это шутка такая, что ему кошмар приснился. Но одна тетка-вожатая, Четыре Вороны, заходит в палатку, вытаскивает спальник, расстегивает и трясет. А оттуда в натуре выпадает пятифутовая гремучка и чешет через весь лагерь в темноту. Ястребиное Перо белый как простыня, вот-вот обоссется. Поворачивается и глядит прямо на Сандру. А она на него. Он ни единого слова не сказал, но вот зуб даю – он считал,

это она змею подложила. Да мы все так считали.

Он помолчал, рассеянно глядя в никуда.

– После этого он от нас отстал. А Орlando... – Он сглотнул. – Орlando выжил. Солнечный ожог сошел. Орlando перестал плакать. Стал таким героем. – Он шмыгнул носом. – Когда наконец добрались до базы, нам всем полагалось одну ночь провести вместе – держаться за ручки и восторгаться нашими подвигами, хотя, вообще-то, лучше бы поблагодарить бога, что не сдохли. Потому что в этом как бы дело – всю дорогу смерть не исключалась. Как будто караулила за скалами. А Сандра все предотвратила.

Я не видел его лица – он смотрел в пол, завесившись волосами.

– Где-то за час до ужина, – продолжил он, – я выглянул из окна коттеджа, а она забирается в черный внедорожник. Рано уезжала. Я расстроился. Хотел пойти поговорить. Но опоздал. Шофер кинул ее вещи на заднее сиденье, и они укатили. И больше я ее не видел.

Он поднял голову, поглядел на меня с вызовом, но ничего не прибавил.

– И она с тобой не связывалась?

Он потряс головой и сигаретой указал на конверт в моей руке:

– До этого – нет.

– А почему ты думаешь, что это она послала?

– Почерк ее. И обратный адрес – это где... – Он дернул

плечом. – Я решил, она мне мозг компостирует. Влез туда вчера – думал, там послание какое или знак. Ничего не нашел.

Я помахал обезьяной:

– А это что значит?

– Впервые вижу. Я же сказал. – Он затушил сигарету.

– И никаких соображений, почему она это прислала?

Он испепелил меня взглядом:

– Я типа надеялся, что соображения есть у тебя. Ты же тут журналист.

Плюшевую игрушку облепила красная грязь – на западе ее полно, в Юте уж точно; возможно, игрушка принадлежала кому-то из ребят в лагере – не исключено, что самому Хопперу. Впрочем, этот в утешение скорее будет таскать с собой потрепанный томик «На дороге».

Однако это полезно – это окно в натуру Александры. Ненадолго она проступила отчетливо, обернулась яростным ангелом возмездия, личностью, которая вполне могла играть музыку так, как Александра ее играла. Непонятно, зачем в день смерти она отправила Хопперу обезьяну – если, конечно, обезьяну отправила она.

Хоппер, похоже, впал в раздражение, развалился на диване, скрестив руки, и поблекшая белая футболка – с надписью «ЗНАМЕНИТОЕ МОРОЖЕНОЕ ГИФФОРДА» – вся вокруг него перекрутилась. Он напоминал мне одного малолетнего автостопщика в Эль-Пасо – на заре мы вдвоем сидели

за стойкой в пустующей забегаловке. Разговорились, обменялись историями, он попрощался, уехал на цистерне «Бритиш Петролеум». Я встал, собрался расплатиться и обнаружил, что он слямзил мой бумажник. Никогда не доверяй харизматичным бродягам.

– Может, в ней что-нибудь есть, – сказал я, перевернув обезьяну. Перочинным ножиком взрезал ей спину. Вытащил набивку, пожелтевшую и заскорузлую, пощупал внутри. Ничего.

И тут заметил, что у меня гудит телефон: код 407.

– Алло?

– Можно, пожалуйста, поговорить с мистером Скоттом Макгрэтом?

Женский голос, четкий и мелодичный.

– Это я.

– Это Нора Халлидей. Из гардероба. Я на углу Сорок пятой и Одиннадцатой авеню. Кафе «Помпон». Можете приехать? Надо поговорить.

– Сорок пятая и Одиннадцатая. Через пятнадцать минут буду.

– Хорошо. – И она повесила трубку.

Я потряс головой и встал.

– Это кто был? – спросил Хоппер.

– Гардеробщица. Последняя, кто видел Александру в живых. Вчера чуть не сдала меня в полицию. А сегодня хочет поговорить. Мне пора. Я пока заберу обезьяну.

– Да нет, не стоит. – Опасливо на меня покосившись, он забрал игрушку, сунул в конверт и унес в спальню.

– Спасибо, что уделил мне время! – крикнул я через плечо. – Я позвоню, если что узнаю.

Но Хоппер уже выскользнул следом за мной из квартиры, на ходу влезая в серое пальто.

– Круто, – сказал он. Запер дверь и зашагал по лестнице.

– Ты куда это?

– Сорок пятая и Одиннадцатая. Надо с гардеробщицей потрындеть.

Его шаги эхом разносились в лестничном колодце. Я проклинал себя за то, что проговорился, куда иду. Я всегда работаю *один*.

Но с другой стороны – и я тоже зашагал по лестнице, – может, разок объединиться с ним и не помешает. Есть квантовая механика, есть теория струн, а есть самый заумный фронтير природы – *женщины*. И по моему опыту работы в этой тернистой области знаний – я десятилетиями экспериментировал методом проб и ошибок, выкинул на помойку многие годы ложных результатов (Синтия) и постиг, что, как ни прискорбно, никогда не буду ведущим специалистом, останусь одним из множества середнячков, – женщин описывает лишь одна достоверно вычисленная константа: вблизи таких, как Хоппер, айсберги растекаются лужицами.

– Ладно! – заорал я. – Но разговаривать предоставь мне.

Кафе «Помпон» оказалось классической забегаловкой, узкой, как железнодорожный вагон.

Нора Халлидей сидела в глубине, под фотопейзажем Манхэттена во всю стену. Низко-низко сползла по сиденью, вытянув тощие ноги. И в кабинке она не просто сидела. Она как будто уплатила за первый и последний месяц аренды, плюс внесла депозит, плюс выложила непомерную сумму за услуги риелтора, подписала договор и в этой кабинке *поселилась*.

Под боком у нее стояли две гигантские сумищи из магазина «Дуэйн Рид», с другой стороны ее подпирали бумажный пакет из «Цельных продуктов» и большая сумка серой кожи, расстегнутая и разzyвлeнная, точно освежаванная рифовая акула, а внутри виднелось все, что акула сожрала с утра: «Вог», зеленый свитер на вязальных спицах, кроссовка, белые наушники «Эппл», обмотавшие не айпод, а «уокмен». Хорошо, что не граммофон.

Нора не заметила, как мы вошли, потому что, не открывая глаз, бубнила себе под нос – по всему судя, зубрила кусок закрашенного маркером текста из пьесы в книжке. В тарелке перед ней, точно плавающий дом по Миссисипи, дрейфовал в луже сиропа недоеденный гренок.

Нора взглянула на меня, затем на Хоппера. И – вероятно,

от электрического удара его пригожести – рывком села прямо.

– Это Хоппер, – пояснил я. – Он к нам присоединится. Если вы не против.

Не произнеся ни слова, Хоппер сел в кабинку против Нормы.

Костюмчик на ней был странный: «вареные» джинсы прямоком из кино восьмидесятых, пушистый свитер, такой розовый, что жгло глаза, черные шерстяные перчатки без пальцев и синюшно-багровая помада. На сей раз она распустила светлые волосы и расчесала на прямой пробор – на удивление длинные, они свисали до локтей и тончали на кончиках.

– Так вы актриса? – спросил я, садясь рядом с Хоппером. Она улыбнулась и кивнула.

– А играла где? – осведомился Хоппер.

Глаза ее скользнули по нему в растерянности и вернулись ко мне. Даже я понимал, что актеру едва ли можно задать вопрос грубее.

– Нигде. Пока. Я актриса всего пятую неделю. С тех пор, как сюда приехала.

– Откуда вы? – спросил я.

– Сент-Клауд. Это под Наркуси.

Мне оставалось лишь кивнуть: я представления не имел, где находится это Наркуси. По названию судя – индейская резервация и казино, где играют в кости и любят, как двойники Кристал Гейл поют «И от этого грустны мои

карие глаза»¹⁸. Однако Нора бесстыдно улыбнулась, закрыла книжку и погладила обложку, точно Святую Библию, хотя то был «Гленгарри Глен Росс» Дэвида Мэмета¹⁹.

– Простите, что нагрубила вчера, – сказала мне Нора.

– Принято.

Слегка нахмурившись, она чопорно обмахнула руками столешницу, сбросив на пол хлебные крошки. Затем открыла пакет из «Цельных продуктов» и заглянула внутрь, словно там таилось что-то живое. Обеими руками осторожно извлекла большой красно-черный ком, положила на стол и подтолкнула ко мне.

Я его мигом узнал.

Женское пальто. На миг кафе и все вокруг растворилось во мгле. Осталась только эта тряпка, яростно *красная*, и она пялилась на меня в упор. Походила на маскарадный костюм, вычурный, с намеком на русские мотивы – красная шерсть, черная овчина обшлагов, черный кант на груди.

В этом пальто была женщина, которую я видел на водо-

¹⁸ ...как двойники Кристал Гейл поют «И от этого грустны мои карие глаза». – Кристал Гейл (Бренда Гейл Уэбб, р. 1951) – американская кантри-поп-певица, популярная в 1970–1980-х. «И от этого грустны мои карие глаза» («Don't It Make My Brown Eyes Blue», 1977) – песня Ричарда Ли, крупнейший хит Кристал Гейл.

¹⁹ ...«Гленгарри Глен Росс» Дэвида Мэмета. – «Гленгарри Глен Росс» (*Glengarry Glen Ross*, 1983) – напряженная пьеса, за которую американский драматург Дэвид Мэмет (р. 1947) в 1984 г. получил Пулицеровскую премию, история о чикагских риелторах, всеми возможными способами добывающихся продаж недвижимости.

хранилище в Центральном парке несколько недель назад.

Мокрые темные волосы, тяжкая поступь, фигура вспыхивает под фонарем и гаснет в темноте, пальто горит сигнальной ракетой, предупреждает... о чем? В игрушки она со мной играла? Как она умудрилась так быстро очутиться в метро – это же никакой логикой не объяснить? Очень странная вышла история; вернувшись в ту ночь домой, я, зараженный этой странностью, не мог уснуть. Не раз и не два вылезал из постели, отдергивал шторы, почти ожидая увидеть ее внизу: тонкий силуэт – красным надрезом в асфальте, лицо запрокинуто, и на меня жестко взирают черные глаза. Я всерьез раздумывал, не лишился ли рассудка, спрашивал себя, не настало ли *оно*, – некондиционные последние годы наконец довели меня до развода с реальностью, а теперь шлюзы открылись, начинается нашествие бесчисленных адских тварей. Которые выползут из моей башки в открытый мир.

Но алой прорехи на тротуаре не было. Улица и ночь пребывали безупречны и бездвижны.

Я даже стал забывать этот эпизод – а теперь вспомнил.

То была Александра Кордова.

Это открытие пугало, а за ним мигом накатила паранойя: что-то не так, в том числе с этой неловкой гардеробщицей. Наверняка подстава; наверняка гардеробщица замешана. Но девчонка лишь невинно мне улыбалась. А вот Хоппер, видимо, заметил, какое у меня лицо – совершенно ошелом-

ленное, – и подозрительно щурился.

– Это что? – спросил он, кивнув на пальто.

– Пальто Александры, – ответила Нора. – Она в нем пришла в ресторан. – Нора взяла вилку и нож, надрезала гренок. – Отдала мне. Когда полиция пришла расспрашивать, я отдала им черное пальто из забытых вещей, сказала, что Александра была в нем. Если б узнали, что я соврала, сказала бы, что перепутала номерки. Но они больше не приходили.

Хоппер придвинул пальто к себе, развернул, приподнял за плечи. Расшито изысканно, однако поношено, даже как будто пахнет городом, грязным ветром, потом. Подкладка из черного шелка, а в черном воротнике я разглядел лиловую бирку. На бирке черные буквы: «ЛАРКИН». Рита Ларкин много лет была у Кордовы костюмером. Я хотел уже было упомянуть эту деталь, но тут заметил, что к рукаву пальто пристал настоящий длинный темный *волос*.

– Почему ты соврала полиции? – спросил Хоппер.

– Я вам расскажу. При одном условии. Я тоже хочу расследовать. – Она взглянула на меня. – Вы вчера говорили, что расследуете Александру.

– Все не настолько официально, – отозвался я, прочистив горло, и все-таки *оторвал* взгляд от пальто. – Вообще-то, я расследую ее отца. А Хоппер со мной только сегодня. Мы не напарники.

– Еще какие напарники, – возразил он, покосившись

на меня. – Абсолютно. Добро пожаловать в команду. Будешь нашим талисманом. Почему ты соврала полиции?

Нора уставилась на него, от такого напора опешив. Снова перевела глаза на меня, подождала ответа.

Я молчал – я впитывал смыслы моей встречи с Александрой. Глубоко вздохнул, попытался хотя бы притвориться, что обдумываю Норино условие. В скобках отмечу, что нанимать напарника – тем более только что выползшего из флоридских болот – это только через мой труп.

– Великого приключения не будет, – сказал я. – Я не Старски. А он не Хатч.²⁰

– Либо я с вами до упора и мы выясняем, из-за кого или чего Александра умерла прежде времени, – провозгласила Нора решительно, словно шестьдесят раз отрепетировала перед зеркалом в ванной, – либо я вам не рассказываю, какая она была, что она делала, и пошли вы оба куда подальше. – Она подтянула пальто к себе и принялась записывать в сумку.

Хоппер выжидательно посмотрел на меня.

– Зачем же сразу так категорично, – сказал я.

Нора будто и не услышала.

– Ну хорошо. Работайте с нами, – сказал я.

– Честно? – улыбнулась она.

²⁰ *Я не Старски. А он не Хатч.* – «Старски и Хатч» (*Starsky & Hutch*, 1975–1979) – американский полицейский телесериал, созданный Уильямом Фредериком Блинном, история двух полицейских, очень разных, но неразлучных друзей.

– Честно.

Она протянула руку, и я ее пожал, мысленно скрестив пальцы.

– Вечер был тихий, – с жаром начала Нора. – Одиннадцатый час. В вестибюле никого. Она вошла вот в этом – я ее, конечно, заметила. Она была красавица. Но очень худая, глаза почти прозрачные. Посмотрела прямо на меня, и я первым делом подумала: ух, красотка. Лицо четкое, а вокруг все как будто в расфокусе. Но потом она пошла ко мне, и я испугалась.

– Почему? – спросил я.

Нора прикусила губу:

– У нее из глаз как будто все человеческое ушло, а наружу выглядывало что-то другое.

– Например что? – уточнил Хоппер.

– Не знаю. – Она уставилась в тарелку. – Она, кажется, не моргала. И даже не дышала. Сняла пальто, отдала мне, я ей номерок протянула – а она все не дышала. Я вешала пальто и чувствовала, как она меня разглядывает. Когда обернулась, думала, что она еще у стойки, но она уже поднималась по лестнице.

Я видел такой же внезапный рывок, когда она вдруг возникла в метро.

– Еще кто-то пришел. Я взяла одежду, и тут Александра спустилась в вестибюль. На меня не взглянула, вышла наружу. Я думала, покурить. Как она вернулась, я не видела – ма-

ло ли, в суете пропустила, – но перед закрытием ее красное пальто так и висело. Одно-единственное осталось.

Она торопливо глотнула воды.

– Прошло три дня, – продолжала она. – Каждый вечер я закрывала гардероб и складывала ее пальто к забытым вещам. А утром вынимала и вешала. Уверена была, что Александра за ним вернется. И боялась, что вернется. – Она помолчала, заправила волосы за уши. – На четвертый день под конец смены на улице было холодно, а у меня только ветровка. Ну, я закрыла гардероб и ушла в этом пальто. Могла надеть любое из забытых. Но надела это.

Нора посмотрела на свои руки; она вся покраснелась.

– На завтра прихожу в ресторан, а там полиция. Они видели, как я вошла в ее пальто. Когда рассказали, что случилось, я расстроилась ужасно. Что я наделала? Я боялась, они подумают, что я причастна. Ну, достала пальто «Ив Сен-Лоран» из забытых, сказала, что *это* ее пальто. – Она нервно вздохнула. – Думала, они точно узнают, что я наврала, родным это пальто покажут. Но... – Она качнула головой. – Никто больше не приходил и меня ни о чем не спрашивал. Пока, во всяком случае. – Она глянула на меня. – Только вы.

– Что еще на ней было? – спросил я.

– Джинсы, черные ботинки, черная футболка с ангелом на груди.

Одежда, в которой Александра умерла.

– Она говорила с вами? Упоминала, что у нее встреча

с кем-нибудь?

Нора потрясла головой:

– Я сказала, как обычно, «добрый вечер» и «вы поужинаете у нас?». Нам полагается учить маленький такой сценарий, для пущего гостеприимства. Но она не ответила. Каждую ночь с тех пор, как я ее увидела, – до того, как узнала, что она умерла, – у меня были кошмары. Знаете, просыпаясь внезапно, в комнате эхо, и понятия не имеешь, какие слова сейчас кричал?

Она по-честному ждала ответа, так что я кивнул.

– Вот ровно так. А моя бабушка Илай, мамина мама, говорила, что Краи настроены на четвертое и пятое измерения.

Надо срочно вмешаться, пока нас не угостили еще каким-нибудь мудрым наблюдением бабушки Илай. Я улыбнулся:

– Ну, я изучу вопрос и позвоню.

– Сначала надо телефоны записать, – сказала Нора.

Они с Хоппером обменялись контактами. Едва я задумался, как бы эдак отсюда *катапультироваться*, Нора глянула на часы, взвизгнула и принялась выкарабкиваться из кабинки.

– Тьфу ты. На работу опаздываю. – Она схватила чек, порылась в сумке. – Ой. – Посмотрела на меня, прикусила ноготь. – Я кошелек дома забыла.

– Не волнуйтесь. Я заплачу.

– Правда? Спасибо. Я обязательно верну.

Если ее актерские таланты таковы, ее даже в дневную мыльную оперу не возьмут. Нора застегнула сумку, взвалила на плечо и схватила пакет из «Цельных продуктов».

– Я могу забрать пальто, – сказал я. – Чтоб вам не таскать такие горы.

Нора мазнула по мне скептическим взглядом, но затем протянула пакет.

– Увидимся, – чирикнула она и двинулась к выходу, колотя сумками по ногам. – И спасибо за завтрак.

Я встал, посмотрел в чек и почерпнул оттуда, что девушка съела *два* завтрака: гренки и кофе, но также омлет с беконом, полгрейпфрута и клюквенный сок. У нашей долговязой дамы-командора Джуди Денч²¹ аппетит как у сумоиста. Наверняка она потому и решилась поговорить – чтобы я профинансировал трапезу.

– Что думаешь? – спросил Хоппер, тоже выбираясь в проход.

Я пожал плечами:

– Молодая, впечатлительная. Не исключено, что почти все сочинила.

– Ну да. И поэтому ты так скучал и тебе так не терпелось заграбастать пальто.

Я не ответил, лишь выудил из бумажника две двадцатки.

²¹ У нашей долговязой дамы-командора Джуди Денч... – Джудит Оливия Денч (р. 1934) – британская актриса театра и кино, лауреат «Оскара» и «Золотого глобуса», дама-командор ордена Британской империи.

– Ей, – сказал Хоппер, – как минимум негде жить.

Он смотрел в окно: на другой стороне четырехполосной улицы еще виднелись Нора Халлидей и ее обильный багаж. Глядясь в зеркальную витрину, она собирала волосы в хвост. Затем подхватила сумки и скрылась за фургоном доставки.

Напоследок пронзив меня взглядом – ясно говорившим, что доверия и особой симпатии я не заслуживаю, – Хоппер прижал к уху телефон.

– Ушами не хлопай, Старски, – посоветовал он и зашагал к двери.

Я задержался, подождал, пока он минует окно. Вряд ли я его еще увижу – да и эту Ханну Монтану²² тоже. Нью-Йорк восторжествует, и оба останутся валяться на обочине.

Все-таки великолепен этот город – он макиавеллиевский по природе своей. Люди почти не обременяют тебя довершениями, завершениями, свершениями, вообще редко бывают последовательны – и нарочно выкручиваться незачем, тебя просто несет потоком нью-йоркской жизни. Изю дня в день Нью-Йорк подтачивает своих обитателей великим потоком, и только сильнейшим – волевым наследникам Спартака – хватает сил не просто не утонуть, но держаться курса. Касается и работы, и личной жизни. Спустя какую-то пару месяцев почти все оказываются в далекой дали от места назначе-

²² *Ханна Монтана* – поп-певица, альтер эго главной героини одноименного американского телесериала (*Hannah Montana*, 2006–2011), в обычной жизни – школьница Майли Стюарт, скрывающая свою музыкальную карьеру. Майли Стюарт / Ханну Монтану сыграла певица Майли Сайрус (р. 1992).

ния, застревают в колючих кустах посреди трясины, хотя направлялись напрямиком к океану. Кое-кто попросту тонет (садится на наркоту) или выползает на берег (переезжает в Коннектикут).

Тем не менее эти двое принесли мне пользу.

В ту ночь в парке была Александра Кордова. Я думал, что самостоятельно решил расследовать ее гибель, и однако невероятным образом она пришла ко мне первой, занозой впиалась в подсознание. Надо проверить даты, но, если не ошибаюсь, встреча у водохранилища случилась за неделю с лишним до смерти Александры. Спустя несколько дней после ее побега из психиатрической клиники «Брайарвуд-холл».

Как она догадалась, что я туда приду? Никто, кроме Сэм, не знал, что я во мраке ночи бегаю в Центральном парке. Как-то вечером, несколько месяцев назад, я укладывал Сэм спать и она объявила, что я был «далеко», а я ответил, что во-все нет, я бегал по соседству от ее дома. На каждом кругу смотрел на ее окно и видел, что она крепко и сладко спит в постельке. Это, конечно, натяжка, модную квартиру Синтии и Брюса на Пятой авеню мне видно не лучше, чем Эйфелеву башню, но Сэм все равно порадовалась. Улыбнулась, закрыла глаза и мгновенно уснула.

Значит, Александра следила за мной. Других разумных объяснений нет. После отцовского иска она про меня знала. Отыскала меня, вполне вероятно, хотела чем-то поделиться,

что-то рассказать об отце — в голове тотчас всплыли злое- щие слова «Джона», «он что-то делает с детьми», — но не со- бралась с духом.

Впрочем, судя по истории Хоппера, застенчивость — ед- ва ли ключевая черта Александрино характера. Совсем на- оборот.

Вернусь-ка я на Перри-стрит. Для начала договорюсь о поездке в «Брайарвуд», разузнаю, как там жилось Алексан- дре. И пора проверить адрес «Черной доски», стибренный с Бекманова компьютера.

Я подхватил пакет с эмблемой «Цельных продуктов» и вышел из кафе. Вылезло солнце, забрызгало светом тороп- ливые машины на Одиннадцатой авеню. И отнюдь не рассе- яло моей тревоги, ибо в лицо мне смотрел пугающий непре- ложный факт: красное пальто, кровавый стежок на ткани но- чи, напоследок явился мне вновь.

Он у меня в руках.

Удалить

Не спам

Ответить

Ответить всем

Переслать

Печать

Задачи

От: Элизабет Дж. Пул <ejpoole@briarwoodhospital.org>

Свернуть

Тема: НА: Экскурсия**Дата:** 25 октября 2011 г., 18:24:44**Кому:** Д-р Леон Дин <leoncdean@gmail.com>

Уважаемый доктор Дин!

Спасибо за Ваше письмо.

Я с удовольствием покажу Вам наше передовое медицинское учреждение и отвечу на любые Ваши вопросы. Я записала Вас на завтра, 11:30.

Пока посмотрите наш веб-сайт и прилагаемые материалы о «Брайарвуде» и его почтенной истории.

Пожалуйста, позвоните мне, как только будет возможность.

Искренне Ваша,

Элизабет Дж. Пул,
директор по приему пациентов

Клиника «Брайарвуд-холл»

Возвращаем душевное здоровье с 1934 года

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА «ЧЕРНУЮ ДОСКУ»

Это главная межпространственная черная дыра для кордовитов, где время течет вспять, деревья растут вниз, свет пожирает сам себя, страх распаивает двери, а жизнь самовластна, смертоносна, совершенна.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

КТО БЫ ТЫ НИ БЫЛ,
ТЕБЕ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО.

ПРОЧЬ ОТСЮДА.

ПРОЧЬ

ПРОЧЬ

Наутро, за час до поездки на север в «Брайарвуд», я варил в кухне свежий кофе, и тут в квартиру постучались.

Я вышел в прихожую и посмотрел в глазок.

Под дверью стояла Нора Халлидей.

Черт ее знает, как она выяснила, где я живу; впрочем – точно, твою ж мать, во «Временах года» я дал ей визитку, там был адрес. Кто-то, видимо, впустил ее в подъезд. Я решил было прикинуться, будто меня нет дома, но она снова постучала, а старые половицы скрипят на каждом шагу – Норе слышно, что я стою за дверью.

Я открыл. Мне предстала Нора в узком жакете черной шерсти, с воротником из страусовых перьев, в черных колготках, сапогах и нейлоновой мини-юбке цвета зебры. Больше всего смахивало на костюм фигуристки с Олимпийских игр в Лиллехаммере. Нора явилась без пакетов, только с серой кожаной сумкой, а волосы заплела в две косы и обернула вокруг головы.

– Привет, – сказал я.

– Привет!

– Вы что тут делаете?

– Я готова работать.

– Сейчас восемь утра.

Она ногтем поковыряла какую-то корку на подоле жакета.

– Ну да, я подумала, от меня будет польза, если вам захочется вслух порассуждать и нужен слушатель.

Я едва не велел ей приходить завтра – тогда, ясное дело, сегодня придется переехать или просить помощи в программе защиты свидетелей, – но вспомнил Хопперово наблюдение, что девчонке негде жить. Если приглядеться – и впрямь бледная и слегка вымотанная.

– Кофе хотите?

Она просияла:

– Еще бы!

– Я скоро уеду на встречу, так что давайте недолго.

– Без проблем.

– Что это на вас такое? – спросил я, ведя ее через прихожую в гостиную. – Мама-то вам позволяет так одеваться?

– Вполне. Она мне все позволяет. Она умерла. – Нора уронила сумку у дивана – в сумке таился минимум один шар для боулинга.

– А эта ваша бабушка – она вам разрешает в таком виде разгуливать?

– Илай? – Из этого имени она выдавливала все *до капли*: «И-И-И... ЛАЙ!» – Она тоже умерла.

Пожалуй, надо бы мне остановиться, пока не опередил события.

– А отец?

Она всмотрелась в картину над камином.

– Он в Старке.

– Старк – это что?

– Тюрьма штата Флорида. У них там Искрометный Старикан.

Искрометный Старикан – так называют электрический стул. Я подождал, не уточнит ли Нора, что ее папаше не грозит randevu с Искрометным Стариканом, однако она перешла к книжному шкафу и принялась разглядывать книги: беседа повисла, будто кончик гирлянды, который Нора не потрудилась приклеить к стене.

– Как вам сделать кофе? – спросил я, ретируясь в кухню.

– Сливки, два куса сахара. Только если это не очень затруднит.

– Ни капли не затруднит.

– А пожевать у вас ничего не найдется?

Я усадил девицу в гостиную, снабдив кофе, двумя поджаренными булочками с густым слоем масла и мармелада и своей книгой «Кокаиновые карнавалы». Удостоверившись, что нигде не валяются деньги и прочие ценности, которые Нора может скормить своей хищной сумке, я вернулся в кабинет распечатать маршрут до «Брайарвуд-холл».

Еще я снова сунулся на сайт «Черной доски», но меня выкинуло опять.

Кажется, заблокировали по айпи.

Нора в гостиной устроилась с комфортом. Сняла сапоги, накрыла ноги шерстяным пледом и извергла на кофейный столик кое-что из сумки: две пьесы, тубик губной помады

и помятый «уокмен».

– С. Л. М. – это кто? – спросила она, полистав книгу и открыв страницу посвящения.

– Моя бывшая жена.

– У вас есть *бывшая жена*? – изумилась Нора.

– Я думал, у всех есть.

– А где она?

– В спортзале на персональной тренировке, наверное.

– И дети есть?

– Дочь.

Она поразмыслила. Я решил, что загадку ее проживания можно обсудить и прямо сейчас.

– Так вы где живете? – спросил я.

– Адская кухня.

– Где именно в Адской кухне?

– Угол Девятой и типа Пятьдесят второй.

– *Tina* Пятьдесят второй?

– Я только въехала, не выучила перекресток. А раньше у подруги на раскладушке. – И она снова погрузилась в книгу.

– Соседи в квартире есть?

Она не подняла головы.

– Двое.

– И чем занимаются?

– В смысле?

– Сутенеры, торчки или снимаются в порно?

– Ой, ну нет. Я не знаю, что они делают днем. Вроде славные.

– Как зовут?

Она замялась.

– Луиза и Густав.

Воображаемые соседи, к гадалке не ходи. Я живу в Нью-Йорке двадцать с лишним лет и даже издали не видал людей с такими именами.

Я посмотрел на часы. Времени нянчиться с ней больше нет.

– Мне надо к врачу, – объявил я. – Вам пора. Но мы можем завтра поговорить.

Она распахнутыми глазами наблюдала, как я уношу ее тарелку и кружку. В кухне я сунул их в посудомойку.

– Спасибо за кофе! – крикнула из гостиной Нора.

– Да не стоит.

Воцарилась довольно двусмысленная тишина.

Я уже собрался проверить, чем это Нора там занимается, но услышал, как дважды вжикнула сумочная молния. Вещи собирает – слава тебе господи. Впрочем, ясно, что времени я выиграл всего ничего: завтра она вернется. Эта девица – вроде мелкой рыбешки, что милую за милей непреклонно плывет под брюхом громадной акулы-людоеда. Придется обзвонить старых знакомых, профсоюзных, может, или банковских, взять за горло – пусть ее выгодно наймут на двенадцать часов в день, скажем, в банке «Кэпитал Уан» в Джер-

си-Сити.

– А что в Шандакене? – внезапно крикнула она.

– Что? – Я вышел из кухни.

– У вас маршрут куда-то в Шандакен, штат Нью-Йорк.

Она стояла в прихожей и листала папку с маршрутом до «Брайарвуд» и моей перепиской с директором по приему. Рядом на столе стоял пакет с красным пальто.

– У вас экскурсия по учреждению? – удивленно спросила Нора. – По какому учреждению?

Я забрал у нее папку, глянул на часы – я уже десять минут как должен быть на Нью-Джерсийской платной магистрали, – выдернул черную куртку из шкафа, надел.

– По психбольнице. – Я выключил свет в коридоре.

– Зачем вам экскурсия по психбольнице?

– Подумываю туда лечь. Завтра поговорим. – Я схватил папку и Норин костлявый локоток, подвел ее к двери и легонько подтолкнул: она оказалась за порогом, я вышел следом и запер дверь.

– Вы в письме наврали, – сказала Нора. – Вы сказали, вас зовут Леон Дин.

– Опечатка.

– Вы едете расследовать Александру.

Я зашагал по коридору, и Нора кинулась следом.

– Нет.

– Но вы взяли ее пальто. Я тоже поеду.

– Нет.

– Я могу быть вашей дочерью, вы хотите меня туда положить. Сыграю угрюмого подростка. Я отлично импровизирую.

– Я еду за информацией, а не шарады разыгрывать.

Я выступил в солнечное утро, придержал дверь для Нормы – ходила она быстро и кривобоко, то ли из-за сколиоза, то ли из-за неподъемной сумки.

– Эту больницу охраняют как Пентагон, – сказал я, сбегая с крыльца. – Я много лет беру интервью, выработал методы, люди мне доверяют. Потому что я работаю один. Глубокая Глотка ни за что бы не стал говорить с Вудвордом, если бы за Вудвордом таскалась малолетка из Флориды.

– Глубокая Глотка – это что?

Я остановился и вытаращился на нее. Девушка не притворялась.

Я зашагал дальше.

– Хотя бы кино вы видели? «Вся президентская рать». Роберт Редфорд, Дастин Хоффман? Их-то вы знаете? Или не в курсе, что бывают кинозвезды старше Джастина Тимберлейка?

– Их я знаю.

– Так вот они играли Вудворда и Бернштейна. Легендарных журналистов, которые раскрыли Уотергейтский скандал. Заставили президента Соединенных Штатов покаяться и подать в отставку. Один из величайших подвигов журналистского патриотизма в истории этой страны.

– Тогда вы будете Вудвордом. А я Бернштейном.

– Я не о... ладно, допустим, у них была команда, но оба вносили ощутимый вклад.

– Я тоже могу вклад.

– Например, какой? Ваше глубинное понимание Александры Кордовы?

Она застыла.

– Я еду, – объявила она мне в спину. – Или я звоню в больницу и говорю, что вы липа под липовым именем.

Я тоже застыл, обернулся, смерил ее взглядом. Да, узнаю этот тефлоновый нрав, с которым столкнулся лоб в лоб во «Временах года». Вот вам женщины во всей красе – вечно *трансформируются*. Вроде беспомощные, бездомные, просят булочек, но оглянуться не успеешь – а они безжалостно гнут тебя как хотят, точно ты из жести.

– Так. Ясно. Шантаж.

Она кивнула, полыхая глазами.

Я подошел к своей побитой серебристой «БМВ» 1992 года, припаркованной у тротуара.

– Ладно, – процедил я через плечо. – Но ты сидишь в машине.

Восторженно взвизгнув, Нора кинулась к пассажирской двери.

– Делаешь все, что я скажу, без исключений. – Я отпер багажник, запихал туда пакет с пальто. – Играешь безличную и безмолвную оперативницу. Перевариваешь и исполняешь

мои приказы, как робот.

– Ой, ну конечно!

Я сел, рывком пристегнулся и завел двигатель.

– Отзывов о моей работе не потребуется. Болтовни тоже.

Никаких ля-ля, и мне категорически не нужны тополя.

– Хорошо, только уезжать пока нельзя. – И она включила радио.

– Это почему еще?

– К нам Хоппер идет.

– Нет. Хоппер к нам не идет. У нас тут не пикник для четвероклассников.

– Но он хотел встретиться. А ты ненавидишь людей, да?

Это замечание я пропустил мимо ушей, двинулся на дорогу, однако такси, что несло по Перри мне в зад, налегло на клаксон. Я дал по тормозам и кротко уполз обратно к тротуару; мимо потекла кавалькада, машины сгрудились на светофоре, и мы оказались заперты.

– Ты похож на одного дядьку в Терра-Эрмоса.

– Что еще за Терра-Эрмоса?

– Дом престарелых. Хэнк Уид его звали. На обеде всегда занимал лучший столик у окна, а к пустому стулу прислонял ходунки, чтоб больше никто не садился и не любовался видом. Так и умер.

Я не ответил, вдруг сообразив, что, вообще-то, понятия не имею, говорит ли эта девица хоть одно слово правды. Может, она и впрямь хорошо импровизирует. Неизвестно да-

же, по-честному ли ей девятнадцать и зовут ли ее Нора Халлидей. Может, она как свитер с невинной ниточкой на подоле: дернешь – и весь распушится.

– Машину водишь? – спросил я.

– Конечно.

– Покажи права.

– Зачем?

– Мало ли – вдруг ты пропавший ребенок. Или про тебя был сюжет в «Дейтлайн». Может, ты преступная школьница.

Она ухмыльнулась, порылась в бездонной сумке и извлекла зеленый нейлоновый бумажник «ЛеСпортсэк», такой замурзанный и грязный, словно пару лет дрейфовал по Нилу. Перелистала фотокарточки в пластиковых холдерах – нарочно повернув бумажник так, чтоб я не видел, – вынула права и протянула мне.

На фотографии ей было лет четырнадцать.

Нора Край Халлидей. Флорида, Сент-Клауд, улица Смелая, 4406. Глаза: голубые. Волосы: светлые. Дата рождения: 28 июня 1992 года.

И в самом деле девятнадцать.

Я вернул ей права, ничего не сказав. И второе имя Край, и Смелая улица – не говоря уж о дате рождения, каковое имело место примерно *вчера*, – лишили меня дара речи.

На светофоре зажегся зеленый. Я осторожно двинулся прочь от обочины.

– Если хочешь ждать Хоппера – пожалуйста. А у меня ра-

бота.

– Да вон он! – взвизгнула она.

И точно, по тротуару волочился Хоппер в своем сером пальто. Помешать я не успел – Нора нажала на клаксон. Вскоре Хоппер в облаке холодного воздуха, сигаретного дыма и алкогольных паров рухнул на заднее сиденье.

– Чё творится, собаки?

Пацан опять нажрался.

Я проскочил на желтый и помчался поперек Седьмой авеню. Хоппер нечленораздельно бубнил. Через полчаса попросил остановить на Нью-Джерсийской платной, и его вырвало на обочине.

Похоже, дома он не ночевал: явился во вчерашней белой футболке «ЗНАМЕНИТОЕ МОРОЖЕНОЕ ГИФФОРДА». «ПОПРОБУЙ 13 ВКУСОВ МЕДОВОГО ПИРОГА», – выцветшими буквами шептала она. Доблевав, Хоппер, кажется, захотел посидеть на парапете и посмотреть, как мимо моего «БМВ» пушечными ядрами проносятся машины, поэтому Нора вылезла и помогла ему сесть обратно. Вела она его заботливо, очень нежно – ей явно не впервой. За кем она ухаживала? За умершей матерью? За приговоренным отцом, которого, возможно, поджидает Искрометный Старикан? За бабушкой И-и-и-Лай?

Какого рожна ее так трогает Александра Кордова – и вообще вся эта история? А Хоппер – вправду ли только из-за анонимно присланной плюшевой обезьяны он возжелал

в среду утром составить общество мне, а не лечь в постель с Хлоей, Райнкинг или еще какой избалованной девчонкой, воняющей сигаретами и инди-роком?

Очевидно, что эти два молокососа знают в разы больше, чем говорят. Но если они что-то утаивают, я скоро выясню. Даже у закоренелых преступников тайны – лишь воздушные пузыри, сокрытые в грязи на океанском дне. Порой требуется землетрясение, а порой достаточно нырнуть и поворошить придонный ил – тайны по природе своей стремятся на поверхность, вырываются.

Нора погрузила Хоппера в машину и сняла с него темные очки. Он что-то буркнул, затем, пьяно вздохнув, растянулся на сиденье, закинул руку за голову и отключился. Нора снова покрутила радио. Нашла какие-то народные песнопения – «Лукавый рыцарь на дороге»²³, гласил дисплей, – устроилась поудобнее и стала смотреть на клочковатые поля за окном.

Утро устало протирало небо губкой, омывало дорожные знаки и ветровое стекло тусклой мыльной водой; покрывки отстукивали шоссейный ритм.

Мне тоже не хотелось разговаривать. Удивительно, где я вдруг очутился: рядом два совершеннейших незнакомца, за спиной у нас всевозможные истории, впереди ждет неизвестно что, но пока три тоненькие ниточки наших жизней

²³ ...какие-то народные песнопения – «Лукавый рыцарь на дороге»... – «The Fause Knight Upon the Road» – британская народная баллада, которую записывали, помимо многих прочих, *Steeleye Span*; лукавый рыцарь в балладе – дьявол, который безуспешно морочит голову мальчику на дороге.

бежали параллельно.

В «Брайарвуд».

15

– Гости для нас – не пациенты, – сообщила мне Элизабет Пул, шагая по дорожке. – Они на всю жизнь – члены семьи «Брайарвуд». Расскажите мне поподробнее о вашей дочери Лисе. – Она оглянулась на Нору, временно известную как Лиса и отставшую от нас шагов на двадцать. – Сколько ей лет?

– Первокурсница. Была, – ответил я. – Бросила.

Пул подождала продолжения, но я лишь улыбнулся и постарался изобразить неловкость, что не составило труда.

Элизабет Пул была коренастая, пухлая, за пятьдесят и с такой кислой миной, что я было решил, у нее во рту карамелька, однако минуты текли, а гримаса ничуть не менялась. Жидкие русые волосы Элизабет Пул зализывала в хвостик и носила комфортные джинсы с высокой талией.

Клиника не столько стояла на чистеньком холме, сколько *пригвозждала* его длинными коробками пристроек и серыми щупальцами дорожек. Оставив Хоппера в обмороке на заднем сиденье, мы с Норой отыскивали кабинет Пул в цокольном этаже «Дайкона», корпуса красного кирпича, где располагалась администрация. Я взглянул на Пул, а затем и на ее белоснежную мальтийскую болонку Ириску, которая выскочи-

ла из-за стола, звеня колокольчиком и с розовой заколкой на макушке смахивая на платформу на параде в честь Дня благодарения, – и мне немедленно захотелось отменить нашу эскападу.

Ситуацию существенно осложняли Норины актерские таланты – точнее, их вопиющее отсутствие.

Мы сели, и я объявил, что у дочери моей Лисы проблемы с дисциплиной. Нора скорчила рожу и потупилась. Пул буравила меня всепонимающим взглядом, в котором, впрочем, я отчетливо читал не сочувствие, но хладнокровный упрек, будто она понимала, что дочь моя – липа. Но когда я уже уверился, что сейчас нас выпрут, Пул – и Ириска, звякая и задыхаясь, – с толкача завела нашу экскурсию, и мы двинулись из «Дайкона» на обширную территорию.

– Как у вас тут с безопасностью? – спросил я.

Пул замедлила шаг и оглянулась на Нору, которая прожигала взглядом асфальт (так Сью Эллен взидала на мисс Элли весь двенадцатый сезон «Далласа»)²⁴.

– Детали мы обсудим с глазу на глаз, – ответила Пул. – Но если вкратце, каждому пациенту назначается уровень на-

²⁴ ...так Сью Эллен взидала на мисс Элли весь двенадцатый сезон «Далласа»... – «Даллас» (*Dallas*, 1978–1991, 2012–2014) – долгоиграющая американская мыльная опера. Сью Эллен Юинг – один из центральных персонажей, сыгранный Линдой Грей, сильная неоднозначная женщина, жена старшего сына семейства Юингов Джей-Ар; мисс Элли Юинг – ее свекровь, сыгранная Барбарой Бел Геддес, и к 12-му сезону отношения у них становятся особенно напряженные, потому что Сью Эллен наконец придумывает, как вырваться из брака, надежно себя обезопасив.

блюдения, от общего, когда сотрудники проверяют его днем и ночью каждые полчаса, до постоянного – пациент всегда находится на расстоянии вытянутой руки от обученного сотрудника и в столовой пользуется только ложкой. Когда Лиса к нам поступит, мы обследуем ее и назначим уровень.

– У вас в последнее время случались побеги? – спросил я. Вопрос застал ее врасплох:

– Побеги?

– Простите. Я не имел в виду, что у вас тут Алькатрас. Просто если Лисе выпадет шанс сбежать, она сбежит.

Пул кивнула. Если и вспомнила Александру Кордову, виду не подала.

– У нас сорок шесть акров, – сказала она. – По периметру ограда и камеры видеонаблюдения. Любой транспорт въезжает и выезжает через ворота, а там круглосуточная охрана. – Она скупно улыбнулась. – Безопасность пациентов – наш первый приоритет.

Вот, значит, какова их официальная позиция: Александра отсюда не сбегала.

– Что интересно, – продолжала Пул, – когда пациенты привыкают, их сложнее выгнать, чем оставить. «Брайарвуд» – убежище. Это настоящая жизнь жестока.

– Я так и понял. У вас тут красиво.

– И впрямь, да?

Я согласно улыбнулся. Красиво, как инъекция морфина. По обе стороны от нас простирался огромный безупреч-

ный газон, гладкий, плоский и беспощадно зеленый. Справа вдалеке стоял массивный дуб, под ним пустая черная скамья. Похоже на открытку с соболезнаваниями. И сверхъестественно безлюдно, только изредка пробегает улыбчивая медсестра в сиреневых штанах и сиреневой же куртке с жизнерадостным узорчиком – наверняка чтобы отвлекать пациента, пока его пичкают колесами. Поодаль меж кирпичных корпусов целеустремленно шагал кто-то лысый.

Пул объяснила, что в клинике (я так понял, «клиника» – кодовое обозначение психбольницы) в этот час все на поведенческой терапии, и все равно у меня бежали мурашки – как будто на все заведение надели намордник. Я бы не удивился, если б ветерок и чириканье птичек внезапно прорезал душераздирающий человеческий вопль. Или если бы распахнулась дверь – в один из тех корпусов, которые Пул подчеркнуто проигнорировала; «Тут у нас просто спальни», – пояснила она, когда я поинтересовался, что там, – и выбежал бы пациент в белой пижаме, рванул бы на волю, но был бы сбит с ног медбратом и уволочен на сеанс электрошока, оставив по себе чопорно безмятежный пейзаж.

– Сколько у вас пациентов? – спросил я, оглянувшись на Нору.

Она еще больше отстала.

– В общей сложности в программах душевного здоровья и злоупотребления наркотиками сто девятнадцать взрослых. Не считая амбулаторных.

– И психологи пристально работают с каждым?

– О да. – Она остановилась и стряхнула бурый листик, застрявший у Ириски в шерсти. – При поступлении каждому гостю назначается личная медицинская команда. Терапевт, фармаколог и психолог.

– И как часто они общаются?

– По-разному. Зачастую ежедневно. Иногда дважды в день.

– Где?

– В «Страффене»²⁵. – Она указала на кирпичный корпус слева, почти скрытый за сосняком. – Мы туда скоро зайдем. Сначала посмотрим «Бьюфорд».

Мы свернули с тропинки к серому каменному зданию. Подле меня потрусила Ириска.

– Здесь наши гости питаются и проводят досуг. – Пул поднялась на крыльцо, первой открыла деревянную дверь. – Трижды в неделю преподаватели из Пёрчейз-колледжа читают лекции. Тематика – от глобального потепления и охраны природы до истории Первой мировой войны. Это один из элементов нашей философии исцеления – показать гостям разностороннюю картину мира, дать ощущение истории.

Я кивнул, улыбнулся, через плечо глянул, где там но-

²⁵ В «Страффене». – Корпус назван, очевидно, в честь Джона Томаса Страффена (1930–2007) – английского маньяка-убийцы, который за убийства трех маленьких девочек провел в заключении в общей сложности 55 лет – срок, составивший рекорд среди британских заключенных.

сит Нору. Она за нами не пошла – осталась стоять посреди газона. Прикрывая глаза ладонью, что-то рассматривала – мне за ней было не видно.

– Я понимаю, почему вам с ней трудно, – сказала Пул, перехватив мой взгляд. – Девочкам в этом возрасте бывает нелегко. А где, если позволите, миссис Дин?

– Она в картине отсутствует.

Пул кивнула. Нору, кажется, подмывало сделать ноги. Помявшись, она сгорбилась, побрела к нам; остановилась, смерила Пул взглядом, достойным доктора Зло, и взбежала по ступенькам. Через вестибюль, где отчетливо пахло дезинфекцией, Пул провела нас в столовую. Большой солнечный зал, круглые деревянные столики, арочные окна. Стайка работниц деловито раскладывала приборы.

– Здесь гости питаются, – сказала Пул. – Мы, естественно, заботимся о физическом здоровье не меньше, чем о душевном, поэтому в меню есть блюда с низким содержанием жира, вегетарианские, веганские и кошерные. Наш шеф-повар прежде работал в мишленовском ресторане в Сакраменто.

– А когда я познакомлюсь с теми, кто тут *живет*? – осведомилась Нора. – А то вдруг тут все психи?

Пул потрясенно заморгала, посмотрела на меня – я ответил смущенным взглядом, – но затем взяла себя в руки и улыбнулась.

– Сегодня ты ни с кем не познакомишься, – дипломатично ответила она и поманила нас за собой; Ириска проплыла

мимо нее в коридор, стуча коготками. – Но если будешь у нас гостить, увидишь, что люди здесь, как и везде, очень разные.

Пул затормозила у темной ниши и, поразмыслив, включила верхний свет. На стенах – сплошь стенды, увешанные списками участников всяких кружков и фотографиями с мероприятий.

– Как видите, – Пул взмахнула рукой, – гости у нас очень даже счастливы. Мы всех стараемся занимать, физически и умственно.

Нора, насупившись, ступила в нишу.

– А когда это снимали? – спросила она.

– В последние месяцы.

Нора скептически сверкнула глазами и уставилась на фотографии, скрестив руки на животе. Я подумал, что она совсем поехала крышей, решила изобразить Энджи из «Прерванной жизни»²⁶, но потом сообразил, что она задумала.

Она искала Александру.

Разумно. Я тоже шагнул посмотреть. На фотографиях пациенты бегали эстафеты, ходили в походы. Кое-кто правдоподобно доволен жизнью, но большинство слишком худы и апатичны. Александра бросалась бы в глаза, так? Темно-

²⁶ ...Энджи из «Прерванной жизни»... – «Прерванная жизнь» (*Girl, Interrupted*, 1999) – экранизация мемуаров (1993) Сьюзен Кейзен о том, как в 1960-х гг. она лежала в психиатрической клинике с диагнозом «пограничное расстройство личности»; фильм с Вайноной Райдер в главной роли поставил Джеймс Мэнголд. Анджелина Джоли сыграла одного из центральных персонажей, подругу главной героини, пациентку клиники, манипулятивную социопатку Лису Рой.

волосая, чуть в стороне, во взгляде вызов. Я пригляделся. Фотографии с музыкального концерта – но за фортепиано мужчина с дредами. Куча снимков с летнего барбекю на центральном газоне – пациенты толпятся вокруг столов, жуют бургеры, но Александры ни следа.

Я оглянулся – Пул наблюдала за нами в легкой тревоге. Видимо, мы слишком уж *пристально* изучали эту выставку.

– Все такие счастливые, – заметил я.

Она ответила мне хладнокровным взглядом:

– Может быть, пойдем дальше?

Я вышел из ниши; мохнатая кружевная салфеточка по имени Ириска носилась вокруг меня и смотрела так, будто в кармане я припрятал вяленое мясо. Нора перебирала списки записавшихся в книжный клуб, откровенно читая все имена подряд.

– Лиса, – сказал я. – Пойдем.

Наружу, по газону к «Страффен-холлу», затем напрямик на второй этаж, где занимались музыкой, рисованием и йогой. По отрывистым комментариям и напряженному тону Пул было ясно, что мы с моей ершистой дочерью очень ей не нравимся. Я старался расхваливать клинику, но Пул в ответ лишь чопорно улыбалась.

Когда мы проходили мимо зала медитаций – свечи, фотографии лугов и небес, – из репродуктора раздался сигнал, две ноты. Пронзительный и раскатистый – музыкальный аналог отбитого пальца на ноге.

– Мне надо в туалет, – раздраженно объявила Нора.

– Разумеется. – Пул остановилась у питьевого фонтанчика и указала на дверь «Дамы» в середине коридора. – Мы тебя тут подождем.

Нора закатила глаза и отбыла. Стены в коридоре яркие, наполовину белые, другая половина розовая, как кошачий нос, но обстановка сочилась больницей и клаустрофобией, точно купе в поезде. Недоумочный экспресс отправляется в Шизотаун. Все на борту.

Из аудиторий потянулись пациенты. Все в джинсах и мешковатых хлопковых рубашках – ни ремней, ни шнурков, отметил я, – и возрастной разброс поражал воображение. Из класса рисования выполз мужик лет восьмидесяти с седым ежиком. Большинство, проходя мимо, отводили глаза. Роились мозгоправы и прочие умники – болтали, кивали, симулировали конструктивность. В толпе они не терялись – все во флисах и куртках «Л. Л. Бин», в шерстяных буроватых свитерах, – вероятно, чтобы пациенты решили, будто попали на лыжный курорт.

Пул поправила заколку на Ириске.

– Я слышал много хорошего о докторе Аннике Энгли, – сказал я.

Пул выпрямилась, подхватив собаку на руки.

Анника Энгли – психолог, которая при первичном приеме заполняла карту Александры, в итоге очутившуюся в полицейском досье.

– Мне ее рекомендовал друг, – продолжал я. – Насколько я понял, она прекрасно работает с девушками, страдающими депрессивным расстройством. А нельзя с ней поговорить?

– Ее кабинет на третьем этаже. Посетителей мы туда не водим. И пока еще рано обсуждать доктора Энгли или любого другого врача. Если Лиса к нам поступит, ей назначат группу медиков в соответствии с ее потребностями. И кстати, пойду проверю, как она там.

Пул опустила Ириску на пол, улыбнулась мне – прозрачно намекая: «Ни с места», – и зашагала прочь, плюхая по линолеуму черными ортопедическими ботинками.

Вернулась спустя минуту, красная как свекла.

– Лисы там нет, – возвестила она.

Я растерянно на нее уставился.

– Лиса потерялась. Вы ее видели?

– Нет.

Пул развернулась и ринулась по коридору:

– Она, наверное, вышла с другой стороны.

Мы с Ириской – равно ошарашенные новым поворотом сюжета – устремились следом; проходя мимо дамской комнаты, я все-таки открыл дверь и окликнул:

– Лиса? Детка?

Пул ожгла меня взглядом через плечо:

– Ее там нет. Правда.

Она промчалась мимо стойки пациентов, распахнула дверь в конце коридора и вылетела на лестницу. Я не отста-

вал. Она задрала голову, посмотрела в следующий пролет – отделенный металлической дверью и табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА» – и затопотала вниз. Мы ворвались на цокольный этаж, отпихнув человека с кипой папок, и на резком повороте Ириска пошла юзом на полированных половицах. Мы вошли в кабинет «ПРОГРАММА „НАРКОТИКИ И АЛКОГОЛЬ“».

– Бет, тут разгуливает пять сорок шесть, ты не видела? Худая блондинка? Микро-мини? Косы вокруг головы? – Мне достался ледяной взгляд. – Перья?

– Нет, Лиз.

Пул, что-то бормоча, маршем вернулась по коридору.

– Что такое «пять сорок шесть»? – спросил я.

– Потенциальный гость. Мне придется просмотреть записи с камер наблюдения. Она у вас любит бегать, а? Есть идеи, куда она могла пойти?

– Если доберется до дороги, попытается уехать стопом.

– Никуда она не уедет. Если у нее, конечно, нет крыльев и она не может перелететь тридцатифутовую электрическую ограду.

– Мне ужасно жаль, что так получилось.

Мы вышли через стеклянные двери. По ту сторону газона пациенты – многие в сопровождении медсестер – по дорожкам шли обедать. Норы не видать. В таком наряде она выделялась бы. Я понятия не имел, куда она делась, – в моем инструктаже ничего такого *не было*. Нора устроила бунт.

Спустя минуту Пул усадила меня на цветастый диван у себя в кабинете.

– Ждите здесь, – велела она. – Я скоро вернусь с вашей дочерью.

– Спасибо.

Она лишь испепелила меня взглядом и хлопнула дверью.

16

Я остался наедине с Ириской. Собака сбегала к своей подушке под цветами в горшках и приволокла писклявый резиновый хот-дог.

В репродукторах опять блямкнуло.

Я осмотрел потолок. Вроде бы камер нет.

Встал и подошел к столу.

На мониторе скринсейвер. Естественно, там плавали портреты Ириски, хотя временами на заднем плане мелькал худой и лысый сконфуженный человек. Мистер Пул.

Я потыкал в клавиатуру, и у меня спросили пароль.

Я набрал «Ириска». Не сработало.

На углу стола в лотках «Входящие» и «Исходящие» лежали кипы бумаг. Я полистал: благодарственные записки, заявления на прием, подписка о неразглашении, электронное письмо от доктора Роберта Пола, который информировал о выходе на пенсию. Наверняка же должна быть служебная записка про Александру Кордову. Присланная крупной

больничной шишкой, с оборотами типа «это очень щекотливый вопрос», «репутация клиники под угрозой» и так далее.

Я заглянул в ящики стола.

Канцелярские принадлежности, интерьерный каталог «Поттери Барн», россыпь мятных карамелек.

Я перешел к шкафчикам с картотекой у задней стены. Все заперты, ключей не видать.

Сходил к двери и выглянул в коридор.

Пусто, если не считать двух медсестер напротив главного входа в «Дайкон».

Из-за Норы меня по-любому отсюда выставят. Можно и сыграть камикадзе. Ириска взялась грызть игрушечный хот-дог прямо у меня на ноге. Одна медсестра осеклась и удивленно глянула на нас.

Я швырнул игрушку через весь кабинет – хот-дог застрял в листе гигантской кукурузы на окне, Ириске предстоит восхождение на шесть футов по стволу – и опять выглянул.

Медсестры тихонько переговаривались. Я выскользнул в коридор и нырнул в боковую дверь.

Очутившись снаружи, я направился в «Страффен».

Клинику опять объяла тишина, только немногочисленные опоздавшие шли в столовую. Я быстрым шагом одолел газон и направился к крыльцу, где курили и болтали пациенты, лишь скользнувшие по мне глазами. Внутри я устремился к лифтам.

В лифте нажал «3». Кнопка не загорелась.

Нужен какой-то код. Я уже собрался выйти, но тут в лифт шагнула седовласая женщина, взглядом приклеившаяся к «блэкберри». Не подняв на меня глаз, она набрала на панели четыре цифры. Не помогло, – очевидно, потому, что я нажал кнопку. Женщина нахмурилась, нажала «сброс», снова набрала код, и двери закрылись. Мы стали подниматься. Женщина нажала «6». Я шагнул ближе и опять попробовал «3». На сей раз получилось.

Женщина обернулась и с любопытством меня оглядела.

Двери открылись на третьем этаже. Я вышел, чувствуя, как она недоумевает, кто я такой, но двери закрылись, не успела она хоть слово сказать.

Я был один.

Третий этаж «Страффена» как две капли воды походил на второй, только неоновые потолочные лампы розовее, линолеум глянцевее, а стены выкрашены мятной зеленью. В оба конца тянулась череда черных дверей. Кабинеты врачей. Я зашагал по коридору, читая таблички с именами. Слышались приглушенные голоса и бамбуковые дудки – музыка, какую включают в спа во время массажа. Посреди коридора на банкетках под окном растянулись двое юношей; оба строили в блокнотах.

На меня они не обратили внимания.

Я отыскал табличку «АННИКА ЭНГЛИ, доктор медицины». Легонько постучал, ответа не услышал и повернул ручку. Заперто. Я вернулся к юношам.

– Простите? – сказал я.

Они испуганно подняли взгляд. Один блондин – на нежном лице неуверенность. Другой краснолицый, рябой и в темных кудряшках.

– Вы не могли бы мне помочь? – продолжал я. – Здесь прежде была гостья, Александра Кордова. Вы ее не знали?

Блондин нерешительно посмотрел на шатена:

– Нет. Но я только поступил.

Я повернулся к шатену:

– А вы?

Тот медленно кивнул:

– Да. Слышал про нее.

– Что вы слышали?

– Что здесь лежала дочь Кордовы. Всё.

– Вы ее видели? Знакомы с ней?

Он покачал головой:

– Она была «серебряный код».

– Что такое «серебряный код»?

– Интенсивная терапия. Они живут в «Модсли»²⁷.

– Прошу прощения, – раздался мужской голос у меня

²⁷ Они живут в «Модсли». – Корпус назван, по всей видимости, в честь одного из двух британских Модсли, имевших отношение к психиатрии, однако располагавшихся по разные стороны баррикад: Генри Модсли (1835–1918) был видным английским психиатром, сторонником теории дегенерации, автором множества статей по психиатрии и мизогинистом; Роберт Джон Модсли (р. 1953) – британский серийный убийца, чьими жертвами стали четверо взрослых людей, из них трое – в тюрьме, где Модсли отбывал наказание за первое убийство.

за спиной. — Я могу вам помочь?

Я обернулся. На меня смотрел низенький толстяк с густой бурой бородой.

— Надеюсь, — ответил я. — Я ищу свою дочь, Лису.

— Пойдемте.

С застывшей сердитой улыбкой он повел рукой — мол, отойдите от пациентов. Я благодарно им кивнул и следом за толстяком свернул за угол.

— На этот этаж вход воспрещен всем, кроме гостей и врачей. Как вы сюда попали?

Я как можно смятнее объяснил, что приехал к Пул на экскурсию по клинике, а моя дочь потерялась.

Оглядев меня с превеликой неприязнью — впрочем, похоже, купившись на мой идиотизм, — он подошел к какой-то двери и позвенел ключами. Толкнул дверь, включил свет.

— Пожалуйста, подождите здесь со мной. Я переговорю с Элизабет.

— Я, вообще-то, знаю дорогу. Я сам вернусь.

— Сэр, немедленно зайдите в кабинет, или я вызову охрану.

Судя по табличке, звали его Джейсон Элрой-Мартин, д. м. н. Я вошел, сел на кожаный диван, а доктор, заводясь все больше, принялся названивать по телефонам из списка контактов на стене, возле его медицинского диплома Университета Майами. Оставив Пул два сообщения, он наконец до нее дозвонился, и его лицо (то, что от лица оставалось, — борода

густо покрывала щеки) тотчас гневно побагровело.

– Он прямо передо мной, – сказал доктор, сверля меня глазами. – Разговаривал с двумя сто семнадцатыми. Когда они в вольной форме вели дневники. Да. Да. – Он помолчал, послушал. – Легко.

Он повесил трубку, откинулся на спинку офисного кресла, переплел пальцы.

– Я свободен? – спросил я.

– Вы сидите здесь.

И хмурился, пока в кабинет не постучали.

Дверь открылась, явив взору двух здоровенных охранников.

– Скотт Бэ Макгрэт, – произнес один, – вы идете с нами.

Он произнес «Б» – обозначавшее мое второе имя, Бартли, – и это не сулило ничего хорошего.

17

Они сопровождали меня в службу безопасности – приземистый бункер из шлакоблоков на опушке, поодаль от прочих корпусов. В голом вестибюле за стеклом сидел жабоподобный дежурный. Меня провели мимо кабинетов с мельтешащими мониторами: на всех дерганные черно-белые снимки коридоров и аудиторий.

– А теперь будете пытаться водой? – осведомился я.

Они пропустили это мимо ушей. Мы остановились у от-

крытой двери в конце.

В комнате, обшитой фанерой, на складном металлическом стуле посреди желтого ковра сгорбилась Нора. По счастью, из образа она вышла – грызла ногти и распахнутыми глазами следила за багровой Элизабет Пул, а та возвышалась над нею, практически излучая термоядерный жар. Рядом на краешке стола примостился высокий сидящий человек в глаженных брюках хаки и ослепительно-голубом свитере.

– Скотт, – промолвил он, поднявшись и протянув мне руку. – Я Аллан Каннингэм. Президент «Брайарвуд-холл». Очень приятно познакомиться.

– А мне еще приятнее.

Он улыбнулся. Бывают такие лучезарные люди – не просто чистенькие, но надраенные, с безупречной кожей, какая обычно встречается лишь у младенцев и монашек.

– Итак, Нора, – произнес он, улыбаясь ей сверху вниз (и она даже улыбнулась в ответ), – сегодня, я так понимаю, выступает под псевдонимом Лиса. Она как раз поведала нам, что вы не потенциальные клиенты, как утверждалось прежде, а в обход закона ищите сведения о нашей бывшей гостье.

– Совершенно верно, – подтвердил я. – Об Александре Кордове. Она сбежала из-под вашей опеки и спустя десять дней умерла. Мы выясняем, не было ли в клинике нарушений, прямо повлекших за собой ее смерть.

– Нарушений не было.

– То есть вы признаете, что Александра Кордова у вас лечилась.

– Ни в коем случае. – Улыбка до ушей давалась Каннингэму с явным трудом. – Но могу сказать, что никаких нарушений безопасности у нас не случилось.

– Если Александре *разрешили* уйти среди ночи с неопознанным мужчиной, почему клиника на следующий день сообщила о ее пропаже?

Он, кажется, разъярился, однако смолчал.

– Она была «серебряный код». Отделение интенсивной терапии. Им не разрешают уходить без сопровождения. Значит, кто-то в клинике лоханулся.

Каннингэм глубоко вздохнул:

– Мистер Макгрэт, у нас не государственная больница. Вы подпадаете под законы о противоправном вторжении. Я могу вас обоих отправить в тюрьму.

– А вот и нет. – Я расстегнул молнию на кармане и вручил Каннингэму сложенную брошюру. – Как видите, мы с Норой не только обеспокоены судьбой Александры, но также приехали распространять информацию о нашей религии, на что имеем полное право в соответствии с прецедентом «Марш против штата Алабама». По решению Верховного суда, согласно первой и четырнадцатой поправкам к Конституции, законы о противоправном вторжении не применимы к тем, кто распространяет религиозную литературу даже в частных

владениях.

Каннингэм полистал старый буклетик «свидетелей Иеговы».

– Мило. Очень мило, – сказал он. – Вас проводят с территории. Я подам жалобу в полицию. Если я узнаю, что вы или ваши друзья – в том числе человек, который спит в машине, – снова попытались проникнуть в клинику, вы сядете за решетку.

Он смял брошюру и неплохим броском – попал по ободу – отправил ее в мусорную корзину у двери. Я уже собрался было поблагодарить его за то, что уделил нам время, но меня отвлекло внезапное движение в окне у него за спиной.

По тропинке, огибая безлюдную стройку, неслась женщина в сиреневой медсестринской униформе и белом кардигане. Ее рыжие волосы горели на солнце, и она, похоже, сильно торопилась в наш корпус.

Каннингэм глянул через плечо и вновь невозмутимо повернулся ко мне:

– Я, мистер Макгрэт, ясно выразился?

– Яснее некуда.

Он кивнул охранникам, и те вывели нас наружу.

Мы гуськом зашагали вокруг стройки. Лиса, вопреки своим хулиганским закидонам, сильно присмирела. Мы шли между двумя охранниками, и она то и дело стреляла в меня глазами – мол, ужас-ужас, что нам делать? – а это доказывало, что столкновением с властями она наслаждается. Если,

конечно, этих громил можно назвать властями. Они больше походили на пухлые раскладные кресла.

Впереди на дорожке я опять заметил рыжую медсестру. Она возникла из ниоткуда и мчалась к нам, подчеркнуто глядя в землю. Когда до нас оставались считанные ярды, она вздернула голову и взволнованно уставилась прямо на меня.

Я в удивлении застыл.

Она лишь прибавила шаг и свернула на другую дорожку по задам спального корпуса.

– Мистер Макгрэт. Идемте.

Когда мы добрались до стоянки, весть о лазутчиках, видимо, уже разнеслась по клинике, и с крыльца «Дайкона» за нами наблюдала стайка зевак – медсестры, администраторы, психиатры.

– О, отвальная, – сказал я. – Ну что вы, не стоило.

– Будьте любезны пройти к вашему автомобилю, – приказал охранник.

Я отпер дверцу, и мы забрались внутрь. Хоппер по-прежнему дрых. С нашего ухода он, кажется, даже не шевелился.

– Проверь – у него пульс-то есть? – шепнул я, заводя машину.

Я потихоньку двинулся со стоянки к выезду. У «Дайкона» роились люди, смотрели на нас, однако рыжеволосой медсестры я не заметил. Чего она хотела? Чтоб я пошел за ней? Понимала же, что на глазах у охраны не получится.

– Пульс есть, – бодро чирикнула Нора. – Чуть не попались, а?

– «Чуть»? Я бы так не сказал. Скорее – прямо в яблочко. Я свернул вправо и поддал газу, торопясь побыстрее слинять, – нам предстояло головокружительные две минуты мчаться по лесу.

– Ты что, злишься? – спросила Нора.

– Да. Злюсь.

– Чего это?

– Этот фокус а-ля Гудини, да? Ты не просто привлекла к нам внимание. Ты обвела нас красным кружком, поставила стрелочку и надписала: «Они тут». В следующий раз захвати мариачи-бэнд.

Она надулась и принялась крутить радио.

– В эту самую минуту Каннингэм звонит Александриным родным – может, Кордове лично – и говорит, что репортер по имени Скотт Макгрэт и белая флоридская поселенка разнюхивают историю болезни его дочери. Все мои надежды сохранить расследование в тайне пошли прахом – за что спасибо тебе, *Бернстайн*. И кстати, о твоём актерском мастерстве. Не знаю, может, тебя не оповестили, но дело жизни тебе надо срочно менять.

Я глянул в зеркало заднего вида. Позади возник синий «линкольн» – на передних сиденьях безошибочно различались шкафы в форме сотрудников охраны.

– А теперь еще у нас на хвосте Мумбо и Юмбо, – бурк-

нул я.

Нора в возбуждении обернулась. Девчонка деликатна, как полуприцеп с негабаритным грузом.

Мы слетели с холма и свернули за рощицу. От поворота до момента, когда снова появился синий седан, я насчитал пятнадцать секунд. Дал по газам и одолел следующий поворот.

– Небось, я про Сандру узнала больше тебя, – объявила Нора.

– Да ну? И что же ты узнала?

Она лишь пожала плечами и улыбнулась.

– Ни фиги. Я так и думал.

Мы опять свернули; на пересечении со служебной грунтовой дорога выпрямлялась. Я притормозил на знаке «Стоп», потом нажал было на газ, но тут Нора заорала.

Справа вниз по крутому лесистому склону летела та самая женщина – рыжая медсестра. На дорогу она выскочила прямо перед машиной.

Я вдарил по тормозам.

Она рухнула на капот, разметав рыжие волосы. На ужасное мгновение я решил, что она пострадала, но она выпрямилась, обежала машину и лицом почти вплотную придвинулась к моему окну.

Веснушки, покрасневшие карие глаза, в глазах отчаяние.

– Морган Деволль! – прокричала она. – Найдите его. Он вам расскажет.

– Что?

– Морган. Девольт!

Она бегом обогнула машину, выскочила на обочину и кинулась вверх по склону, и тут позади возник синий седан.

Лихорадочно, на четвереньках, она взбиралась по крутизне, оскальзываясь в грязи и листве. Добралась до вершины, запахнула кардиган, посмотрела на нас сверху.

Охрана подобралась вплотную и забибикала.

Они ее не заметили.

Я снял ногу с тормоза и, все еще в дурмане потрясения, покатил дальше. На следующем повороте я разглядел в зеркало, что женщина так и стоит на холме и ветер швыряет шелюру ей в лицо, пятная его рыжими кляксами.

18

Каменноликий охранник открыл электронные ворота, и мы шмыгнули на волю, а «линкольн» развернулся и направился обратно в клинику.

– Мать честная, – выдохнула Нора, прижав ладонь к груди.

– Как, она сказала, имя? – спросил я.

– Морган Девольт?

– Запиши. Де-вольт.

Нора судорожно порылась в сумочке, нашла ручку, скусила колпачок и нацарапала имя на тыльной стороне кисти.

– Я ее видела, когда мы были в службе безопасности, –

сказала Нора. – И она прошла мимо, когда нас выводили. Она хотела поговорить.

– На то похоже.

– Чё творится? – хрипло пробубнили с заднего сиденья.

Хоппер проснулся и теперь зевал. Потер глаза, без удивления посмотрел, как за окном течет сельский пейзаж.

Я отдал Норе свой телефон.

– Погугли «Морган Девольт» и «Нью-Йорк». Расскажешь, что найдешь.

Прошло несколько минут – связь мерцала.

– Толком ничего, – сказала Нора. – Только генеалогический сайт какой-то. Морган Девольт жил в Швеции в тысяча восемьсот тридцать шестом году. У него был сын Генрик.

– И все?

– Имя встречается на сайте «Грешные гольфики».

Мимо пронёсся указатель. «Биг-Индиан, 5».

– Это мы где? – поинтересовался Хоппер, опуская стекло.

Развернувшись, Нора с жаром поведала, что успело произойти за последние четыре часа.

– И нас уже хотели арестовать, – рассказывала она, – но Скотт был прямо рок-звезда. Вытаскивает такой буклетик, на обложке написано: «Самый великий человек, который когда-либо жил. Об Иисусе Христе для молодежи». – Она захихикала. – Шикарно.

Нора пустилась объяснять, что приключилось с медсестрой, и тут справа я заметил «Квик-Март», дал по тормо-

зам и свернул.

– Иди, – велел я Норе, подкатив к бензоколонке и отрубив двигатель. – Спроси, нельзя ли одолжить телефонный справочник. И купи что-нибудь перекусить. – Я вручил ей двадцатку и занялся заправкой.

С заднего сиденья, потягиваясь, выполз Хоппер.

– Что выяснили про Сандру? – прохрипел он.

– Мало чего. Она была пациенткой «серебряный код» – это самый критический уровень медобслуживания.

– Но вы не узнали, что с ней было?

– Нет.

Он, кажется, хотел спросить что-то еще, но развернулся и зашагал по стоянке, на ходу вытаскивая сигареты.

Пятый час. Солнце ослабило хватку, распустило тени, подогрело и разбавило свет.

Через дорогу посреди замусоренной и заросшей лужайки стоял белый деревенский дом. На провисшем телефонном проводе сидели две черные птички – не вороны, слишком мелкие и толстые. Динькнула дверь «Квик-Марта», я обернулся и увидел старика в зеленой фланелевой рубаше и тяжелых сапогах – он направлялся к пикапу: в кузове бурая дворняжка. Старик уселся за руль, и они выехали, нацелились вправо и, рывкнув глушителем, развернулись в опасной близости от Хоппера.

Тот будто не заметил. В меланхолическом трансе взирал на дорогу, не видя несущихся мимо машин.

Может, в том и дело – он воображает, как шагнет под колеса. Он словно стоял на берегу, готовясь броситься в реку. Не драматизируй, сказал я себе. Наверное, после явления медсестры еще не рассеялась паранойя. Перед глазами так и стояло это веснушчатое лицо – взгляд тревожный, губы обветрены, окно запотеваает от дыхания, стирая девушке рот.

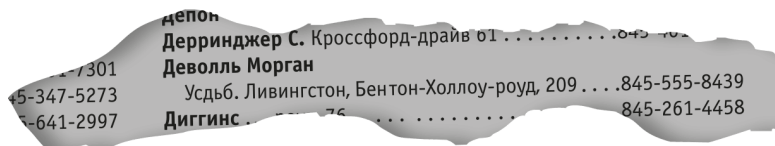
Хоппер затаился, откинул волосы с глаз, посмотрел в небо, прищурился на толстых птичек. Птички на проводе размножились. Их стало семь – семь крошечных черных нот на совершенно пустом нотном листе, где линейки и целые такты проседали, висло тянулись от столба к столбу и завивались вдаль по дороге.

Снова динькнуло, и появилась Нора с грудой кофейных стаканов, желейных конфет, кукурузных чипсов и телефонным справочником. Его она расправила на капоте.

– Я купила Хопперу кофе, – прошептала она, беспокойно в него вглядевшись и предъявив мне великанский стакан. – По-моему, ему нужен кофеин.

– По-моему, ему нужны обнимашки.

Она отставила стакан, полистала справочник.

Депон	Дерринджер С. Кроссфорд-драйв 61	845-555-8439
7301	Деволль Морган	
5-347-5273	Усдьб. Ливингстон, Бентон-Холлоу-роуд, 209	845-555-8439
5-641-2997	Диггинс	845-261-4458

– Вот он, – изумленно прошептала Нора.
Я подошел и заглянул.

19

– Следующий съезд, – сказала Нора, щурясь на телефон.
До усадьбы Ливингстон мы полтора часа тряслись по грунтовкам. Темнело, небо вылиняло до гематомной синевы. На Бентон-Холлоу-роуд не было ни уличных указателей, ни номеров домов, ни фонарей, ни даже разметки – лишь тусклые фары моей машины не столько отталкивали надвигающийся мрак, сколько нервно в нем шарили. Слева возвышалась стена сплошных кустов, колючих и непроходимых; справа простиралась черная земля – взъерошенные поля, выцветшие домики, – и только одна крылечная лампочка точкой светила в ночи.

– Вот, – взволнованно шепнула Нора, указывая на провал в живой изгороди.

На железном почтовом ящике – ни номера, ни имени.
Я свернул.

Узкая гравийная дорожка шла вверх через густые заросли – места едва хватало человеку, не говоря о машине. Дорожка забирала все круче, я жал на газ, и машина неудержимо вибрировала, словно космический челнок при попытке преодолеть звуковой барьер. Длинные тонкие ветви хлестали ветровое стекло.

Спустя где-то минуту мы вскарабкались на гребень холма. И я тотчас вдарил по тормозам.

Вдалеке, за неопрятным газоном, забившись между высоких деревьев, стоял деревянный домишко, до того обветшалый, что мы онемели.

Белая краска потрескалась и облупилась. В черепичной крыше зияла черная рана, окна чердачного этажа выбиты и обгорели до черноты. Во дворе рухнуло дерево, и возле него в палой листве валялись детские вещи – коляска, трехколесный велосипед, а в темном углу лопнувшим волдырем разъявился старый пластиковый бассейн.

Застывший в тенистом мраке дом был до того зловещ, что я машинально выключил двигатель и фары. Одинокая лампочка на веранде освещала завалившиеся набок качели и старый кондиционер. Где-то в задней комнате горела другая лампочка – прямоугольное окошко светилось плотно задернутыми мятно-зелеными шторами.

Этот человек, Морган Деволль, – он ведь совершенно лишен контекста. Мы послушались совета абсолютно незнакомой женщины, которая, если вспомнить, как она бросилась нам под колеса, не то чтобы блещет здравым умом.

Сбоку у сарая стояли пикап и старый серый «бьюик» – из кузова свесился кусок полиэтилена.

– И что? – нервно спросила Нора, куснув ноготь.

– Еще раз обсудим план, – ответил я.

– «План»? – хохотнул Хоппер, склонившись между на-

ми. – План у нас простой. Разговариваем с Морганом Дево-
лем, выясняем, что он знает. Пошли.

Я и рта не успел раскрыть, как он выбрался из машины,
грохнул дверцей и зашагал по двору. Серое шерстяное паль-
то захлопало на ветру; Хоппер шагал, пригнув голову, и по-
ходил на сумрачного персонажа из комиксов, готового обру-
шить на обитателей дома жестокую месть.

– Из мира мертвых он явно вернулся, – пробормотал я. –
Что ты ему в кофе подсыпала?

Нора возилась с дверной ручкой и не ответила – мельте-
шила она, точно младшая сестра, которая боится, что все уй-
дут вперед, а ее не подождут. Наконец она выбралась из ма-
шины и побежала за Хоппером.

Я не спешил. Пусть на разведку идут они – скромные ря-
довые, которые ищут мины до приезда *генерала*.

Слышались только их шаги – тихий хруст хвороста на па-
лой листве и траве. Может, виновата чешуя облупленной
краски, но дом смахивал на живую рептилию, что притаи-
лась в засаде за деревьями, наблюдая за нами одиноким гла-
зом горящего окна.

Где-то вдалеке гавкнула собака.

Хоппер уже добрался до крыльца, так что я тоже вышел
из машины. Он обогнул кондиционер, открыл дверную сетку
и постучал.

Никто не ответил.

Он постучал снова, подождал; ветер взметнул листву

на газоне.

Ответа по-прежнему не было. Хоппер отпустил сетку – она стукнула о косяк – и прыгнул в клумбу, где щетинились мертвые стебли и клубком свернулся садовый шланг. Прикрывшись обеими руками, Хоппер заглянул в окно.

– Кто-то дома есть, – прошептал он. – В кухне телик работает.

– Что они смотрят? – тихо спросил я.

Миновав гигантское упавшее дерево, а затем Нору, я наклонился – в траве что-то лежало ничком. Оказалось, старый плюшевый медведь.

– А что? – обернулся Хоппер.

– Пойдем, что за люди. Если хардкорное японское аниме, дела плохи. А если спецвыпуск Барбары Уолтерс²⁸...

– По-моему, повтор «Цена верна»²⁹.

– Час от часу не легче.

Хоппер на цыпочках вернулся на крыльцо и на сей раз заметил заскорузлый дверной звонок. Дважды нажал.

Внезапно торопливо защелкали замки, скрежетнула цепочка, дверь ахнула, и за сеткой появилась немолодая блондинка – мешковатые серые треники, заляпанная синяя фут-

²⁸ *Барбара Уолтерс* (р. 1929) – американская тележурналистка и ведущая, в 1976–2014 гг. сотрудничала с *ABC News* и, помимо многих других проектов, прославилась своими интервью с известными персонами, от Фиделя Кастро до Кэтрин Хепбёрн.

²⁹ «Цена верна» (*The Price Is Right*) – выходящее с 1956 г. игровое телешоу, в котором участники угадывают цену тех или иных товаров.

болка, исполосованные перекисью волосы затянуты в хвост.

– Добрый вечер, мэм, – сказал Хоппер. – Простите, что оторвали от ужина. Мы ищем Моргана Деволля.

Она подозрительно оглядела его, выгнула шею и посмотрела на меня.

– Зачем вам Морган?

– Просто поболтать, – безмятежно пожал плечами Хоппер. – Всего на пару минут. Мы из «Брайарвуда».

– Моргана нет дома, – огрызнулась женщина.

– А не знаете, когда вернется?

Она сощурилась:

– Ну-ка брысь с нашего участка, не то полицию вызову.

Она уже собралась грохнуть дверью, но тут за спиной у нее возник мужчина.

– Что случилось?

Говорил он тихо и любезно – неожиданный контраст с этой женщиной, очевидно его женой. Он был существенно ниже ее и на вид моложе, чуть за тридцать; плотный, в линялой голубой фланели, аккуратно заправленной в джинсы, рукава засучены. Темные волосы ежиком, широкое красное лицо – не уродливое, не красивое, обыкновенное. Как у миллионов прочих.

– Вы Морган Деволля? – спросил Хоппер.

– А что такое?

– «Брайарвуд».

– Свести у вас нет – сюда заявляться, – заметила женщи-

на.

– Стейс. Все в порядке.

– Больше никаких контактов. Ты же слышал, что адвокат сказал...

– Все нормально.

– Ничего не нормально...

– Давай я сам разберусь! – рывкнул он, и где-то в глубине дома разрыдался ребенок.

Женщина кинулась в темноту, напоследок одарив мужа яростным взглядом:

– Гони их в шею.

Морган – очевидно, это он и был – шагнул к нам, извиняясь улыбкой. Дитя завывало, он молча стоял за сеткой, и в эту минуту напомнил мне наш с Сэм последний визит в Бронкский зоопарк: она тогда в великом расстройстве показала на шимпанзе, что скорбно взирал на нас из-за стекла, – такая глубокая печаль, такая обреченность.

– Вы из «Брайарвуда»? – неуверенно спросил Морган.

– Не совсем, – ответил Хоппер.

– Так в чем дело-то?

Секунду Хоппер смотрел ему в глаза, а затем сказал:

– Александра.

Удивительно, как расчетливо он это произнес. Более того – хитроумно, намекая, что Александра – их общее невероятное переживание, до того памятное, что никакая фамилия не нужна. Александра – прекрасный тайный остров, сек-

ретный дом на скалистом утесе, куда заходят лишь редкие посвященные. Если Хоппер нарочно расставил эту ловушку, она сработала: в лице Моргана тотчас проступило узнавание.

Он воровато обернулся туда, где исчезла его жена. Потом с виноватой улыбкой, стараясь не шуметь, одним пальцем толкнул сетчатую дверь.

– На улице поговорим, – шепнул он.

20

Мы последовали за Морганом Деволлем на край двора, где под густыми деревьями стоял детский бассейн с черной водой, усыпанной листьями. Ребенок не замолкал, но поодаль от дома ветер смягчал плач, размывал его, укутывал в складки холодной ночной дрожи.

– Как вы меня нашли? – весьма понуро спросил Морган, заложив большие пальцы в карманы джинсов.

– Через медсестру в «Брайарвуде», – ответил Хоппер.

– Которую?

– Она не представилась, – сказал я. – Молодая. Рыжие волосы, веснушки.

Он кивнул:

– Женевьева Уилсон.

– Вы с ней дружите?

– Не особо. Но я слышал, она подняла вонь до небес в администрации, когда меня выперли.

– Вы работали в «Брайарвуде»?

Он опять кивнул.

– Чем занимались?

– Служба безопасности.

– Долго?

– Лет семь. А до того – в Вудбёрне то же самое. В «Брайарвуде» уже нацелился на повышение. Думал, буду замначальника. – Он грустно улыбнулся, посмотрел мимо меня на свой дом – озадаченно, точно не узнавал его или не помнил, с чего вдруг тут поселился. – Вы вообще кто?

– Частные детективы, – не в силах скрыть восторга, ответила Нора.

Сэм Спейд только что перевернулся в гробу.³⁰ Я был уверен, что Морган враз раскусит нашу прозрачную ложь, но тот лишь кивнул.

– Кто вас нанял? – серьезно спросил он. – Ее семья?

В смысле – семья Александры.

– Мы в свободном полете, – ответил я.

– Можно все строго между нами, – вставила Нора.

Он и это проглотил; посмотрел на черную воду в бассейне. Похоже, решил я, ему все равно, кто мы. Порой людей так тяготит тайна, что они готовы выдать ее за здорово живешь

³⁰ Сэм Спейд только что перевернулся в гробу. – Сэм Спейд – крутой частный детектив из Сан-Франциско, персонаж романа «Мальтийский сокол» (*The Maltese Falcon*, 1929) и трех рассказов американского писателя Дэшила Хэмметта; в самой известной экранизации романа, поставленной Джоном Хьюстоном в 1941 г., Сэма Спейда сыграл Хамфри Богарт.

первому, кто готов выслушать.

– Стейс не в курсе, – сказал он. – Думает, меня уволили, потому что мы адвентисты, а в «Брайарвуде» про это узнали.

– Так оно и останется, – сказал Хоппер. – Как вы познакомились с Сандрой?

Но Морган не слушал. Увидел что-то в бассейне и отвлекся. Нахмурившись, отошел, подобрал ветку, сунул в воду и поворошил гниющие листья и грязь.

Со дна всплыло что-то громоздкое. Морган подцепил его веткой и подтащил к себе.

Может, зверек утоп, подумал я. Белка, опоссум. Нора тоже сделала такой вывод и смотрела на меня в горестном ужасе. Морган сунул руку в воду и выволок мокрого утопленника.

Оказалось, пластмассовая кукла-голыш.

У куклы не хватало глаза и половины волос, в остатках желтой шевелюры застряла листва. С куклы текла почерневшая вода, и однако она улыбалась, как маньяк, раздувая щеки. Белое сборчатое платье в черных пятнах, по шее отвратительными ростками цветной капусты расползся какой-то грибок. Пухлые ручки тянулись в пустоту.

– За последние недели я весь дом перевернул, пока ее искал, – пробубнил Морган, тряся головой. – Дочка плакала три дня, что кукла потерялась. Так и не нашел. Как будто кукле все обрыдло, и она слиняла из дома куда подальше. Ну, я посадил дочь перед собой – так, мол, и так, кукла умер-

ла, поселилась с Господом на небесах. А она была тут, знает.

Он усмехнулся над иронией судьбы – напряженный, раздраженный смешок.

– Как Сандра выбралась из «Брайарвуда»? – спросил Хоппер и глянул на меня со значением – дескать, с мужиком что-то не то.

– Со мной, – просто ответил Морган, не отводя глаз от куклы.

Хоппер кивнул, подождал развития истории. Развития не последовало.

– Но как? – тихо повторил Хоппер.

Будто вспомнив, что мы еще здесь, Морган поднял глаза и грустно улыбнулся:

– Забавно. Одна ночь меняет всю твою жизнь, а начинается как все ночи.

Куклу он держал за ногу – платье задралось ей на голову, открыв кружевные трусы, и истекало чернотой в траву.

– Я подменял друга, – сказал Морган. – В ночную смену. Стейс ненавидела, когда я ночами работал, а мне нравилось на мониторы смотреть. Работенка – не бей лежачего. Сижу один в задней комнате. Пациенты спят, в коридорах ни души, тихо. Ты как будто последний живой человек на земле. – Он откашлялся. – Было часа три ночи. Я особо не следил. Журналы читал. Не положено, но я миллион раз так делал. Ничего же не происходит. Никогда ничего, только медсест-

ры «красные коды» проверяют.

– Что такое «красные коды»? – спросил я.

– Пациенты с суицидными наклонностями.

– А «серебряный код»? – спросил Хоппер.

– Этих держат отдельно – они могут повредить себе и другим. Я дежурил всю ночь. Все как обычно. Тишина. Ли-стаю журнал, поднимаю голову и вдруг вижу что-то странное. Музыкальная комната на втором этаже в «Страффене». Там кто-то *есть*. И тут раз – монитор переключился. Видео переключается каждые десять секунд. Можно вернуться, посмотреть в реальном времени. Я возвращаюсь, включаю музыкальную комнату. А там девушка. Пациентка – в белой пижаме, как положено. Сидит за пианино. Камера высоко, в углу, я смотрю сверху, ей через плечо. Вижу только, как худые руки бегают по клавишам, темная коса. Никогда прежде эту девицу не видел. Я в основном днем работаю. Со временем пациентов узнаёшь. Ну, включаю звук, увеличиваю громкость...

Он умолк, ладонью огладил макушку, словно сам не верил тому, что сейчас скажет.

– Что? – спросил я.

– Перепугался я.

– Почему?

– Похоже на запись. В основном пациенты на пианино «Сердце и душу»³¹ тарабанят. Я сначала подумал, она этот,

³¹ «Сердце и душа» («Heart and Soul», 1938) – песня Хоуги Кармайка на сти-

полтер... э...

– Полтергейст, – с готовностью подсказала Нора.

– Ну да. Ненастоящая. И играет так яростно, голову опустила, руки мелькают. Потом я решил, что у меня крыша поехала. Вижу странное. Хочу тревогу поднять, но что-то меня удерживает. Она доигрывает, начинает новое, я оглянуться не успел, а уже целых полчаса прошло, потом еще полчаса, а у меня палец все лежит на кнопке – сигнализировать про нарушение режима. Потом она доигрывает и долго-долго просто сидит. А потом очень медленно поднимает голову. Я вижу ее только сбоку, но она как будто...

Он умолк и нервно передернулся.

– Как будто что? – спросил Хоппер.

– Она знала, что я смотрю.

– В смысле? – спросил я.

Он серьезно посмотрел мне в лицо:

– Она меня видела.

– Видела камеру на потолке?

– Не просто камеру. Она встала, а у двери обернулась и улыбнулась прямо мне. – Он недоуменно помолчал, вспоминая. – Я ничего подобного в жизни не встречал. Темноволосый ангел. Выскользнула за дверь. Я за ней проследил. Смотрел, как она идет по коридору, потом наружу. Очень

хи Фрэнка Лессера, записанная, помимо прочих, американской вокальной группой *The Clefones* (1961), калифорнийским сёрф-дуэтом «Джен и Дин» (1961), а также Кристал Гейл.

быстро. Сложно уследить с разных камер. Я видел, как она идет по дорожкам до самого «Модсли». Думал, ее просто обязаны засечь, но она вошла, а на посту никого.

Он растерянно потряс головой.

– Она вбегает внутрь, вверх по черной лестнице, и так несется – как будто вообще не касается земли. Поднимается на третий этаж, мчится в палату. И это тоже невероятно. Она же «серебряный код», при ней медсестра должна дежурить круглосуточно. Я все смотрю. Через двадцать минут вижу охранника и дежурную медсестру с третьего этажа. Поднимаются из подвала, у обоих улыбки до ушей, и я смеаю, что они не постирушку там затеяли. У них романчик. А девушка узнала. – Он помолчал, вытер нос. – Первым делом я уничтожил записи. Их и так никто не проверяет. Если тревоги не было. Но я все равно уничтожил, на всякий случай. Наутро попросил, чтоб меня ставили в ночные смены.

– Это зачем? – не без упрека осведомился Хоппер.

– Должен был снова ее увидеть. – Морган застенчиво пожал плечами. – Она каждую ночь ходила на пианино играть. А я смотрел. Музыка... – Он как будто не мог подобрать слово. – На небесах такое слышишь, если повезло туда попасть. И всю дорогу она на меня внимания не обращала, только *смотрела* под конец. – Морган улыбнулся себе под ноги. – Я хотел узнать, кто она. К историям болезней допуска не было. Ну и наплевать. Я должен был выяснить.

– И что выяснилось? – спросил я.

– Она боялась темноты. Как-то это называется – никла... забыл.

– Никтофобия? – выпалила Нора.

– Точно. Я про это почитал. Такие люди в темноте сходят с ума. Тремор. Судороги. Им кажется, они тонут и умирают. Иногда в обморок падают. Или кончают с собой...

– Погодите, – перебил я. – А Александра разве не в темноте была, когда вы через камеру смотрели?

Морган потряс головой:

– В «Брайарвуде» свет всю ночь. Дорожки и центральный газон освещены для безопасности. В корпусах лампочки с детекторами движения, экономные, и они зажигались, когда она проходила. Иногда с задержкой. Я замечал, она ждет, пока зажжется свет, а потом идет дальше. Снаружи ходила только по светлой стороне дорожек. Не наступала в тень, будто боялась растаять. Очень старательно тени огибала.

Я нахмурился, пытаюсь вообразить такую манеру ходьбы – скачки по кляксам света. Припомнил подъем через «Висячие сады» на крышу пакгауза в Чайнатауне, – может, слабого света хватало до самого верха? Но у водохранилища в Центральном парке, где Александра в красном пальто мелькала под фонарями, в основном стояла непроглядная тьма.

– И еще, – продолжал Морган, – ее лечащий врач оповестила весь персонал, что Александре запрещено играть на пианино. Мол, это провоцирует маниакальные эпизоды. Разослала служебную записку, а следующей же ночью я впер-

вые Александру и увидел. Она как будто не могла не играть. Ни на что невзирая. – Он помолчал. – На восьмую ночь, уже уходя, она что-то вынула из кармана и на секунду задержалась у пианино. Все очень быстро случилось. Я даже не понял, что увидел-то. Перемотал запись – оказалось, она в пианино что-то засунула. Я дождался конца смены, пошел в «Страффен», в музыкальную комнату. Там еще чувствовался ее запах, присутствие. Духи и тепло, что ли. Я подошел к пианино, заглянул под крышку. Между струн бумажка. Я забрал, но прочел уже в машине.

Он опять умолк, явно смущаясь.

– И что там было? – спросил я.

– Морган!

Грохнула сетчатая дверь.

– Ты чего тут торчишь до сих пор?

На крыльце под лампочкой, прижимая к груди ребенка и ладонью прикрывая глаза, стояла Стейс. Следом вышел еще один ребенок, девочка лет четырех в белой ночнушке – кажется, с вишенками.

– Они что, еще не уехали?!

– Все нормально! – крикнул Морган. Потом шепнул нам: – Езжайте по дорожке, подождите меня, хорошо? – и заспешил по газону.

– О боже мой. Я же сказала, гони их в шею!

– Они из кадров. Проводят опрос. Зато смотри, что я нашел.

– Но нам нельзя... это что еще такое?

– Лялька. Я ее из бассейна спас.

– Ты что, рехнулся?

Девочка заорала – поскольку, несомненно, взглянула *на эту куклу*. Нора и Хоппер уже шагали по траве. Я пошел за ними, и мы сели в машину. Чета Деволль возвратилась в дом, однако ветер еще доносил к нам их крики.

21

– Морган влюбился в Сандру, – сказала Нора. – Это же очевидно.

– И ты можешь его упрекнуть? – спросил я. – У него в женах *Оно*. Не пропусти аллюзию на Стивена Кинга.

– Маньяк он, и все дела, – сказал Хоппер.

Я повернулся к нему:

– А ты помнишь, чтобы в «Шести серебряных озерах» у Александры была никтофобия?

Прожигая меня взглядом, он выдул сигаретный дым в окно.

– Ни фиги.

Мы остановились на повороте и сидели здесь уже сорок пять минут. Не считая наших фар, освещавших неприметную дорогу, петлявшую впереди в густом кустарнике, вокруг стояла кромешная, абсолютно пустая тьма. Ветер крепчал. Настоячиво свистел, оглаживая машину по бокам, и в вет-

ровое стекло нервно постукивали ветви.

— Он, наверное, не придет, — вполголоса заметил я. — Стейс надела на мужика ошейник, отвела назад в подвал и посадила в клетку.

— Ну, она не настолько ужасная, — возразила Нора, пронзив меня взглядом.

— Позволь судить мне как единственному среди нас, кто побывал на темной стороне брака и выжил. Она ужасна. И по сравнению с ней моя бывшая жена — просто мать Тереза.

— Он придет, — буркнул Хоппер. — Иначе никак.

— Почему?

— Ему до смерти охота о ней поговорить.

Он затушил сигарету на стекле и выкинул окуроч.

Тут Нора ахнула — в свет фар выступил Морган.

Не знаю, как мы умудрились не услышать его шагов. Как-то странно он выглядел — стоял в своей линялой фланелевой рубашке, неловко моргая и застенчиво потупившись. Поначалу никто ни слова не произнес. Что-то не так. Но Хоппер и Нора уже отпирали дверцы и вылезали из машины. Я еще обождал, разглядывая мужика. Это внезапное бледное видение как будто смушалось — или даже обиделось.

Я вылез, не выключив фары.

— У меня пять минут, — нервно сообщил Морган. — Не то Стейс достанет дробовик.

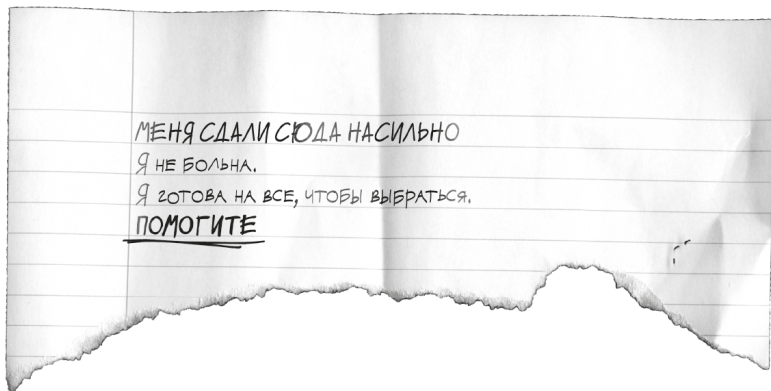
Видимо, это была шутка. Впрочем, говорил он пугающе

серьезно.

Хлопая глазами, он протянул нам сложенную бумажку.

Хоппер выхватил ее, подозрительно покосился на Моргана и в свете фар развернул. С непроницаемой гримасой прочел, передал Норе, та глянула, распахнув глаза, и протянула мне.

Листок, выданный из линованного блокнота.

– Три недели планировал, – сказал Морган. – Решил, подменю видеозаписи. Поставлю старые вместо тех, что в реальном времени. Тайм-коды не совпадут, но никто ж не проверяет. Сходил в гардероб, где вещи пациентов до выписки хранят, забрал ее одежду, сложил дома в коробку. У нее было только красно-черное пальто. Очень модное.

– И все? – спросил я, отметив, как странно, старательно

он это выговорил. Я поневоле вообразил, как он беззвучно выскальзывал из постели среди ночи, пока Стейс спала, прокрадывался в темный подвал, открывал картонную коробку, смотрел на красное пальто – то самое пальто.

– Ага, – сказал он. – Все.

– А мобильный? Сумка?

Он покачал головой:

– Не-а.

– А остальная одежда?

– Ничего. У нее, понимаете, отец знаменитый. В Голливуде кино снимает. Я решил, ей захочется красивых тряпок. Оставил записку, спросил размеры. Потом взял отгул, съездил в Либерти, купил джинсы какие-то, черные ботинки и красивую черную футболку с ангелом.

В этой одежде Александра и умерла.

– Когда все разрулил, – продолжал Морган, – сходил в музыкальную комнату, оставил записку между струн в пианино, где она мне оставляла. Мол, когда будет готова, пускай сыграет «Вспыхни, звездочка, мигни»³². Это мне будет зеленый свет. Прямо на следующую ночь я приду за ней в два часа, пока медсестра с охранником кувыркаются в бойлерной.

– Почему именно эту песню? – спросил я.

– Александра ее прежде играла, – улыбнулся он. –

³² «Вспыхни, звездочка, мигни» («Twinkle Twinkle Little Star», 1806) – стихотворение английской поэтессы Джейн Тейлор (1783–1824), популярная детская песенка на мелодию французской песни «Ах, расскажу я, мама» («Ah! vous dirai-je, Maman», 1761).

Как услышу – вспоминаю ее. В ту ночь Стейс загрела в больницу на постельный режим. Пришлось перейти на дневные смены. Александру не видел неделю. Боялся, что она сыграла, а я пропустил. Но в первую же мою ночную смену она прибежала в музыкальную комнату, и я записывал, не знал, сыграет ли. А она *сыграла*. Прямо под конец. То есть все по плану.

Морган посмотрел на нас – в глазках мерцал свет. Вспоминая, он снова оживился.

– На следующую ночь, где-то около часу, я поставил старые видеозаписи. Сказал дежурному на въезде, что у Стейс опять тревога по беременности и мне надо срочно домой. Пошел в «Модсли», думал, придется просачиваться в палату. А Александра уже стоит у дверей в этой своей белой пижаме, ждет. Сердце у меня колотится как ненормальное. Дергаюсь, как школьник, потому что, ну, я же впервые ее вижу во плоти. А она берет меня за руку, и мы бежим по газону, вот так запросто. – Он застенчиво ухмыльнулся. – Как будто *она* вела *меня*. Как будто это *она* все спланировала. Я открыл багажник, она туда забралась, и мы уехали.

– В багажнике же темно? – спросила Нора. – Если у Александры никтофобия, она бы туда не полезла.

Морган гордо улыбнулся:

– Я все предусмотрел. Положил ей два фонарика, чтоб не боялась.

– А на воротах вас не остановили? – спросил я.

– Остановили, конечно. Но я сказал, что жена опять заболела, и меня пропустили. Как только выехали, я остановился, Александра вылезла из багажника. Я привез ее сюда – душ принять, переодеться. И дочку спать уложил. Стейс еще не выписали, за ребенком соседка приглядывала. Я спросил Александру, куда она хочет дальше, а она сказала, что на станцию, потому что ей надо в Нью-Йорк.

– Она сказала зачем? – спросил я.

– Я так понял, встретиться с кем-то.

– С кем? – встрял Хоппер.

– Не знаю. Она застенчивая была. Молчаливая. Только смотрела на меня. Но дочка моя, Мелли, ей понравилась. Почитала ей на ночь, пока я Стейс в больницу звонил.

– А куда именно в Нью-Йорк она ехала? – спросил я.

– «Уолфорд-Тауэрс»? Что-то такое.

– Это она вам сказала?

Он виновато потупился:

– Нет. Она попросилась к компьютеру. Пока была в ванной, я проверил в браузере, куда она заходила. На сайт отеля какого-то на Парк-авеню.

– «Уолдорф-Тауэрс»? – предположил я.

Морган кивнул:

– Вроде похоже. Она оделась, нацепила это красное пальто, и я в жизни никого красивее не встречал. Повез ее на станцию. Добрались часа в четыре утра. Я дал ей денег каких-то, оставил в машине, а сам пошел добывать два би-

лета до Гранд-Сентрал.

– Два билета? – переспросил я.

Он сконфуженно кивнул.

– Вы хотели уехать с ней.

Он опять потупился:

– Сейчас-то сам понимаю, что бред. Но я романтик. Думал, мы вместе уедем. Она все время мне улыбалась. Но когда я вернулся к машине с билетами, ее уже не было. Я видел, как подъехал поезд. Выбежал на платформу, а двери уже закрылись. Я бегу, в вагоны заглядываю, мне дурно уже, а потом я ее нашел. Сидела прямо у окна. Я постучал. А она медленно так повернулась, посмотрела на меня. До конца жизни этот взгляд не забуду.

Он помолчал, ссутулился.

– Она меня не узнала.

Он с дрожью выдохнул.

– И вскоре вас уволили? – тихо спросил я.

Он кивнул:

– Как выяснилось, что Александра пропала, меня сразу вычислили.

– Когда вам стало известно, что она умерла?

Он прикрыл глаза:

– Президент клиники меня вызвал.

– Аллан Каннингэм?

– Он самый. Сказал, что по закону мне ничего не будет, если дам подписку о неразглашении, заявлю, что действовал

один, и никогда, ни за что на свете никому не расскажу...

– Морган!!!

Опять Стейс. Перепугала нас всех – мало того что голос пронзительный, так еще и совсем близко. Мы не видели ее, но по темной гравийной дороге к нам приближались тяжелые шаги.

– Морган! Они что, еще не уехали?

– Лучше сматывайтесь, – прошипел Морган.

Я оглянуться не успел, как он вырвал у меня из рук бумажку и помчался назад по дороге.

Я кинулся за ним:

– Записка – мы бы хотели оставить...

Но он улепетывал с отменным проворством. Я едва за ним поспевал.

На гребне холма возникла Стейс. Я застыл. Дробовиком она не размахивала – что ужаснее, она размахивала детьми. На руках у нее лежал полуголый младенец, а за руку, посаывая палец, держалась девчонка в ночнушке.

– Они уезжают, – сказал Морган. – Не поняли, как до шоссе добраться.

Он обнял ее за плечи, что-то еще сказал и повел семейство в дом, на ходу запихивая бумажку в задний карман.

Вот черт. Я хотел забрать записку, сравнить почерк с тем, что на конверте с обезьяной.

Деволли скрылись, но я слышал, как они шуршат листвой. Стейс невнятно огрызалась, младенец хныкал.

Я развернулся и зашагал по гравию туда, где в луче фар меня ждали Хоппер и Нора. Не успел я сделать и десяти шагов, позади покатился камешек.

Я вздрогнул, обернулся и обнаружил, что не один.

За мной шла девчонка в ночнушке.

Лицо во тьме – точно камень, глаза – черные провалы.

Шла она босиком. Белизна ночной рубашки сияла лиловым; вишенки походили на звенья цепей и колючую проволоку. Приглядевшись, я заметил, что на сгибе локтя она несет гнилую утопленницу *Ляльку*.

Сначала накатило отвращение, затем острое желание бежать со всех ног.

Девочка вытянула руку. По спине у меня побежали мурашки.

Она целилась в меня взглядом, крепко сжимая в кулачке что-то черное и блестящее. Не поймешь что, но похоже на пупса.

Не успел я сообразить, что творится, она развернулась, бросилась назад по дороге и белым вихрем исчезла за гребнем.

Я постоял, озирая пустоту холма, отчего-то предчувствуя, что девочка вернется.

Она не вернулась. И стояла поразительная тишина.

Ни намек на карканье Стейс, ни младенческого хныканья, ни шагов, ни скрипа сетчатой двери, ни грохота – ничего, только ветер распахивал кусты.

Даже далекая собака заткнулась.

Я потрусил к машине.

– Что такое? – спросил Хоппер.

– Девчонка его за мной увязалась.

Мы сели в машину и вскоре уже мчались назад по Бентон-Холлоу-роуд. Хоппер и Нора помалкивали, но я подозревал, что и они вздохнули с облегчением, едва расстояние между нами и Деволлями стало ощутимо расти.

22

– Вот что бывает от неправильной жены, – сказал я. – Жена создает мужчине обстановку. Чуть оступися – и до скончания дней своих из пластмассовых колонок слушаешь на повторе гундосый мюзак Майкла Болтона³³. Потому что надо включать мозги. Конечно, мужик хотел слинять. Я его не виню.

– Он дебил и лузер, – отозвался Хоппер с заднего сиденья.

– И так тоже можно сказать.

Мы мчались по Нью-Джерсийской, обсуждая Моргана Деволля и все, что узнали про Александру в «Брайарвуде»; еще несколько минут – и Нью-Йорк.

Все-таки прекрасен этот город: пусть ты провел несколько

³³ ...гундосый мюзак Майкла Болтона. – Майкл Болтон (Майкл Болотин, р. 1953) – американский автор-исполнитель, в основном проникновенных рок-баллад.

нервных часов в сельском пейзаже, среди медсестер, которые бросаются тебе под колеса, и диковых семей, но Манхэттен все ближе, ты смотришь на ошетилившийся городской силуэт – а затем на мужика, который только что подрезал тебя на «ниссане», извергающем техано-польку на максимальной громкости, – и понимаешь, что мир по-прежнему хорош.

– Сандра ему играла, – продолжал Хоппер, не отводя взгляда от телефона, жужжащего сообщениями. – Понимала, что кто-то смотрит. Решила, что этот неизвестный кто-то и поможет ей сбежать.

– А страх темноты? – спросил я, покосившись на Нору. – И кстати. Откуда ты слово-то знала? Никтофобия?

Нора распустила длинные косы и теперь рассеянно глядела в окно, распутывая кончики.

– Терра-Эрмоса, – ответила она. – На втором этаже жил такой господин, Эд. Читал списки фобий и хвастался, какие у него есть. Никтофобии не было. Зато была автоматонофобия.

– А это что?

– Боязнь чревовещательских кукол. И вообще восковых лиц. Сходил посмотреть «Аватар» – так его потом госпитализировали.

– В Верхний Ист-Сайд ему лучше не соваться.

– Это все фигня, – сказал Хоппер, смахивая челку с глаз. – Сандра не боялась темноты. Небось, прикидывалась, чтоб врачи лишний раз не трогали.

– А как она смотрела на Моргана из поезда? – сказала Нора. – Может, правда не узнала. Может, у нее амнезия, потеря кратковременной памяти какая-нибудь.

– Да нет, – возразил Хоппер. – Он свою задачу выполнил, она умыла руки. Все.

– Меня одно беспокоит, – сказала Нора.

– *Только одно?* – переспросил я.

– Морган сказал, Сандра читала его дочери на ночь.

– И что?

– Не станешь ведь незнакомого человека, которого только что спас из психушки, пускать к ребенку, правда?

– Ну, звание отца года Моргану явно *не светит*. А невеста Чаки, которую он из бассейна выудил? *Лялька*. Не говоря уж об этой козявке, которая увязалась за мной. Когда вырастет, я б ей рекомендовал подольше погостить в «Брайарвуде».

Нора склонила голову набок:

– Вы как думаете, он же не обидел Сандру? Когда привез домой переодеться – он так рассказывал, меня аж мороз подирал.

– Он и пальцем ее не тронул, – вмешался Хоппер.

– А ты откуда знаешь? – обернулась к нему Нора.

– Иначе он был бы мигом серьезно покалечен.

Вздвогнув от его тона, я глянул в зеркало заднего вида. Хоппер смотрел в окно, по лицу скользили огни машин. За последние часы я уверился, что его знакомство с Александрой – *Сандрой* – существенно глубже, нежели якобы слу-

чайное пересечение многолетней давности. Хоппер знал ее лучше, чем утверждал, либо пристально наблюдал за ней – может, издали, как Деволль. Подмывало надавить – пусть признает, что рассказал не все, – но я решил обождать. Хоппер, небось, только и будет что сверкать глазами и огрызаться, а пользы выйдет ноль.

Я глянул на приборную доску – на часах 21:42.

– Ну, где вас посадить?

Нора обернулась ко мне:

– Мы еще не закончили. Теперь в этот «Уолдорф», – может, там кто-то видел Сандру. Морган сказал, она ехала туда. Нам тоже надо.

– Пристойный план, – буркнул Хоппер, встретившись со мной взглядом в зеркале.

– Не без натяжки, – сказал я. – Но ладно. Давайте проверим.

23

Как и большинство ньюйоркцев, «Уолдорф-Асторию» я старательно избегал. Он у нас – как очень богатая, очень грузная и, по счастью, очень дальняя родственница, двоюродная бабка с тремя лишними подбородками, вся в тафте и с таким командирским нравом, что с ней даже не надо видаться, достаточно услышать ее – и общения хватает на ближайшие пятнадцать лет.

Но если вознамеришься проникнуть в вестибюль сквозь вращающиеся двери ар-деко, мимо бизнесменов из Милуоки и унитариянской делегации, сделаешь передышку, а затем пробьешься сквозь толпу вверх по устланной ковром лестнице, минуешь очередь в «Старбакс» и женщину, которая катит чемодан прямо по твоим туфлям, – на тебя тотчас обрушится раздутая роскошь. Сводчатые потолки. Пальмы. Позолоченные часы. Мрамор. Если в отеле имеет место свадебный прием – а свадебный прием, как правило, имеет место, жених и невеста, Бобби и Марси из Мэссепикве, *Ложно-Айленд*, – вестибюль пульсирует, как школьная дискотека в спортзале.

Следом за мной Хоппер и Нора одолели вестибюль, увернувшись от большого семейства в одинаковых свитерах «Ред Сокс», и добрались до скромной деревянной двери. Золотая табличка гласила: «Уолдорф-Тауэрс» – очень деликатно, чтоб никто и не заметил.

Мы прошагали по коридору и вошли в лифт.

– Ты тут все знаешь, – отметила Нора, когда я нажал «Ж». Это, увы, правда.

«Уолдорф-Астория» – обманка, отвлекающая публику от крыла, где останавливались солидные люди, от эксклюзивного «Уолдорф-Тауэрс», любимого отеля президентов, герцога и герцогини Виндзорских, саудовских принцев и всевозможных деловых транжир с Уолл-стрит, назначающих здесь свидания любовницам. Как ни прискорбно, при-

мерно в этом ключе познал отель и я.

Я этим не горжусь – и уж точно никому не рекомендую, – но вскоре после развода я пережил полугодовой ад, вляпавшись в роман с замужней женщиной. И встречался я с нею в «Уолдорф-Тауэрс» целых шестнадцать раз – впрочем, лишь после того, как она принялась по электронной почте слать мне отзывы (тоном недовольного мною начальства) о первой гостинице, которую я выбрал для наших забав, гостинице, которую я мог себе позволить, – обычном «Фицпатрик-Манхэттене» на Лексингтон, преданной клиентуре известном под названием «Фиц», – мол, расположен слишком близко к ее офису, в номерах темновато, простыни воняют, а портье странно посмотрел, когда спросил, надо ли занести багаж в номер, а она объявила, что багажа у нее нет и в номере она пробудет всего сорок пять минут.

Лифт выплюнул нас в вестибюль «Уолдорф-Тауэрс» – небольшой, изысканный и совершенно пустой.

Мы направились за угол к стойке портье, где одиноко торчал юнец родом с Ближнего Востока. Был он высок, узкоплеч и темноглаз. На бирке значилось имя: «Хашим».

Я лаконично представился.

– Мы надеемся, вы нам поможете, – добавил я. – Мы ищем сведения о пропавшей женщине. И думаем, что в последний месяц она появлялась здесь.

Он, похоже, заинтересовался. И, по счастью, не выразил желания позвать управляющего.

– Не глянете на фотографию? – спросил я.

– Конечно. – Бодрая и доброжелательная речь позолочена британским акцентом.

Из внутреннего кармана куртки я извлек сообщение о пропаже Александры, свернул так, чтобы видно было только фотографию, и показал ему.

– Когда она здесь появлялась? – спросил Хашим.

– Несколько недель назад.

Он вернул мне фотографию.

– Простите. Никогда ее не видел. По фотографии, конечно, трудно сказать. Если хотите, я сделаю копию и повешу в конторе, – может, кто еще из сотрудников видел или вспомнит.

– Ничего из ряда вон не случилось?

– Ничего.

– А камеры в вестибюле у вас есть?

– Камеры есть. Но вам понадобится ордер. Вы же, надо думать, сообщили в полицию?

Я кивнул, и Хашим улыбкой транслировал мне бесконечное пятизвездочное сожаление о том, что больше ничем не может быть полезен, а нам уже пора.

– Она была вот в этом, – сказала Нора, извлекла из пакета красное пальто и комом водрузила на обитую кожей стойку.

Хашим посмотрел, хотел было мотнуть головой, но что-то его остановило.

– Вы узнаёте эту вещь, – заметил я.

Он озадаченно разглядывал пальто.

– Нет. Просто одна горничная сообщила об инциденте. Некоторое время назад. По-моему, речь шла о человеке в красном пальто. Я запомнил, потому что сегодня утром вопрос возник опять. Та же горничная отказалась прибираться на одном этаже. Вышло затруднение – мы сейчас забиты под завязку.

Подняв голову, Хашим обнаружил, что мы втроем напряженно подались к нему через стойку, и в тревоге попятился.

– Может, оставите телефон, и управляющий с вами свяжется?

– На управляющего нет времени, – сказал Хоппер и придвинулся еще ближе, оттолкнув Нору. – Человек пропал, каждая минута на счету. Нам нужно поговорить с горничной. Я понимаю, вам придется обойти пару-тройку правил, но... – И он улыбнулся. – Мы были бы признательны.

Это я еще в машине предложил говорить, что Александра не умерла, а пропала: по моему опыту, пропавшие люди эффективнее провоцируют спешку и готовность помочь. Стратегия оказалась выигрышной. Или Хашима пробила и ошпарила внешность Хоппера: портье на него как-то загляделся. В лице кратко мелькнуло откровенное желание – неопровержимое, как нефтяной танкер, что подмигивает встречному судну. Хашим взял телефонную трубку, зажал ее плечом и натывал номер.

– Сара. Хашим, портье. Гвадалупе Санчес. Пару недель

назад сообщила об инциденте. Там же было что-то про красное пальто? Вроде как... ага. – Послушал. – Она сегодня еще дежурит? – Еще послушал. – Двадцать девятый. Отлично, спасибо.

И дал отбой.

– Пойдемте, – сказал он, скупно улыбнувшись Хопперу.

24

В лифте Хашим вставил в слот белую карточку и нажал «29».

Поднимались молча. Хашим изредка косился на Хоппера, тот пялился на свои «конверсы». Уж не знаю, о чем они безмолвно переговаривались, но успех был достигнут: когда двери открылись, Хашим выскочил первым и бодро зашагал по кремовому коридору.

В конце припарковалась тележка горничной – туда мы и направились. Нора подзадержалась: ее заворожили черно-белые фотографии по стенам, портреты Фрэнка Синатры и королевы Елизаветы.

Хашим решительно постучал в приоткрытую дверь с табличкой «29F»:

– Мисс Санчес?

И толкнул дверь. Мы гуськом потянулись в пустую гостиную: голубые диваны, голубой ковер, по стенам экстравагантная роспись – греческие колонны и синекожая богиня.

За кухонной нишей открылась спальня, где застилала постель миниатюрная седая горничная. Латиноамериканка, платье – оттенка пасмурного моря. Нас она не заметила, потому что слушала музыку – к руке приторочен мятно-зеленый айпод.

Подтыкая простыню, она пошла вокруг кровати и тут увидела нас.

Пронзительно взвизгнула, зажала рот рукой и выкатила глаза.

Можно подумать, мы явились в капюшонах и с косами.

Хашим по-испански извинился, что напугал ее, и женщина – Гвадалупе Санчес, надо полагать, – вынула наушники из ушей и что-то сипло пробормотала в ответ.

– Как у вас с гватемальским испанским? – весело спросил Хашим.

– Так себе, – сказал я.

Нора и Хоппер затрясли головами.

– Тогда я постараюсь перевести. – Он чопорно обернулся к горничной и выпустил в нее заряд безупречного испанского.

Слушала она с живым интересом. Временами переводила взгляд с Хашима на нас. Один раз – видимо, когда он объяснил, зачем мы пришли, – закивала почти благоговейно и зашептала «sí, sí, sí»³⁴. Затем обогнула кровать и приблизилась – медленно, опасливо, словно мы быки, что вот-вот

³⁴ «sí, sí, sí». – «Да, да, да» (исп.).

ринутся в атаку.

Вблизи я разглядел, что у нее круглое девчачье лицо, толстые младенческие щеки, но карамельная кожа испещрена морщинами, точно бумажный пакет, смятый в кулаке, а затем расправленный.

– Покажите ей снимок, – велел Хашим.

Я вынул бумагу из кармана.

Горничная аккуратно расправила очки, нацепила их на кончик носа и взяла фотографию. Что-то сказала по-испански.

– Она узнаёт, – пояснил Хашим.

Нора пошуршала пакетом «Цельных продуктов», встряхнула пальто за плечи и предъявила горничной.

Едва взглянув, та застыла и что-то зашептала.

– Ей кажется, она уже видела это пальто, – отрапортовал Хашим.

– «Кажется»? – переспросил я. – По-моему, она вполне убеждена.

Он неловко улыбнулся, о чем-то спросил горничную. Та отвечала серьезно и тихо, не спуская глаз с пальто, словно боялась, что оно вот-вот оживет. Хашим перебил, задал другой вопрос, и она ответила с жаром, попятившись. Говорила несколько минут, временами до того театрально, что в ее прошлом я заподозрил блистательные съемки в мыльных операх «Веневисьон». Мысленно вгрызшись в поток испанского, я попытался извлечь знакомое слово – и вдруг извлек.

Chaqueta del diablo. Дьявольская куртка.

– Ну? – спросил я Хашима, когда горничная умолкла, а он и рта не раскрыл.

Хашим раздражился.

– Дело было несколько недель назад, – сказал он. – В пять утра. Она только-только вышла на смену, на тридцатом этаже.

Гвадалупе пристально за ним наблюдала. Он улыбнулся ей, не разжимая губ.

– Она отперла номер и заметила что-то в конце коридора. Красный силуэт. Толком не разглядела. Забыла дома очки. Просто красное пятно. Решила, что чемодан. – Он кашлянул. – Через сорок пять минут она закончила уборку и вышла. В конце коридора по-прежнему было что-то красное. Но оно *шевельлось*. Гвадалупе подкатила тележку и увидела, что это девушка. С фотографии. Сидела на полу, под стенкой. В этом пальто.

– А дальше? – спросил Хоппер.

– Больше ничего, увы.

– Гвадалупе с ней разговаривала? – спросил я.

– Нет. Встряхнула ее, но девушка была в наркотическом ступоре. Лупе побежала к охранникам. Они поднялись на этаж, но девушка уже исчезла. И больше ее никто не видел.

– А она не помнит точно, когда это произошло? – спросил я. – Это бы очень пригодилось.

– Она не помнит. Несколько недель назад.

Гвадалупе грустно мне улыбнулась, а потом, словно припомнив, что-то прибавила, вытянув вперед правую руку. Станный жест: пальцы скрючились когтями, будто она цеплялась за невидимую дверную ручку. Затем показала на левый глаз и нервно затрясла головой.

– Что она говорит? – спросил я.

– Гвадалупе сильно переживает, – ответил Хашим. – Бродяжки у нас в коридорах – необычный случай. А теперь, если вы не против, пусть Лупе вернется к работе.

Его пятизвездочная манера растеряла примерно четыре звезды. Даже Хоппер не уговорил бы его продолжить беседу. Более того, Хашим нарочно на него не смотрел.

– Внизу вы сказали, что сегодня утром она не хотела работать на своем этаже, – сказал я. – А это почему?

– Очень испугалась. Нам пора вернуться в вестибюль. Если у вас остались вопросы, пожалуйста, обратитесь с ними в полицию. – Он что-то еще сказал Гвадалупе и направился к двери.

Под напряженным взглядом Гвадалупе Нора запихала пальто в пакет, и мы тоже двинулись прочь; но едва Хашим скрылся в гостиной, я украдкой кинулся назад в спальню.

Я хотел остаться с Гвадалупе наедине, – может, она скажет еще что-нибудь, а я потом переведу. Она стояла в ванной над раковиной розового мрамора. Посмотрела на меня в зеркало. И в глазах у нее была такая паника, что я и сам за-

паниковал. Она собралась что-то сказать и уже открыла рот.
– Сэр! – рявкнул Хашим за моей спиной. – Уходите немедленно, или я вызову охрану.

– Я только хотел поблагодарить Гвадалупе.

Я напоследок оглянулся – Хашим напугал горничную, и она уже отвернулась, склонилась над ванной – и вышел из номера.

25

– Дальше вам поможет полиция, – сказал Хашим, выпроводив нас из отеля на Восточную Пятидесятую. – Желаю вам всяческих удач.

Посмотрел, как мы дошли до перекрестка с Парк-авеню у церкви Святого Варфоломея, сказал что-то швейцару – несомненно, велел вызывать охрану, если мы снова появимся, – и исчез внутри.

Дело к полуночи, ночь ясна и холодна. На Парк-авеню ревели такси и лимузины, однако широкие тротуары к северу были тихи и пустынные, а от величественной архитектуры остались лишь пустотелые соборы на фоне небес. Невзирая на плотное движение, здесь было одиноко. Паперть усеивали черные неподвижные силуэты – люди в громоздких пальто спали на картонках. словно темные киты, внезапным отливом брошенные на ступенях.

– Ну, что думаешь? – спросила меня Нора.

- Про Лупе? Слегка мелодраматична, но наверняка говорила правду. Насколько сама ее понимает.
- Почему Сандра спала на полу на тридцатом этаже?
- Может, жила у кого-то. Не было ключа. Или с кем-то встречалась.
- Ты видел, как Лупе смотрела на пальто. Как будто оно ее сейчас укусит.
- Назвала его «дьявольская куртка». Хашим забыл упомянуть.
- Он много чего забыл упомянуть, – вмешался Хоппер. До того он все оглядывался на двери отеля, но теперь подошел к нам, роясь в карманах. – Половину сочинил.
- Так ты знаешь испанский, – сказал я.
- Я с семи лет жил в Каракасе. А потом с год таскался по Аргентине и Перу, – небрежно объявил он, выбил сигарету из пачки и принялся закуривать, повернувшись к ветру спиной.
- Как Че Гевара в «Дневниках мотоциклиста»³⁵? – спросила Нора.
- Не совсем. Это был ад. Зато хоть для чего-то пригодилось. Скажем, сразу понятно, когда меня дуруют.

³⁵ Как Че Гевара в «Дневниках мотоциклиста»? – «Дневники мотоциклиста» (*Diarios de motocicleta*, 2004) – экранизация юношеских дневников Эрнесто Че Гевары, которую поставил бразильский режиссер Уолтер Саллеш; дневники описывают период, когда студент-медик Че Гевара и его друг биохимик Альберто Гранадо ездили по Южной Америке – путешествие, которое во многом и убедило Че Гевару в необходимости революции.

Ты подумай, а? Я и не ожидал, что пацан двуязычный. Впрочем, он ведь и впрямь проговорился в нашу первую встречу: «Я мотался с маманей по Южной Америке, она тогда на одной миссионерской секте крышей поехала. Я слинял».

– Я хотел проверить, не врет ли он. А он врал и не краснел. – Хоппер выдул длинную струю дыма. – Он мне не понравился.

– Зато ему понравился ты.

Хоппер не удостоил ответом это замечание, сразу от него заскучав.

– Ну и что она говорила на самом деле? – спросил я.

– Там трудно было разобраться, гватемальский же диалект. Плюс у нее шарики за ролики заехали.

– Почему шарики за ролики? – удивилась Нора.

– Она верит в привидений, духов – типа они вокруг нас тут плавают, вроде пыльцы. Минут пятнадцать разорялась про то, как она из рода сплошных *curanderas*.

– Это кто? – спросил я.

– Целительницы народные, типа того. Я про них слышал. Лечат тело и душу. Все проблемы враз исправят.

– Так где он соврал-то?

– Он правильно сказал, что горничная видела Сандру на тридцатом этаже. Но как только она покатила тележку по коридору, он стал вольничать. На самом деле горничная назвала ее *espíritu rojo*, красным призраком. Она и не ду-

мала, что там человек сидит, – решила, что заблудшая душа, застряла между жизнью и смертью. Чем ближе подходила, тем сильнее чувствовалось что-то, как будто менялось земное притяжение. Она присела на корточки и увидела, что Сандра *inconsciente*. Без сознания. Но не от наркотиков. Горничная ее назвала *una mujer de las sombras*. Женщина из теней. – Он пожал плечами. – Без понятия, что это значит. Горничная ее потрогала, и Сандра была холодная как лед. Тогда горничная потрясла ее за плечи, Сандра открыла глаза, и горничная увидела *la cara de la muerte*. Лик смерти. – Он умолк, поразмыслил и прибавил: – Она сказала, Сандра меченая.

– В каком смысле?

– Дьяволом. Я же говорю – эта Лупе психованная. Сказала, что у Сандры в левом глазу второй зрачок, какая-то фигня, и... – Он отшвырнул сигарету. – Она это назвала *huella del mal*. – Он каблуком затоптал окурки, поднял голову и, кажется, удивился, до чего жадно мы ждем перевода. – Это значит «печать зла», – пояснил он.

– Вот почему она себе в левый глаз тыкала, – сказал я.

Нора, онемев, смотрела на Хоппера. Только плотнее скрутила пакет с пальто, будто старалась не выпустить наружу его *aura negativo*³⁶.

– А потом что? – спросил я. – На руках у Гвадалупе появились стигматы?

³⁶ ...*ego aura negativo*. – Отрицательную ауру (исп.).

– Она перепугалась, побежала в подвал, схватила сумку, ушла и до вечера проторчала в церкви. Охрану не вызывала – Хашим потому и злился. Она не соблюла протокол. Хашим думал, Сандра бездомная, пригрозил Гвадалупе, что пожалуется на нее начальству. Из-за нас у нее, похоже, проблемы.

Логично. Видимо, с такой странной гримасой глядя в зеркало, Гвадалупе в ужасе раздумывала о том, что рискует потерять работу.

Судя по всему, Хоппер от этой истории предпочитал отмахнуться. Вынул телефон из кармана, пролистал сообщения.

– Я поскакал, – объявил он. – Пока привет.

И, мельком улыбнувшись, ступил на мостовую.

По Парк-авеню приливной волной катили машины, но Хоппер потрусил им наперерез – то ли не замечал, то ли плевать хотел, что его могут сбить. Такси дало по тормозам и загудело, но Хоппер даже не обернулся, прыгнул на разделительную полосу, переждал поток на встречной и устремился к тротуару, а мы с Норой молча смотрели ему вслед.

26

Нора не хотела, чтоб я подвозил ее домой, но я настоял, и она велела остановиться на углу Девятой и Пятьдесят второй. По дороге мы ни словом не обменялись.

День выдался, мягко говоря, *долгий*. Я ничего не ел, кроме

желейных конфет и кукурузных чипсов. От беспрестанного Хопперова курения в голове завелась тупая боль. Все, что мы выяснили про Александру, – побег из «Брайарвуда», видение, явленное горничной, – было слишком свежо и осмыслению в такой час не поддавалось. Надо вернуться домой, залить в себя стакан, уснуть и посмотреть, как оно все будет выглядеть поутру.

Я свернул влево на Девятую и затормозил перед корейским продуктовым.

– Спасибо, что подвез, – сказала Нора, вцепившись в сумочную лямку и открывая дверцу.

– А работу ты сегодня прогуляла? – спросил я. – Во «Временах года»?

– Ой, да нет. У меня вчера был последний день. Постоянная девочка рожала, а теперь вернулась. Я завтра выхожу официанткой в «Марс две тысячи сто двенадцать».

– Где твоя квартира?

– Там. – Она неопределенно указала куда-то за плечо. – Ну, наверное, еще увидимся. – Улыбнулась, взвалила на плечо сумку, хлопнула дверцей и пошла прочь.

Я остался. Ярдах в десяти Нора оглянулась – явно проверяла, уехал ли я, – и зашагала дальше.

Еще увидимся.

Я свернул на Девятую, остановился на красный. Нора уходила; замедлила шаг, опять оглянулась. Должно быть, увидела меня, потому что мигом взбежала на крыльцо первого же

убогого дома.

Гос-споди боже. Сартр не шутил, говоря, что ад – это другие.

На светофоре загорелся зеленый. Я дал по газам, нацелившись в правую полосу, но меня тут же подрезал автобус с «гармошкой». Как обычно, шофер водил так, будто он, сволочь, за рулем «смарта», а не сороконожки длиной в квартал. Я затормозил, подождал, пока он проедет, свернул вправо на Пятьдесят первую, потом на Десятую, потом на Пятьдесят вторую.

Спрятавшись за грузовиком, я тотчас заметил Нору.

Она сидела на парапете крыльца того дома, куда якобы удалилась, и смотрела в телефон. Посидела, встала, из-за колонн украдкой посмотрела туда, где я только что ее высадил. Увидев, что я наконец исчез, сбегала по ступенькам и направилась обратно на угол.

Я потихоньку выдвинулся на улицу. Нора миновала корейскую лавку, прошла сквозь строй свежих цветов – по пути сказав что-то старому продавцу – и нырнула в дверь.

Я затормозил и подождал. Вскоре она вынесла на улицу две сумищи «Дуэйн Рид», с которыми приходила в «Помпон», а также – удивительное дело – цилиндрическую белую клетку для птиц.

С этим обильным багажом перешла дорогу и направилась по Девятой к югу.

Я подождал зеленого и повернул направо, наблюдая,

как Нора волочется по тротуару впереди. Я притормозил, чтоб ее не обогнать, – таксист позади меня налег на клаксон – и увидел, как она остановилась у двери возле узенькой витрины. На вывеске значилось: «Бабл-о-мат». Нора вдавила кнопку, подождала и исчезла внутри.

Я прибавил газу, вырулил на Пятьдесят первую, припарковался у пожарного гидранта. Запер машину и пешком вернулся на Девятую.

Стеклянный фасад «Бабл-о-мата» пестрел наклейками: «Вестерн Юнион», «Обналичиваем чеки», «Круглосуточные финансовые услуги». Заведение было крошечное: бурый ковролин, пара складных стульев, груда коробок на полу. В задней стене – окошко кассы за пуленепробиваемым стеклом.

Я позвонил. Задняя дверь открылась не сразу. Наружу высунулась голова лысого здоровяка.

Мужик щеголял мордой цвета копченой говядины и черной рубашкой с коротким рукавом. Он нажал переключатель на стене, и дверь со щелчком отворилась.

Я вошел, а мордоворот водворился в кассу, вытирая руки о рубашку, на которой я различил вышитые красным стебли бамбука. Как правило, я не доверяю мужчинам с вышивкой на одежде.

– Я ищу девушку с сумками и птичьей клеткой.

Он неправдоподобно изобразил недоумение:

– Кого?

– Нору Халлидей. Девятнадцать лет. Блондинка.

– Тут только я. – Говорил он с густым нью-йоркским акцентом.

– А я, значит, Тимоти Лири, и у меня мощный кислотный приход, поскольку я только что видел, как она сюда вошла.

– Джессика, что ли?

– Именно.

Он воззрился на меня в тревоге:

– Вы из полиции?

– А вы как думаете?

– Я не хочу осложнений.

– Да и я не хочу. Где она?

– В задней комнате.

– Что она там делает?

Он пожал плечами:

– Платит мне сороковник. Я ей разрешаю тут ночевать.

– Сороковник? Больше ничего?

– Эй! – огрызнулся он. – У меня семья все-таки.

– Где тут задняя комната?

Не дожидаясь ответа, я открыл единственную дверь, какая была.

За ней обнаружился захламленный темный коридор.

– Я не хочу осложнений. – Мордоворот очутился рядом, и его одеколон чуть не сшиб меня с ног. – Я одолжение делал.

– Кому?

– Ей. Явилась полтора месяца назад, плакала. Я помог.

Я мимо него шагнул дальше. Глухим пульсом инфарктника наверху грохотал рэп.

– Бернштейн! – заорал я.

Ответа не последовало.

– Вудворд пришел. Надо потолковать.

Мимо ведра грязной воды, забытого уборщиком, и кухонного угла, где на складном столе валялся обкусанный сэндвич, я направился к двум дверям в самом конце.

– Я же знаю, что ты где-то здесь!

Первая дверь была приоткрыта. Я толкнул ее ногой. Ванная – на полу журнал с девками и лента туалетной бумаги.

Я постучал в другую дверь. Мне не ответили, и я подергал ручку. Заперто.

– Нора.

– Оставь меня в покое, – тихо сказала она. Похоже, стояла прямо за картонной стенкой.

– Давай ты откроешь и мы поговорим?

– Уйди, пожалуйста.

– Но я хочу предложить тебе работу.

Молчание.

– Мне нужен ассистент. Жилье и кормежка прилагаются. Раз в пару недель по выходным придется спать в одной комнате с моей дочерью и ее коллекцией плюшевых зверей. В остальном комната твоя.

Я глянул через плечо. Мордоворот подслушивал, заткнув телесами дверной проем.

– Зарплата какая? – спросила Нора из-за двери.

– Что?

– На работе. Какая зарплата?

– Триста в неделю. Налом.

– Серьезно?

– Серьезно. Но отмывать деньги будешь сама.

– А медстраховка какая?

– Никакая. Эхинацею пей.

– Я с тобой не сплю.

Это она отметила таким тоном, будто сообщала о пищевой аллергии. Я, мол, не ем моллюсков и орехи.

– Да и пожалуйста.

– Все в норме у тебя? – Мордоворот подобрался ко мне ближе.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла Нора – по-прежнему в юбке фигуристки, только волосы распустила по плечам. Лицо глубокомысленное.

– Да, Мартин, – сказала она. – Я уезжаю.

– С копом?

– Он не коп. Он журналист-расследователь. Фрилансер.

Вот это мордоворота напрямло взаправду – и я его не виню. Нора улыбнулась мне, вдруг застеснявшись, и ушла обратно, оставив дверь нараспашку.

Внутри была просторная кладовка с одинокой голой лампочкой под потолком. В углу – простыня и армейское одеяло. Под стенкой пакет булок для хот-догов, грудa сложенных

футболок, пачка птичьего корма «Форти-Диет», пластиковые вилки и ножи, муравейнички из пакетиков соли и перца, вероятно спертых в «Макдональдсе». Рядом с птичьей клеткой – внутри я никого не разглядел – валялся синий ежегодник «Школа „Гармония“, родина „Лонгхорнов“». Над постелью-самodelкой к стене скотчем приклеены две крошечные цветные фотографии – примерно над изголовьем. На одной бородатый мужчина, на другой женщина.

Наверняка мертвая мать и приговоренный отец.

Впрочем, нет – вблизи бородач обернулся Христом в изводе воскресной школы: молочная кожа, накрахмаленный синий хитон, борода подстрижена старательно, точно бонсай. Как водится, в ладонях он держал ослепительный свет, будто согревался после целого дня на горных лыжах. Женщина рядом оказалась Джуди Гарленд из «Волшебника страны Оз». Шикарная парочка.

Нора запихала в пластиковый пакет груды рубашек.

– Если я соглашаюсь на эту работу, тебе запрещается меня допрашивать. Ты расследуешь не меня. – В пакет отправились смятые комом узенькие шорты в золотых блестках. – Это пока мы не выясним про Сандру. А потом я своими делами займусь.

– Договорились.

Я нагнулся над клеткой. Внутри сидел синий длиннохвостый попугай, живой, но такой неподвижный и линялый, что смахивал на чучело. Перед ним на газете валялись иг-

рушки – разноцветные мячики, перья и колокольчики, длинное зеркальце, – но на интерес к ним у птицы явно не было сил.

– А этот пацан кто таков? – спросил я.

– Септим, – пояснила Нора. – Семейная реликвия. – Она подошла, улыбнулась. – Его столько раз передавали по наследству, что никто уже не помнит, откуда он взялся. Бабушка Илай получила его от соседки Джанин, когда та умерла. А Джанин ее завещал Глен, когда сам умер. А Глену он достался от какого-то Цезаря, который умер от диабета. Чей он был до Цезаря, одному богу известно.

– Не птица, а дурное предзнаменование.

– Кое-кто думает, что он обладает магической силой и ему сто лет. Хочешь поддержать?

– Нет, спасибо.

Но она уже отпирала клетку. Попугай подпрыгнул и *кинулся* ей в руку. Нора переложила его мне на ладонь.

Птиц был не жилец. Кажется, страдал катарактой. И легонько трясся, как электрическая зубная щетка. Я уже решил, что попугай в кататонии, но тут он завалил голову набок и уставился на меня древней бусиной мутного желтого глаза.

– Обещай, что никому не скажешь? – тихо попросила Нора, придвинувшись к попугаю лицом.

– О чем?

– Об этом. Не хочу, чтоб меня жалели. – И она пригвоз-

дила меня взглядом.

– Обещаю.

Она удовлетворенно улыбнулась и продолжила паковать-ся. Собрала все до единого пакетики с солью и перцем, сдобрила ими содержимое сумок.

– Вообще-то, специи у меня дома есть, – заметил я.

Она кивнула – так, будто я напомнил ей не забыть пижаму, – и принялась сдергивать черные чулки и бюстгалтеры, дикие леопардовые и зебровые тряпки с верхних полок, где они сушились, придавленные дрялями и банками с краской.

Девчонка – как детская книжка с картинками, где страница все раскладывается и раскладывается, пока у ребенка глаза на лоб не полезут. Я подозревал, что раскладывается она бесконечно.

Распихав одежду по пакетам, Нора стала отдирать Иисуса и Джуди Гарленд. Иисус расстался со стеной легко. Джуди, разумеется, потребовалось уговаривать. Нора подхватила школьный ежегодник, открыла, аккуратно вложила туда фотографии и пересадила Септима в клетку.

Узрев оливковую плеху, оставленную мне на память, я сообразил, что птица насрала мне на руку.

– Лучше погоди, пока высохнет, а потом стряхни, – посоветовала Нора. – Я готова. Ой. Чуть не забыла.

Она порылась в сумке и протянула мне цветную фотографию. Я думал, она хвастается родственником, но, к своему

удивлению, увидел портрет Александры Кордовы.

В меня впились серые глаза, обведенные темными кругами.

– Это когда я сбежала в «Брайарвуде» и получилось неприятно. Я вот за этим бегала. Увидела на стенде у столовой, называлось «Еженедельный пикник». Это же она, да?

La cara de la muerte, сказала горничная из «Уолдорфа». Лик смерти.

Я прекрасно ее понял.

Наутро в 5:42 меня разбудил скрип за дверью спальни. Шаги удалились по коридору, заверещали водопроводные трубы, шаги вернулись в спальню Сэм, а затем отбыли вниз, где загремели тарелки и стаканы в кухне, словно там готовились к званому ужину на двадцать пять персон.

Раздумывая, не лишусь ли всех ценностей в доме, когда наконец проснусь, я тем не менее вырубился опять, однако меня вернул к жизни тихий стук в дверь.

– Ага, – буркнул я.

– Ой. Я тебя разбудила?

Дверь со скрипом приоткрылась, наступила тишина. Я со скрипом приоткрыл один глаз. На часах 7:24. Из коридора на меня смотрела Нора.

– Я хотела узнать, когда мы начнем.

– Я сейчас спущусь.

– Круто.

Боженька милостивый.

Шатаясь, я натянул халат и поплелся вниз, где Нора свернулась калачиком на диване в гостиной, наряженная в полосатую черную рубашу а-ля Марсель Марсо³⁷ и черные легин-

³⁷ ...в полосатую черную рубашу а-ля Марсель Марсо... – Марсель Марсо (Марсель Манжель, 1923–2007) – французский актер-мим, основатель парижской школы пантомимы; его самый известный персонаж – клоун Бип, в белом гриме

сы. Она ковыряла скорлупу яйца вкрутую и что-то писала в кожаном блокноте, который я, пережив момент ошеломленного узнавания, опознал как свой. Я нашел его в переплетной мастерской в Неаполе. Его целый год дрожащими артритными руками мастерила восьмидесятилетний итальянец по имени Либераторе. Блокнот был последний в своем роде, поскольку Либераторе умер, а вместо его лавки теперь автосалон «Фиат». Я откладывал блокнот до того дня, когда смогу записать туда что-нибудь дельное и глубокое.

– Ну ты и соня.

Нора бросила писать и улыбнулась мне. Наверху страницы она нацарапала «Дело Александры Кордовы» и теперь покрывала страницу неразборчивыми каракулями.

– Еще восьми нет. Это *рано*.

– Бабушка Илай сказала бы, что весь день насмарку. Я тебе завтрак приготовила.

Не без трепета я вошел в кухню.

На стойке стояла тарелка с омлетом и тостом. И Нора прибралась. Ни одной грязной тарелки, ни одного стакана в раковине.

Я вернулся в гостиную.

– Не готовь мне. И никакой уборки. У нас с тобой черно-белые, прозрачные рабочие отношения.

– Это же просто омлет.

– Мне сорок три года. Я вполне способен прокормиться

без посторонней помощи.

– Это пока. В Терра-Эрмоса был такой дядька, Коди Джонсон. Так у него первые симптомы деменции начались лет в тридцать девять.

– По-моему, я эту байку уже слышал. Он умер в одиночестве?

– Все умирают в одиночестве.

Ни убавить, ни прибавить. Эта Терра-Эрмоса – какой-то *дуст*. Девчонка убивает им любой разговор подчистую.

Я налил себе кофе и поманил Нору за собой в кабинет.

– Здесь все, что я знаю о Кордове, – сообщил я, предъявив ей коробку с архивом. – Разбери по темам и датам. Всю информацию о фильмах – отдельно. Посмотри и отложи то, что поможет нам лучше понять Александру, – характер, музыка, хобби, детство, юность, все упоминания о семье или о «Гребне» – это их поместье в Адирондаке.

Из коробки торчала тонкая пачка бумаг – сверху скрепкой присобачена фотография «Гребня» из старого «Нэшнл джиогрэфик». Я выдернул пачку из коробки и протянул Норе:

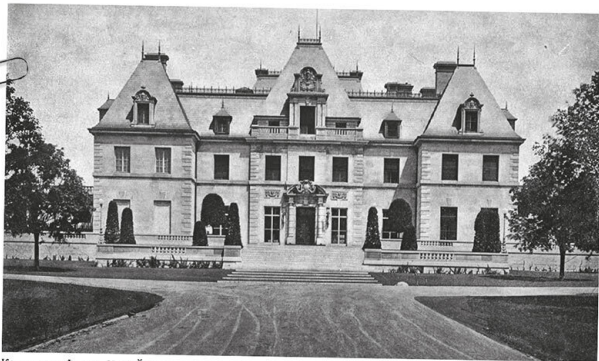
– Начни с этого. Это я пять лет назад ездил в Каргаторп-Фоллз. Побродил, поболтал с местными. Тут все, что я раскопал.

Я двинулся к двери, а Нора по-турецки устроилась на диване, прилежно заправила волосы за уши и принялась читать.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

3–13 апреля 2006 г.

Каргаторп-Фоллз, Нью-Йорк

Харрисон, Тейлор и Вудз, архитекторы

«ГРЕБЕНЬ», ДОМ ЭДВАРДА РОББА РОКФЕЛЛЕРА, ЭСКВ. — ПАРАДНЫЙ ФАСАД

«Гребень», ок. 1912

Поместье «Гребень», некогда летний дом, принадлежавший Рокфеллерам и спроектированный архитекторами Харрисоном, Тейлором и Вудзом, расположен к северу от озера Лоуз, в диких Адирондакских горах на севере штата Нью-Йорк.

Ближайший город — Каргаторп-Фоллз, один из беднейших в регионе. Собственно город (жителями прозванный попросту Карга) составляют стоянки для мобильных домов, заброшенные амбары, парковки, мотели, придорожные салуны и топлес-бары. Чтобы добраться из Карги до «Гребня», требуется хорошо знать окрестности: здесь почти нет мощеных и размеченных дорог.

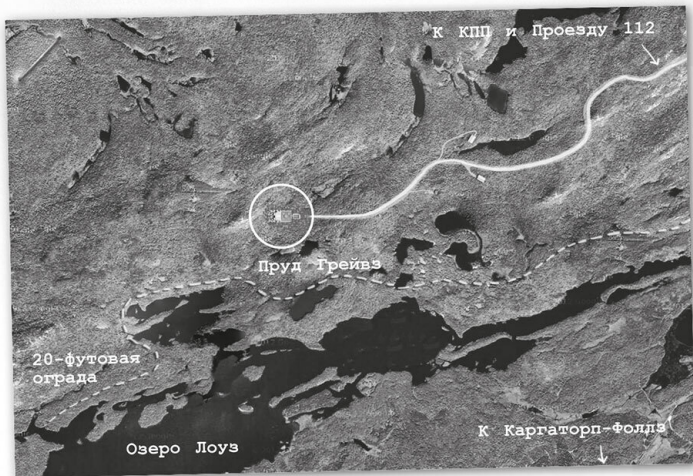
Станислас Кордова и его первая жена Джиневра, наследница итальянского рода Кастаньелло, выкупили недвижимость по закладной у британских аристократов, лорда и леди Слудли из Сассекса. Вскоре после переезда в 300-акровое поместье в 1976 г. Кордова приступил к постройке обширных павильонов, дабы снимать, монтировать и озвучивать свои фильмы, не покидая территории.

По истечении контракта с «Уорнер Бразерс» Кордова стал сам себе продюсером, превратив «Гребень» в личную студию на одного и лишь усугубив свою загадочную репутацию режиссера-отшельника, безумца и агорафоба.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Вид на «Гребень» с воздуха

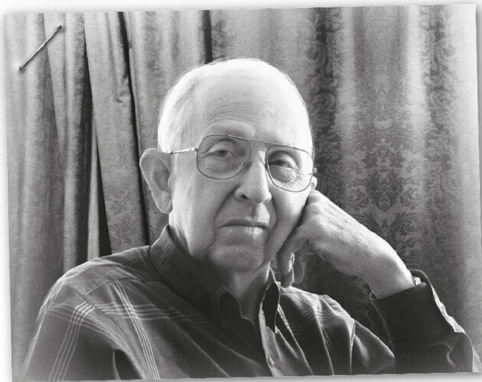
Особняк «Гребень» расположен в густом лесу на вершине высокого холма к северу от небольшого пруда Грейвз, который, в свою очередь, находится севернее озера Лоуз.

Все поместье — простирающееся на север за пруд Штопальная Игла вблизи Клюквенного озера — обнесено двадцатифутовой оградой военного образца.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Интервью с Нельсоном Гарсией — 3 апреля 2006 г.

*Декабрь 2004
Мед. Борудов.?*

Гарсия — ближайший сосед Станисласа Кордовы, 78-летний яблочный фермер на пенсии, уроженец Лафайетта, штат Нью-Йорк. С 1981 г. проживает в одинарном трейлере цвета ржавчины на опушке напротив заросшего проезда к «Гребню». Утверждает, что не знаком с семейством Кордовы и даже никогда их не видел, — по причине диабета 2-го типа он редко выезжает в город, а трижды в неделю его навещает и снабжает припасами сиделка. Однако Гарсия смог описать несколько занимательных случаев, касающихся его пресловутого соседа.

«Раньше у нас тут везде были указатели, но почтальон сказал, они всё поубирали», — сообщил он.

«Кто такие „они“?» — спросил я.

«Которые вон там живут».

«Кордовы?»

Он кивнул.

«Зачем им убирать указатели?» — спросил я.

«Не хотят, чтоб туда люди ездили. Любят сами по себе. Я в городе слышал. Раньше-то я видел, как всякие новомодные авто туда-сюда катаются, с полуночи до самого утра. Особенно в восьмидесятые и девяностые. Лимузины. Однажды „роллс-ройс“ проезжал. Нескольким раз слышно было, как там вертолеты садились. И музыка. Но с начала нулевых стало тихо. Ни души — никто не заходит, никто не выходит».

По словам Гарсии, в начале декабря 2004 г. ему по ошибке доставили ряд посылок UPS, предназначенных для «Гребня». В первой посылке содержалась большая коробка со штампом «Сенчури Сайентифик».

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Интервью с Нельсоном Гарсией — 3 апреля 2006 г.

Корпорация «Сенчури Сайентифик», расположенная в Скрантоне, штат Пенсильвания, выпускает медицинское оборудование. Она продает койки, кресла-каталки, носилки и другие больничные агрегаты в частные клиники.

«Дочь иногда шлет посылки — я и расписался, — рассказал мне Гарсия. — Мальчонка уехал, я смотрю — а это не мне».

«А кому она была адресована?» — спросил я.

«Какому-то Джевлину Кроссу. И адрес был — Проезд 112, 1014. *Мой* адрес — Проезд 112, 33. Открывать не стал. Но она тяжелая была. Я еле поднял. Фута четыре в высоту. Наверное, кресло какое-то — коробка была похожей формы».

Гарсия позвонил в UPS, и через час посылку забрали.

Спустя неделю шофер доставил другую посылку, снова адресованную Джевлину Кроссу.

«В обратном адресе было что-то там „фармацевтическое“, — рассказал Гарсия. — Я мальчонке говорю: ты адресом ошибся. Он извинился, сказал, что недавно работает. И на этом, собственно, все. Правда, месяц или два, днем, раз в неделю, мимо проезжал грузовик, сворачивал вон там, привозил им бог знает что. Я подожду несколько минут, потом слышу жуткий такой визг — электронные ворота, значит, открываются, грузовик пропускают. Так пронзительно визжало — ушам больно. Вот-вот телевизор взорвется от визга этого. — Он покачал головой. — Я так думаю, кто-то у них захворал. Или поранился».

Гарсия рассказал, что, наверное, вообще забыл бы о путанице с адресами, если бы через неделю после ошибочной доставки не заметил еще кое-что странное. Он отвозил мусор на свалку в конце дороги и почуял странный запах, источаемый другими пластиковыми мешками.

«Никогда ничего похожего не нюхал. Ужасная вонь. Похоже на горелый пластик».

Гарсия сообщил, что свалкой пользуются только он и Кордовы. Еще через неделю он заметил, что больше мешков с мусором на свалке не появлялось, и по сей день ею пользуется он один.

«Теперь они сами весь свой мусор жгут, — сказал он. — Если ночью жарко — чуешь. Гарью несет. А иногда, если ветер с юго-востока, я даже дым вижу».

Я спросил Гарсию, смотрел ли он хоть один фильм Кордовы. Он покачал головой.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Интервью с Нельсоном Гарсией — 3 апреля 2006 г.

«У меня кошмары будут», — пояснил он.

«В его фильме „Изолятор 3“, — сказал я, — одного персонажа держат в плену. Он бывший заключенный, главный герой должен отыскать его и освободить. И зовут этого персонажа Джевлин Кросс — как на посылках».

Гарсия задумчиво кивнул.

«А каково в городе общее мнение о Кордовах?» — спросил я.

«В смысле?»

«Что люди говорят о нем? О поместье?»

«Никто о них говорить не любит. Уж не знаю отчего. Не любят, и все. У нас тут ведь как устроено — все своим заняты, никто в чужое нос не сует».

Ему, похоже, нечего было добавить и хотелось посмотреть «Колесо Фортуны», так что я поблагодарил его и уехал.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Кейт Миллер

*28 мая 2003 г.
05:30*

28 мая 2003 г. в 5:30 утра 62-летняя Кейт Миллер шла по пустынной Олд-Фордж-роуд в Бейнвилле, штат Нью-Йорк, курортном городке в ста милях к северу от Олбени и сорока пяти минутах езды от Каргаторп-Фоллз.

Ночь выдалась долгая. Миллер всю ночь — в «ведьмовскую смену» — дежурила за стойкой регистрации в мотеле «Лесные виды», туристической гостинице к югу от городка. Каждое утро, в дождь и снег, 6 дней в неделю Миллер проходила 2 мили от мотеля до Главной улицы Бейнвилла, чтобы успеть на автобус «Трейлуэйз», который вез ее за 20 миль к северу в Дэнвилл, где она проживала с мужем и двенадцатилетним внуком.

Олд-Фордж — узкая двухполосная дорога, которая идет к городу под крутой уклон. Ее резкие повороты чреваты многочисленными авариями — в основном страдают местные подростки и туристы. Миллер рассказала мне, что в двух милях от города, когда она шла по левой стороне навстречу движению, по правой полосе мимо пролетел серебристый спортивный седан.

«Я решила, водитель пьяный, [потому что] его мотыляло по дороге туда-сюда, — сказала Миллер. — Исчез за поворотом, стало тихо, а потом грохот, звон стекла, треск. И клаксон гудит».

Миллер поспешила на место происшествия, хотя артрит коленных суставов не позволял ей передвигаться бегом. Вскоре она увидела, что произошло: не рассчитав на повороте, водитель потерял управление и врезался в тсугу над восьмифутовым обрывом у дороги.

Автомобиль серьезно пострадал, и оттуда на четвереньках по земляной обочине к дороге ползла блондинка пятидесяти с небольшим лет. Она была в сильном шоке, однако не пострадала, если не считать ссадин на лице и руках.

«Она плакала. И вся тряслась. Я спросила, есть ли у нее телефон, но она ответила, что забыла его дома. А у меня мобильного сроду не водилось... Ну и я сказала, что схожу в город и вызову „скорую“. Спросила, нет ли с ней еще кого, и она покачала головой».

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Кейт Миллер

Направляясь в город по Олд-Фордж, Миллер успела заглянуть в машину.

«На этот раз я заметила, что на заднем сиденье кто-то лежит, — сказала она. — Крупный мужчина, в черном, без сознания, весь забинтованный. И руки забинтованы сплошь, и лицо. На бинтах кровь. Но я с этой женщиной решила не спорить — она же только после аварии, сама не понимает, что несет. Я решила, лучше побыстрее помощь прислать».

Спустя пятьдесят минут, когда Миллер одолела две мили и с бензоколонки позвонила в службу спасения, на место происшествия прибыли полиция и «скорая». Там они обнаружили женщину, которая назвалась Астрид Гонкур. Автомобиль, серебристый «мерседес» 1989 г., был пуст.

Гонкур, заявившую, что она превысила скорость, по результатам проверки признали трезвой. Полиция не обнаружила никаких признаков того, что в автомобиле с ней был кто-то еще. В местной больнице ей обработали мелкие порезы и ссадины и спустя несколько часов отпустили.

На следующий день «Нью-Йорк дейли ньюс» и «Таймс Юнион» (Олбени) сообщили, что миссис Кордова угодила в автомобильную аварию по пути домой с дня рождения друзей и отделалась мелкими телесными повреждениями. Тот факт, что «Гребень» находится в часе езды от Бейнвилла (продолжительная поездка, в которую едва ли отправишься в 5:00 утра), не насторожил полицию, хотя остается неясным, в чем проблема — в версии Астрид или в небрежности репортера.

Через три недели после аварии Миллер снова связалась с полицией. За это время она успела почитать про Астрид и ее знаменитого мужа («Я, вообще-то, ужасики не люблю», — объяснила она, когда я спросил, как случилось, что их имена поначалу ничего ей не говорили) и теперь опознала в человеке, виденном в машине, Станисласа Кордову.

В бейнвиллском полицейском участке записали показания Миллер и указали ей на дверь.

Дальнейшее расследование не проводилось.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Поместье — 13 апреля 2006 г., 14:14

Естественно, я обязан был посетить «Гребень» лично.

Я сел в машину, свернул влево к владению 1014 по Проезду 112 (согласно GPS) и поехал по дороге без опознавательных знаков.

В самом начале грунтовка была грязна и изрыта колеями от покрышек, но где-то через шесть ярдов разгладилась в замечательно ухоженную гравийную дорогу. Очевидно, что некто регулярно за ней ухаживает, — ее не марали ни единая заблудшая ветка или травинка, ни один кустик. Тут и там кто-то явно отпиливал нижние ветви деревьев, мешавшие проезду.

Следуя за изгибом дороги, я свернул. Меня обступали леса. Я словно очутился внутри шерстяного свитера: листва над головой была густа, кроны тяжелы и узловаты, и лишь изредка в крошечных прорехах мелькало синее небо. Внезапно удружающе запахло бензином, — может, стоило сгонять машину в автосервис, — но не только бензином; еще *гарью*.

Я миновал нелепое дерево — три могучих ствола обвивали друг друга в пароксизме наслаждения или боли. Порнографическая картина. Боже мой, подумал я, неужто все будет так просто?

После чего успел одолеть всего несколько ярдов.

За поворотом передо мной выросла сторожка — кажется, заброшенная, вся заросшая плющом. Обогнуть ее не представлялось возможным — ни на машине, ни пешком. По обе стороны кованых ворот лес прорезала массивная ограда, как на военной базе. Я осторожно подвел машину ближе. По углам ворот осинными гнездами притаились две камеры наблюдения. Я опустил окно, посмотрел в камеру. Отчетливо увидел, как объектив шевельнулся, — и на меня уставился глазок Циклопа.

«На чашку кофе не пустите?»

В застывшем дневном жаре моя реплика прозвучала беспомощно и плоско.

Как он тут *живет*? Что это — его версия ранчо «Неверленд» Майкла Джексона, «Грейсленда» Элвиса, «Волшебного королевства» Уолта? Быть может, слухи о сумасбродстве Кордовы — всего лишь миф и никакой он не темный князь, а попросту старик, который надеется прожить остаток дней своих в покое и уединении?

А может, истина совершенно иная. Может, Кейт Миллер права: ранним утром 28 мая 2003 г. на заднем сиденье машины она и в самом деле видела Кордову. Может, в «Гребне» произошел несчастный случай, Кордова был тяжело ранен или даже погиб. Кейт Миллер, одинокую свидетельницу, обманом вынудили покинуть место аварии. Вероятно, у Астрид все-таки был мобильный телефон, она вызвала кого-то — друга или одного из детей Кордовы, Тео либо Александру, и за пятьдесят минут они успели вытащить Кордову из машины и увезти. Жив ли Кордова в своем «Гребне»? Прикован к креслу-каталке или к постели, лежит без сознания? Это объяснило бы посылки с медицинским оборудованием, доставленные Нельсону Гарсии полтора года спустя.

Каргаторп-Фоллз, штат Нью-Йорк, и поместье «Гребень»

С. Макгрэт

Поместье — 13 апреля 2006 г., 14:14

Я вышел из машины и сфотографировал сторожку. Затем поехал назад, выбрался на Проезд 112, миновал трейлер Гарсии и свалку. Я не снимал ноги с педали газа, пока не очутился на запруженной ФДР-драйв на Манхэттене.

Какова ни есть правда о Кордове, его пятнадцать страшных фильмов учат, что глаза и разум постоянно обманывают нас и познанное никогда не бывает подлинным.

Остается лишь надеяться, что однажды он вернется и вновь откроет нам, сколь слепы были мы.

*Нельсон Гарсия
Тел. (518) 555-1493*

– Номер не обслуживается, – сообщила Нора, повесив трубку. По телефону из моих заметок она дозванивалась до Нельсона Гарсии.

– Умер уже, небось, – ответил я. – Он и тогда еле-еле с дивана подымался.

Нора не ответила, лишь взяла расшифровку звонка от анонимного «Джона» и сощурилась, вчитываясь.

Время близилось к девяти вечера. Я только что вернулся, рано поужинав в кафе «Сан-Амброуз» со старым другом Хэлом Киганом – он фотожурналист из «Инсайдера», мы вместе работали, хотя в последние годы виделись редко. О текущих своих занятиях я не распространялся. Хэлу я доверял, но, хоть нас и спалила охрана в «Брайарвуде», надеялся сохранить расследование в тайне. Репортеры – народец суеверный, хоть и прикидываются упертыми реалистами. Об этом не говорят, однако всем известно: когда журналист охотится на сюжет, интуитивные прозрения и теории витают в воздухе и коллеги могут подхватить их, как простуду. Рано или поздно конкуренты обзаведутся теми же догадками, что и ты. Иллюзий я не питал: само собой, не я один копаю гибель Александры Кордовы. Но раскусить дело вторым или третьим чести мало. Засчитывается только первый.

Когда я вернулся, Нора сидела там же, где я ее оставил,

и по-прежнему сортировала мои бумаги. Я принес ей лингвину с песто, но, сказав: «Ой, спасибо, вкуснотища», она едва притронулась к еде и продолжала сосредоточенно изучать Бекманову программу брошенного курса по Кордове. Удивительное упорство. Нора просидела у меня в кабинете двенадцать часов подряд, прерываясь, только чтобы осыпать знаками внимания доисторического Септима, чью клетку она водрузила на книжный шкаф у окна, пояснив, что попугай любит смотреть на людей.

Ничего конкретного Нора не говорила, но я пришел к выводу, что ее воспитывала толпа свободомыслящих старых хрычей в этом заведении, которым она сдабривала любую беседу, – в Терра-Эрмоса. Нора была сверхъестественно настроена на режим доения и кормления престарелых. О том, каковы у меня планы на ужин, она осведомилась в 16:45 – легенды гласят, что в этот час пожилым полагается трапезничать, – и употребляла характерные словечки эпохи Маккарти: «батюшки», «мать честная», «вишь ты» и «не кипишуй».

– Вот ты съездил в Каргаторп-Фоллз – а потом сколько времени прошло до анонимного звонка? – спросила Нора, откладывая расшифровку.

– Несколько недель. – Я сидел на кожаном диване, набивая на ноуте заметки о нашем визите в «Брайарвуд» и «Уоллдорф».

– Значит, ты что-то настоящее раскопал.

– В смысле, Кейт Миллер и Нельсона Гарсию?

Она кивнула:

– Наверняка «Джон» потому и позвонил. Кордова, наверное, разглядел тебя в камеру у сторожки. А «Джон» был ловушкой.

– Я склонен согласиться, но доказательств так и не нашел.

– Может, Кордова и правда пострадал в аварии. И кто-то в «Гребне» правда болел, и поэтому им присылали медицинское оборудование.

– В отчете я не упоминал, – сказал я, откладывая ноут и садясь поудобнее, – но мне всегда казалось слегка подозрительно, как это Кейт Миллер опознала Кордову. Через полгода после того, как я с ней общался, она пыталась всучить этот сюжет «Инкуайреру», но они его и пальчиком коснуться не хотели. Ни одного слова не подтвердить, ввязываться в судебные разборки неохота. А если ты так грязен, что тебя боится коснуться даже «Нэшнл инкуайрер», значит ты весь извалялся в говне. – Я допил скотч. – Короче, Миллер так и не смогла объяснить, откуда знает, как выглядит Кордова. Потому что на самом деле этого не знает *никто*. Фотография в «Роллинг Стоуне», судя по всему, подделана. И считается, что на знаменитом крупном плане со съемок «Наследия» не он, а дублер.

– Может, он изуродован, как Призрак Оперы, – разволновалась Нора. – Или, может, Кейт Миллер видела в машине труп.

– Мы не вправе заключить, что имеем дело с маньяками-убийцами. У нас нет доказательств.

Она как будто не слышала.

– Наверное, у Кордов есть какая-то магическая сила. Нам же горничная в «Уолдорфе» рассказывала вчера. И даже Морган Девольт – Сандра ведь откуда-то знала, что он на нее смотрит. И ему сначала показалось, что она мертвец. А Гарсия говорил, что никто не обсуждает «Гребень». – Нора взяла диск Александры, посмотрела на вкладыш. – Даже музыка ее. Называется «Дьявол в ночи».

– Ты удивишься, как часто выбирают сверхъестественное объяснение, не находя другого, – ответил я и направился к шкафу за добавкой скотча. – Хватают его, как кетчуп за столом. Однако я, а следовательно, и ты, моя подчиненная, будем работать *с неколебимыми фактами*.

Я решительно не верил в сверхъестественное, и все же невозможно отмахнуться от воспоминания о том, как Александра явилась мне ночью у водохранилища. Я не рассказывал об этом Норе. И вообще никому. Правду сказать, и сам уже не понимал, что же такое видел. Словно та ночь не имела касательства ко всем прочим ночам – лишенная логики, кишущая фантазиями и странностями, рожденная моими одинокими иллюзиями ночь, коей нет места в мире подлинного.

Нора извлекла из конверта полицейское досье Александры и протянула мне первый лист.

Цветная копия фотографии – тело, доставленное на суд-

медэкспертизу. Разные ракурсы, в одежде и без одежды, хотя Шерон не соврала: самые откровенные – торс спереди и сзади – в деле отсутствовали. А на этом снимке была верхняя половина лица – серые глаза в красно-желтых пятнах, застыли, потускнели.

– На левый глаз посмотри, – сказала Нора.

На радужке было черное пятнышко.

– Это? Это пигментация радужки. Встречается сплошь и рядом.

– Не *такая*. Прямо по горизонтали от зрачка. Наверняка Гвадалупе про это и говорила. Отметина. Забыла, как по-испански, Хоппер говорил. «Печать зла».

– *Huella del mal*.

– И что случилось с первой женой Кордовы.

– С Джиневрой?

Нора кивнула.

– Я уже проверял. – Я отдал ей фотографию и вернулся на диван. – И полиция тоже, и, в свое время, примерно сотня других журналистов и светских репортеров. Она научилась плавать всего за два месяца до того. Ее родные – а это миланские снобы, они *ненавидели* Кордову, считали, что он какой-то пролетарский варвар, – так вот даже они признали, что это трагический несчастный случай. Джиневра всю жизнь была импульсивная. Сообщила няне сына, что пойдет поплавать на озере, потренируется. Ее попросили обождать, она не пожелала. День был пасмурный, накрапывал дождь,

вскоре началась гроза. Видимо, она заплутала. Не поняла, где берег. Ее искали, нашли на дне – запуталась в водорослях. Кордова тогда монтировал «Треблинку», у него был десяток алиби, вся съемочная группа и продюсер Арти Коэн из «Уорнер Бразерс» – он потом выступил перед журналистами. Спустя пять месяцев Кордова дал последнее интервью «Роллинг Стоуну». И больше на публике не появлялся.

Нора, кажется, не вникала. Она кусала губу, увлеченно перебирая бумаги. Достала статью из моих старых заметок, протянула мне.

Я вспомнил, как много лет назад распечатывал эту вырезку с микрофиши в библиотеке. «Таймс юнион», Олбени, датировано 7 июля 1977 года.

КАСТАНЬЕЛЛО УТОНУЛА СЛУЧАЙНО, ЗАЯВЛЯЕТ ПОЛИЦИЯ

ДЖЕЙСОН МОНТЕРСОН

Джиневра Кастаньелло, супруга кинорежиссера Станисласа Кордовы, рано утром в воскресенье была найдена мертвой в озере на территории своего поместья в Адирондаке, где она, по словам правоохранительных органов, случайно утонула.

Артур Бейли, главный криминалист окружного отдела судмедэкспертизы Сент-Лоренса, по результатам вскрытия сделал вывод, что Джиневра Кастаньелло, 31 год, умерла в результате нечаянного утопления.

Кастаньелло исчезла под вечер в субботу, отправившись плавать в пруду Грейвз, одном из многочисленных водоемов поместья. В последний раз ее видели в 16:00 — она в красном купальнике заходила в воду. Спустя час, когда началась гроза, а Кастаньелло не вернулась, были вызваны спасатели. После пятнадцатичасовых поисков рано утром в воскресенье ее тело было обнаружено службой спасения и противопожарной безопасности округа Сент-Лоренс.

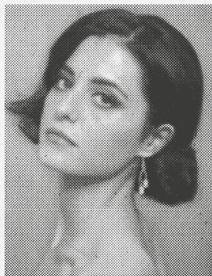
По сообщению WNYT-TV, Кастаньелло лишь недавно на-

училась плавать, преодолев врожденную аквафобию.

«Я потрясена, — говорит Анушка Понти, подруга детства, гостившая в доме на момент смерти Кастаньелло. — За несколько часов до того мы вместе пообедали. Джиневра пошла на озеро поплавать и отдохнуть, как только ребенка уложили спать. Она грустила. Это так неожиданно — я ничего не понимаю. Она была такая красивая».

Лейтенант Джейсон Рестиг, офицер по связям с общественностью службы спасения и противопожарной безопасности округа Сент-Лоренс, заявляет, что, хотя расследование еще не окончено, вполне очевидно, что именно произошло. «Мы не подозреваем ни преступного умысла, ни употребления наркотиков либо алкоголя, — говорит он. — Это просто весьма прискорбная трагедия».

Джиневра вышла замуж за Станисласа Кордову в 1975 году, познакомившись с ним на Венецианском кинофестивале, куда он привез «Где-то в пустой комнате». Кастаньелло — бывшая миланская фотомодель и наследница легендарного бан-

ИТАЛЬЯНСКАЯ КРАСАВИЦА.
Кастаньелло два года была замужем за Станисласом Кордовой. В субботу она утонула в своем поместье

ковского состояния, сложившегося еще в XIX столетии в результате альянса с банком «К. М. де Ротшильд и Фильи».

Кастаньелло пережили ее муж Станислас Кордова, в настоящее время работающий над своим шестым фильмом «Треблинка», и четырехмесячный сын Теодор.

Ольга «Милос южон» Дата: 7 июля 1977

ЗАЩИТНИКИ ДОСТУПНОГО ЖИЛЬЯ МИТИНГУЮТ ПО ВСЕМУ ШТАТУ

— Ладно, пусть даже несчастный случай, — сказала Нора. — Но если у тебя случайно погибают и первая жена, и дочь, с кармой нелады. И вообще-то, в глаза бросается то, что сказала ее подруга.

— Что Кастаньелло грустила.

Нора кивнула:

– Джиневра, наверное, покончила с собой. И если Сандра тоже, что это говорит нам о Кордове?

– Что он токсичен. Но покончить с собой, оставив сиротой младенца? А материнский инстинкт?

– Это потому, что она была рядом с *ним*. – Нора подалась вперед, с сомнением оглядела грудку бумаг. – Я читала другие твои заметки, но с тобой так никто и не поговорил о нем толком.

– Спасибо. Я помню.

– А что «Матильда»? Известно о ней что-нибудь?

– Якобы последний фильм Кордовы?

Удивительно, что Нора в курсе. Про «Матильду» знают только упертые кордовиты.

Она кивнула.

– Помимо неподтвержденных слухов о том, что сценарий получился на тысячу страниц и свел Кордову с ума, – ничего, – сказал я.

Нора погрызла ноготь, вздохнула:

– Нам нужно сменить вектор.

– У меня была многообещающая зацепка. Но я ее так и не расколол.

– Какая?

– «Черная доска». Невидимая луковая сеть кордовитов. Сообщество преданных фанатов.

– В смысле – «луковая»?

– В глубокой паутине. Для доступа нужен плагин к «Файр-

фоксу». Я добыл адрес у друга, профессора, и пытался залогиниться. Меня каждый раз выкидывает.

Я перенес ноут на стол, показал Норе, как логинюсь, но меня снова выбросило на страницу «Добро пожаловать на „Черную доску“».

– И вот почему, – сказала Нора. – У тебя логин – «Сир Фогготт». Надо что-нибудь покорднее.

Нора отключила от розетки беспроводной маршрутизатор в углу, подождала пять минут – объяснила, что так я получу новый айпи-адрес, которого сайт не узнает и не заблокирует. Опять включила, добралась до страницы «На борт» и вбила новые регистрационные данные.

– Логин у нас будет «Гайтана Стевенс двадцать девять девяносто один».

Гайтана Стевенс – имя персонажа Александры Кордовы в «Дышать с королями» (1996). Последний фильм Кордовы, один из *черных фильмов*.

Поразительное дело. Видели его очень немногие. Мне удалось глянуть у Бекмана пять лет назад. У него была пиратская копия, и он отказывался дать мне на посмотреть, поскольку диск был непрошибаемо защищен от копирования и скачивания, и Бекман подозревал – пожалуй, небезосновательно, – что назад его никогда не получит.

Посмотрев «Дышать с королями» однажды, я совсем потерялся в калейдоскопе ярких сцен, от которых аж на стуле подпрыгивал, и, помнится, смутно удивился, после фи-

нальных титров возвратившись в реальный мир. В фильме клубился мрак, и я не был уверен, вправду ли возвратился, будто, став свидетелем этому зрелищу, необратимо взломал (или же просто сломал) себя и постиг душу человеческую в такой глубинной ее черноте, что уже не стану прежним. Конечно, под натиском повседневности тревога рассеялась. Даже сейчас эта кошмарная история осталась в памяти лишь россыпью страшных образов в тусклом свете, перемежаемых присутствием Александры Кордовы – прекрасного сероглазого ребенка с хвостиком, перевязанным красной лентой.

Весь фильм она молча вбегает в гостиные, выбегает, прячется под лестницами и в спальнях служанок, заглядывает в замочные скважины и кованые ворота, носится по газону на велосипеде, оставляя бледные шрамы следов на траве.

Сюжет прямолинейный, как и большинство сюжетов Кордовы, сводимых к одиссее или охоте. Кордова экранизировал малоизвестный голландский роман, *Ademen Met Koningen* Августа Хауэра. Членов богатого и развращенного семейства Стевенсов – шикарного клана распутных Калигул, проживающих в неназванной европейской стране, – расчетливо убивают одного за другим. Полиция в растерянности. Инспектор, расследующий это дело, в конце концов арестовывает бродягу, которого семья наняла заниматься ландшафтными работами, однако внезапный финальный поворот открывает зрителю, что на самом деле убийца – младший ребенок, немая и осторожная восьмилетняя Гайтана, сыгран-

ная, как мы понимаем, Александрой. Инспектор складывает чудовищную мозаику истины, но поздно. Девочка исчезла. В последней сцене мы видим, как она шагает по обочине и ее подбирает странствующая семья в «универсале». В традиционном стиле Кордовы остается неясным, обречены доброхоты на ужасную судьбу девочкиных родных или та нарочно осиротела, чтобы затем ее воспитали люди попрстойнее.

– А ты-то как умудрилась посмотреть «Дышать с королем»? – спросил я.

Нора зарегистрировалась на «Черной доске», нажала «Готово», и теперь мы ждали, загрузится ли наконец страница.

– Моэ Гулазар.

– Кто такой Моэ Гулазар?

– Мой лучший друг. – Она сдула прядку с лица. – Он был объездчик, жил дальше по коридору. Кордову обожал. У него были связи на черном рынке, и он как-то раз обменял все свои жокейские трофеи на коробку черных фильмов. То и дело устраивал тайные полуночные показы в комнате досуга. – Она посмотрела на меня. – Моэ был трехмерный.

– Широкий, высокий и глубокий?

Она потрясла головой:

– Говорил по-армянски, объезжал жеребцов и переодевался женщиной.

– И впрямь меры не знал.

– Когда переодевался, даже ты бы его принял за женщину.

– Отучаемся говорить за всех.

– Моэ считал, когда умрет он, вымрет целый редкий вид. «Я навеки один в своем роде и в клетке, и в дикой природе». Такой у него был гимн.

– И где теперь старина Моэ?

– В раю.

Она сказала это печально и уверенно, будто Моэ переехал на Бора-Бора.

– Умер от рака гортани, когда мне было пятнадцать. Дымил как паровоз с двенадцати лет, потому что рос на ипподроме. Но завещал мне всю одежду. Теперь Моэ навечно со мной.

Она стащила рукав громоздкого кардигана серой шерсти и показала красную бирку с вычурными буквами на загровке: «Собственность Моэ Гулазара».

Значит, пышным гардеробом она обязана престарелому армянскому трансвеститу. Первым делом я решил, что она все сочинила. Небось, нашла коробку поношенных тряпок в «Гудвилле», на всех была таинственная бирка, и Нора сочинила сказку о том, откуда они взялись. Но когда она снова натянула рукав, я заметил, что лицо ее порозовело.

– Я скучаю по нему каждый день, – сказала она. – Как это погано, что, если человек по правде тебя понимает, надолго его не удержишь. А от тех, кто не понимает вообще, поди отделайся. Не замечал?

– Как не заметить.

Ну, может, не соврала. И пожалуй, оказавшись перед выбором, верить в армянского объездчика-трансвестита или не верить, предпочтешь *поверить*.

– Ты поэтому хотела расследовать? – спросил я. – Потому что много знаешь про фильмы Кордовы?

– Само собой. Это же был знак. Сандра дала мне свое пальто.

К моему изумлению, страница на сайте успешно загрузилась, и наверху теперь значилось: «Победа».

Я подтащил к столу деревянный стул, сел, попутно заметив, что от Норы мускусно пахнет мужским одеколоном, волнующим, как дуновение горького шоколада, и поневоле вообразил, что это и есть искомое доказательство, намек на старого Моэ Гулазара, который навечно с ней.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

ПО_БЕДА

Ты отыскал этот тайный сайт, а значит, некто счел, что ты достоин сюда войти.

Поздравляем, твоя жизнь начинается. Ты тоже кордовит. Здесь можно делать что угодно, сознаваться в чем угодно, но нельзя лгать. УХОДИ лгать куда-нибудь еще, нацепляй на рожу фальшивую улыбку, оглупляй себя, если нравится, идиотским выбором между НРАВИТСЯ и НЕ НРАВИТСЯ. Здесь, в полной анонимности, у нас одна вера — неопровержимая правда. Правда Кордовы: сложность человеческого разума и сила человеческого духа. Жажда ужаса. Жажда любви. Жажда душераздирающих эмоциональных переживаний.

Этот сайт — страшная реальность. Священная мастерская. Зловещий лес. Здесь можно обсуждать и ставить под вопрос все, что угрожает и внушает страх твоим родным и друзьям, твоей религии и социуму. Наш мир далек от глянца и коммерции. Здесь грязно, мрачно и жутко, неряшливо, уродливо и восхитительно. Здесь нет дна и нет стен. Здесь есть лишь борьба за нечто достойное. Честное. За то, что Кордова всем своим творчеством призывает нас искать в себе самих. Наше честное «я».

Кордова не имеет к этому сайту никакого отношения. Возможно, он даже не знает, что сайт есть. Сайт был создан самыми серьезными поклонниками Кордовы в развитие того, что он — кто бы он ни был — сделал для нас: указал путь вниз по черному тоннелю, который приведет нас к свободе. Первый шаг — страх.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. Если мы узнаем, что ты подрываешь экосистему нашего дикого обиталища, тебе это с рук не сойдет. Мы верим в неоднозначность и свободу самовыражения, однако мы, создатели этого зачерненного уголка, будем сражаться за его вечную черноту.

Создатели «Черной доски»

УСТРАШИ В СЕБЕ ЗВЕРЯ

Парковка

Оставь все, с чем пришел

Кордова

То немного, что нам известно
Его философия:

Устрашать в себе зверя

Последнее интервью:

29 декабря 1977 г.,

«Роллинг Стоун»

**Опыты заповедных
киносеансов**

Форум

Говори с незнакомцами

ФИЛЬМЫ

Силуэты, омытые светом (1964)

Наследие (1966)

В погоне за красным (1968)

Искажение (1972)

Дитя любви (1985)

Ночами все птицы черны
(1987)

La Douleur (1989)

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ»

Результат 1 из 243

ОПУБЛИКОВАЛ(А): Веккет Райнхарт

12/12/1999, 23:39

Моя бабушка в 50-х и 60-х была известной в Нью-Йорке светской львицей. Ее звали Гвендолин (Дотти) Хауард, она была замужем за Л. П. Хауардом, текстильным магнатом и миллионером. Дотти считается одним из первых «лебедей» Трумена Капоте. В 1966 году она была в большом зале отеля «Плаза» на знаменитом Черно-белом балу, который Капоте затеял по случаю успеха «Хладнокровного убийства».

Приведя себя в порядок, Дотти выходила из дамской комнаты, и тут какой-то мужчина схватил ее за запястье.

Проникновенно улыбнувшись, он вывел Дотти из толпы, в алькове вручил ей бокал шампанского и велел «пить». Дотти потрясла подобная наглость. Мужчины этого она никогда прежде не видела. Он был высок и стремителен в движениях, из-за очков, как у ученого, смотрели пронзительные темные глаза. И однако Дотти подчинилась, осушила целый бокал, а мужчина лишь молча наблюдал. Когда она дошла до большого

³⁸ Дотти считается одним из первых «лебедей» Трумена Капоте. В 1966 году она была... на знаменитом Черно-белом балу, который Капоте закатил по случаю успеха «Хладнокровного убийства». — Классик американской литературы Трумен Капоте (Труман Стрекфус Персонз, 1924–1984), автор, помимо прочего, документального романа «Хладнокровное убийство» (*In Cold Blood*, 1966) об убийстве канзасского фермера Герберта Клаттера и его семьи, был известным в Нью-Йорке светским львом; «лебедями» он называл многочисленных дам из своего окружения. Черно-белый бал-маскарад был дан Капоте 28 ноября 1966 г. в честь издателя «Вашингтон пост» Кэтрин Грэм.

Нечего и говорить, весь остаток вечера Дотти в головокружительном трепете искала этого странного, загадочного мужчину в толпе. Около 3 часов ночи, когда веселье поутихло, она увидела, как он садится в ожидавшее такси.

«Но кто это?» — выпалила она.

«Кордова, — ответил кто-то. — Кинорежиссер».

Эту ночь Дотти помнила всю жизнь. Говорила потом, что чувствовала себя закуской, которую он надкусил и отложил на поднос.

Я просмотрел все фотографии с бала-маскарада и, по-моему, нашел Кордову.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

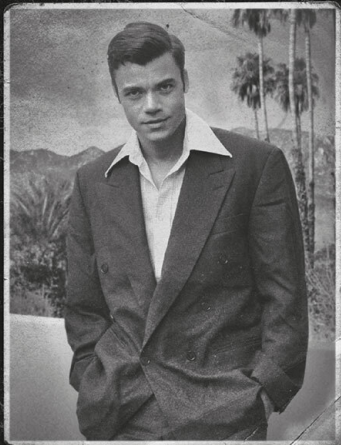
ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ»

Результат 9 из 243

*Стив Кордова
Голливуд, Калифорния, 1962*

ОПУБЛИКОВАЛ(А): Иногда Нужно Встать На Колени

12/02/2000, 02:03

Эта фотография нашлась на гаражной распродаже в Беверли-Хиллз в 1999 году. Лежала в коробке, набитой старыми семейными снимками и географическими картами. Откуда взялся этот портрет, владелица не знала. Распродавала вещи отчима. Он только что умер в 82 года. Она сказала, что он работал бухгалтером во всяких голливудских компаниях, многие нелегальные, в том числе у известной мадам из Беверли-Хиллз, управительницы сети публичных домов высшего класса, которые обслуживали и женщин и мужчин.

На «Черной доске» писали, что, задумав свой первый фильм, «Силуэты, омытые светом», Кордова поехал в Голливуд и зарабатывал деньги на съемки, устроившись жиголо. Я так думаю — и это просто догадка вслепую, — что фотографию украли из архива этой самой мадам, а та в свое время показывала ее потенциальным клиентам.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» Результат 22 из 243

Мам и маленький 8½ мес.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

Одна жилища в 1967-м неожиданно съехала, ни слова не сказав. Осталась только эта фотография — завалилась под ковер в гостиной. Квартиру — 2D, студию — двадцать с лишним лет снимала итальянка, почти не говорившая по-английски. Поселилась там в 1944-м, только эмигрировав из Испании. У нее был маленький сын, но не было мужа. Договор аренды она подписала как «Лоло Кордова». Мне кажется, это фотография матери Кордовы с маленьким Станисласом, вскоре после их приезда в Америку. Моя мать рассказывала потом, что эта женщина была тихая, аккуратная, платила вовремя и без устали вкалывала на двух работах — горничной в манхэттенской гостинице и уборщицей в богатых домах. У моей матери было четыре дома, очень много дел, и она не помнит, видела ли, как мальчик рос или играл во дворе. По сей день она не знает, куда делась эта женщина и что с ней случилось.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» *Результат 59 из 243*

Антиквариат Харви Куна

ОПУБЛИКОВАЛ (А) : Эмили Джексон Не Псих

02/08/2002, 00:39

Летом 2001 года я работал у нью-йоркского антиквара Харви Куна. Кун специализируется на экстравагантных раритетах, от пыточных инструментов испанской инквизиции до старых морских приборов. В клиентах куча богатых чудаков, многие покупают анонимно. Как-то раз, выписывая счет-фактуру, я наткнулся на знакомый адрес доставки: Нью-Йорк, Каргаторп-Фоллз, Проезд 112, 1014.

Это адрес «Гребня», поместья Кордовы.

Заинтересовавшись, я глянул историю покупок клиента. Последними он купил тиски для пальцев — средневековый пыточный инструмент, с помощью которого заключенным ломали пальцы на руках и ногах. Это те самые тиски Брэда Джексона, медиевиста из одноименного фильма Кордовы.

По тому же адресу были доставлены еще две покупки: водолазный шлем королевских ВМС «Зибс Горман» и очень дорогой румынский кол XV века, вертикальное стальное копьё, на которое пленных насаживали, как свиней, чем особо прославился Влад, Сахатель-на-кол, также известный под именем Дракула. Очевидно, что Кордова — или кто-то из его родных — коллекционирует такой вот странный антиквариат.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

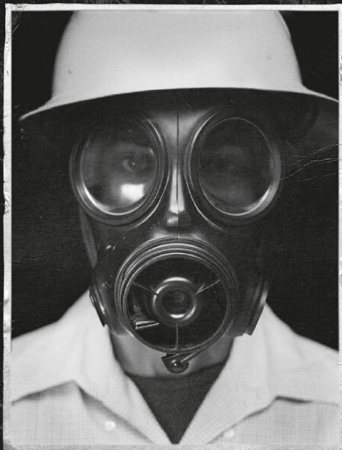
УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» Результат 85 из 243

24/01/79

Джэймс,

Кордова думает дать тебе роль
в следующем фильме
«Меньшее из зол».

Если тебя устраивает, позвони
мне, договоримся и съезди к
нему обсудить.

— Инес Галло

ОПУБЛИКОВАЛ(А): Правда — Это Чересчур

22/11/2003, 04:19

Мой отец в 70-х и 80-х работал менеджером по работе с талантами в компании «Открытие». Он представлял кинозвезду Джеймса Кобёрна. В юности папа слышал историю о том, что с Кобёрном переписывалась помощница Кордовы Инес Галло, в том числе присылала ему жуткую фотографию Кордовы в противогазе. Мне всегда казалось, что отец шутит, — он вообще любил розыгрыши. Когда он умер в 1994-м от инфаркта, у него в столе среди бумаг нашлось вот это. Снимок 8 × 10, на обороте записка фломастером.

Еще я помню, отец говорил, будто знающие люди шептались, что у Кордовы не порядок с глазами — болезнь, называется фотофобия: это когда глаза чувствительны к открытому воздуху и свету, и поэтому он часто в очках, густо-черных или шоферских, какие в давние времена носили в Британии.

³⁹ *Джеймс Кобёрн* – Джеймс Харрисон Кобёрн III (1928–2002) – американский киноактер, в 1960-х и начале 1970-х – один из самых популярных актеров в амплуа крутого парня.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» *Результат 104 из 243*

ОПУБЛИКОВАЛ(А) : Если Увидишь Мертвую Птицу

09/08/2004, 00:39

В 1991 году я работал ассистентом продюсера Арти Коэна. Как-то ночью Арти объявил, что задержится на работе. Это было неслыханно: он обычно ехал домой к шести и ужинал с детьми. Он был дерганный, велел мне уходить, посоветовал отвезти подружку поужинать. Я знал, что он давний продюсер Кордовы, но не знал, что она была марионеткой. Полностью из жизни

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

И ждал, и ждал. Спусти четыре часа задремал. Проснулся, спустился к кабинету Арти — там горел свет. Арти сидел один. И мало того — он напился и разговаривал сам с собой. Я вернулся на свой наблюдательный пост. Наконец, в 02:27 из-за угла появился одинокий человек, перешел пустую улицу. Ночь, толком не видно, но я понял, что это Кордова. Я снял его вслепую, потому что в видеоискатель ничего не разглядеть — темно. Он зашел в наше здание. Я решил, что прослежу за ним, когда он уйдет, и еще снимаю. Снова принялся ждать. Вскоре встало солнце. Я в недоумении сходил проверить кабинет Арти. Там было заперто и темно. Видимо, они вышли черным ходом. Или я на пару минут уснул и сам не заметил? Я в расстройстве вернулся домой и проявил пленку. Фотографии получились расплывчатые и черные — кроме вот этого единственного кадра.

Арти об этом случае никогда не упоминал. Я спросил его, зачем он задержался, но отвечал он нервно. «Я тут был один», — заверил он меня. В конце концов, эта фотография вполне доказала мне, что Кордова вправду существует, хотя почему-то выходит только по ночам.

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

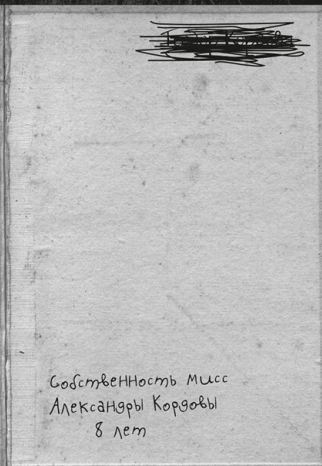
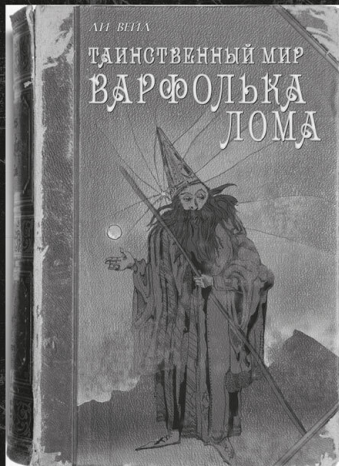
УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» Результат 172 из 243

ОПУБЛИКОВАЛ(А) : Скоро Где-то Будет Смех

28/10/2006, 01:48

Это забыли на тумбочке в гостиничном номере, где 25 июля 1996 г. останавливалась легендарная актриса Марлоу Хьюз. «Отель дю Кап-Эден-Рок» на мысе Антиб. На следующий день позвонила женщина и спросила, нашли ли мы книгу. Я работал портье и говорил с ней по телефону. Соврал, что ничего в номере не находили.

Сверху карандашом написано и зачеркнуто «Теодор Кордова».

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

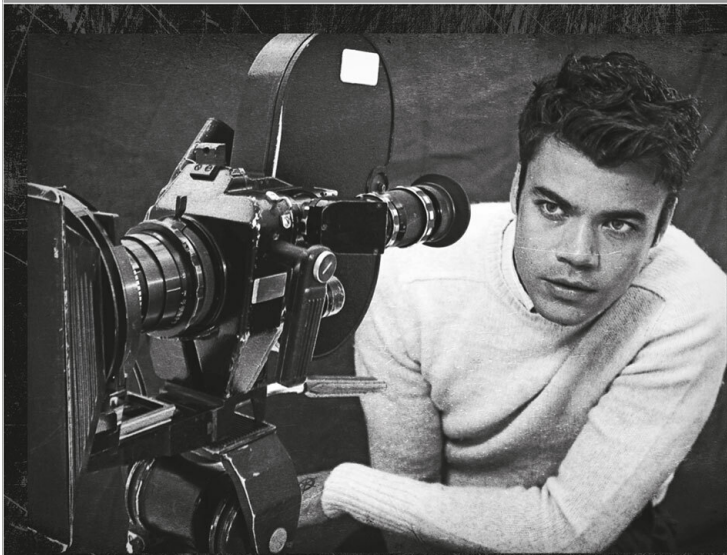
РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» Результат 218 из 243

ОПУБЛИКОВАЛ (А) : Экземпляр 919

11/05/2008, 23:28

Мне кажется, Инес Галло, давняя помощница Кордовы, и Станислас Кордова – это один человек. Когда ей вместо Кордовы вручали «Оскара» за «Тиски для пальцев» (1979), у нее на тыльной стороне кисти виден вытатуированный штурвал.

Такая же татуировка видна на руке Кордовы на официальном фотопортрете «Уорнер Бразерс», который рассылали журналистам перед выходом первого фильма «Силуэты, омывые светом» (1964).

ПАРКОВКА

КОРДОВА

ФИЛЬМЫ

УСТРАШИ

ЗАПОВЕДНО

НЕЗНАКОМЦЫ

НА БОРТ

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ «ПОДЛИННЫЕ ФОТОГРАФИИ КОРДОВЫ» *Результат 243 из 243*

ОПУБЛИКОВАЛ (А): Дайэн с Писательского Курса

21/02/2011, 03:06

Зритель при просмотре фильма Кордовы.

ОПУБЛИКОВАЛ(А) : Karpal23

23/12/2006, 23:27

Я живу в Лонг-Лейк, в 13 милях к югу от Каргаторп-Фоллз.

Однажды ночью в июне 1992-го я ужинал в закусочной и заметил, что в одной кабинке сидит мексиканский подросток в сильном расстройстве. По-английски он не говорил. Я преподаю испанский в местной средней школе. Спросил, не нужна ли ему помощь. Он ответил, что стал свидетелем ужасного.

Он рассказал, что был в группе мигрантов, которых больше месяца назад перевезли из Мексики в Каргаторп-Фоллз работать на съемках. Я заподозрил, что он нелегал, но давить не стал — он и так боялся говорить. Он объяснил, что в тот день снимали сцену на машине с двумя актерами в лесу. Съемки длились несколько часов, и тут в кадр крича вбежал незнакомый человек, какой-то подросток. После продолжительной катавасии выяснилось, что мальчик — сын режиссера, он чинил моторку на озере поблизости и нечаянно отрезал себе три пальца.

Мальчик сжимал в руке отрезанные окровавленные пальцы,

Режиссер заставил его отыграть шестнадцать полных дублей, после чего мальчик потерял сознание. В конце концов вызвали «скорую». Но времени уже прошло слишком много, и пришить пальцы не удалось.

Потом мексиканец испуганно притих, вытер слезы и ушел из закуской. Я позвонил в полицию Каргаторп-Фоллз, попросил их расследовать инцидент, но мне так никто и не перезвонил.

Эта история мучила меня годами. Мне удалось разыскать в интернете фильм ужасов, который Кордова снимал в тот период, «Подожди меня здесь». Я с ужасом увидел, что роль неизвестного в начале играет сын Кордовы Тео. Я уверен, что мексиканец говорил правду. Невыносимая боль на лице Тео подлинна, и, если остановить фильм ровно на 05:48, видно, как торчат голые кости отрезанных пальцев.

Почти всю ночь мы с Норой просидели на «Черной доске». Все равно что в крошечной темноте бродить по зеркальному лабиринту, на каждом шагу натыкаясь на люки и тоннели, слыша голоса из комнат без дверей, ощупью спускаясь по шатким лестницам, бесконечно уводящим в недра земли.

Всякий раз, когда я открывал было рот – мол, пора расходиться, пусть глаза отдохнут, утром еще покопаемся в этом бездонном архиве, – попадалась еще одна байка, на которую никак нельзя не кликнуть, еще один непостижимый эпизод, слух или странная фотография.

«Устраши в себе зверя» – немало страниц на сайте посвящалось якобы жизненной философии Кордовы, каковая вкратце сводилась к тому, что ужас, *страх до потери сознания*, рождает свободу, открывает тебе глаза на живописные, темные и великолепные стороны жизни, тем самым побеждая чудовищ разума. Это означало, как выражались кордовиты, «отправить агнца на бойню» – избавиться от кроткого пугливого «я», сбросив с себя оковы, наложенные друзьями, родными и обществом в целом.

«Едва агнец умерщвлен, ты способен на все и на что угодно; отныне весь мир твой, – провозглашал сайт. – Самовластный. Смертоносный. Совершенный».

Эти три слова, которыми Кордова в том самом интер-

вью «Роллинг Стоуну» описал свой любимый кадр – крупный план собственного глаза, – были лозунгом кордовитов на «Черной доске» и по жизни. *Самовластие*: индивидуальность священна, индивид – благородный, могущественный, самодостаточный борец, единолично властвующий над собой вдали от общества. *Смертоносность*: неотступное осознание неизбежности собственной смерти, а раз смерть неизбежна, отчего не вгрызаться в жизнь зверем. *Совершенство*: постигай, что жизнь твоя и любые текущие обстоятельства идеальны. Ни сожалений, ни вины: даже тупик – всего лишь кокон, откуда следует вырваться, *выпустить жизнь на волю*.

Я и так знал, что поклонники Кордовы полагают его аморальным чародеем, темным служителем, который уводит их прочь из затхлой и скучной повседневности в глубокие норы сырого мирового нутра, где, что ни час, случаются сюрпризы. Прочесывая перешептывания и гипотезы на «Черной доске», густые джунгли анонимных комментариев – от пикета до испуга, от блистательных вывертов логики до извращений, – я лишний раз убеждался в том, что давным-давно заподозрил: Кордова – не просто сумасбродный чудаков вроде Льюиса Кэрролла или Говарда Хьюза⁴⁰; Кордова внушает

⁴⁰ ...или Говарда Хьюза... – Говард (Хауард) Хьюз (1905–1976) – бизнес-магнат, блистательная и эксцентричная звезда американского бизнеса. В 1920–1930-х продюсировал кино, в том числе крайне успешные «Ангелы ада» (*Hell's Angels*, 1930) и «Лицо со шрамом» (*Scarface*, 1932), в 1940–1950-х владел продюсерской и прокатной компанией *RKO*. Был известным авиатором-рекордсменом и финансировал многочисленные авиаконструкторские разработки, владел авиакомпани-

толпам преданность и благоговение, чем немало напоминает идеолога религиозной секты.

К 3:45 мы с Норой – уже в бреду, с пустыми глазами – перешли в гостиную, где откопали пиратский диск с «Подожди меня здесь» (купленный за семьдесят пять долларов у Бекмана) и посмотрели первую сцену, в которой двадцатидвухлетняя Тамсин Поук в роли Дженни Декантер среди ночи одиноко едет по лесной грунтовке.

Внезапно из-за деревьев выламывается Тео Кордова – в роли неизвестного № 1, – отчего Дженни кричит, бьет по тормозам, а заглохшую машину крутит и выбрасывает в канаву.

Мне всегда казалось, что Тео Кордова смахивает здесь на обезумевшего Пака: истощенный, полуголый, глаза остекленели, на голой груди кровь и, похоже, отметины человеческих зубов. Теперь, после истории Карги¹²³ на «Черной доске», Тео смотрелся еще жутче. Он постучал в боковое стекло, подергал дверь, произнес свою единственную реплику – «Умоляю, спасите меня», – еле слышную за воплями Дженни, и голос его сочился изо рта, точно древесная смола.

Нора сделала паузу.

Потом кадр за кадром подобралась к 05:48, и стало видно, что у Тео на руке не хватает трех пальцев.

– Вот!

– Это же кино. Спецэффекты, грим, протез...

– Ты на лицо посмотри. Это настоящая боль. Я же вижу. Она нажала «Вкл.», и рука Тео упала.

Дженни умудряется завести машину и, чуть не сбив измученного раненого мальчишку, мчится дальше по дороге, визжа покрышками и треща ветвями, хлещущими в стекло. Улепетывая в слепом ужасе, смаргивая слезы, она наблюдает за Тео в зеркало заднего вида.

Полуголая фигура красно сияет в свете габаритных фонарей, быстро тончает, чернеет, а затем – стремительно, как насекомое, – бросается прочь с дороги и исчезает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.